

В. Г. ЛАРЬКИН

ОРОЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФИЛИАЛ
им. В. Л. КОМАРОВА

ДВ 902.7
Л-825

В. Г. ЛАРЬКИН

ОРОЧИ

(историко-этнографический очерк
с середины XIX в. до наших дней)

118656
7

Центральная городская
БИБЛИОТЕКА
им. Н. Острожского
Читальный зал

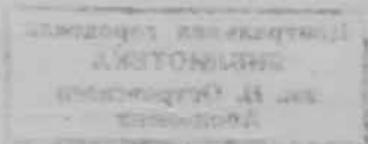
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

г. Копенгаген и/А
ЦБ им. г. Лестрелского
К. Л. СХРАЩЕНИЕ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

кандидат исторических наук

В. М. ВИШНЕВСКИЙ

102221

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
ДВ филиала СО АН СССР*

Расселенные в прошлом на обширных пространных побережья Татарского пролива и правых притоков Амура, орочи были обречены царским правительством на постепенное вымирание. Никакими политическими и гражданскими правами они не пользовались.

Жизнь ороча во многом зависела от того, насколько к нему была щедра и милостива сама природа.

С приходом Советской власти в жизни орочей начался новый этап. Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила все то, что мешало культурно-экономическому развитию этого народа. На примере возрождения орочского народа можно видеть, как Коммунистическая партия, претворяя в жизнь ленинскую национальную политику, создала условия для подъема экономики и культуры всех малых народов.

Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно уделяли большое внимание жизни маленкого народа.

В прошлом отсталый кочевой народ стал полноправным строителем коммунистического общества. В 20-х годах орочи были кооперированы, а затем объединены в колхозы с многоотраслевым хозяйством. Они научились обрабатывать землю; неизмеримо выросла их культура. Если ранее среди орочей не было ни одного грамотного человека, то в настоящее время они имеют свою национальную интеллигенцию: врачей, учителей, культурно-просветительных работников и т. д.

Предлагаемая читателю книга носит историко-этнографический характер. Она состоит из двух частей. В первой части даются общие сведения об орочах, их правовом и культурно-экономическом положении, история их этнографического изучения; освещаются вопросы хозяйства и материальной культуры, а также общественной и духовной жизни до установления Советской власти на Дальнем Востоке. Во второй части характеризуются современное хозяйство, культура и быт орочей.

Основным источником для написания данной работы послужили полевые материалы, собранные автором во время этнографических экспедиций в 1956—1960 гг., и документы, хранящиеся в местных и центральных государственных и партийных архивах страны.

Нам удалось обследовать все современные районы расселения орочей и принять участие во многих видах их производственной деятельности (охоте, рыболовстве, сельском хозяйстве и т. д.).

При написании монографии были широко использованы материалы Комитета Севера при Президиуме ВЦИК, находящиеся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства.

Обстоятельные сведения о прошлом орочьего народа были извлечены нами из путевых дневников В. К. Арсеньева, хранящихся в архиве Приморского филиала Всесоюзного географического общества. Весьма ценные материалы были вскрыты в Государственном архиве Хабаровского края, Государственном архиве города Советская Гавань, в Партийном архиве Хабаровского крайкома КПСС. Интересные материалы по истории и этнографии орочей отложились в музее антропологии и этнографии АН СССР и в краеведческом музее Хабаровского края. Наряду с неопубликованными источниками автор широко использовал дореволюционную русскую, советскую и западноевропейскую историко-этнографическую литературу.

Хотя автор и не ставил своей целью полностью осветить все затронутые вопросы, он надеется, что его работа восполнит в какой-то мере пробел в истории и этнографии малых народов советского Дальнего Востока.

Завершение данной работы было бы немислимо без той помощи, которую мне постоянно оказывал доктор исторических наук М. Г. Левин.

ЧАСТЬ I

ОРОЧИ
С СЕРЕДИНЫ XIX В.
ДО УСТАНОВЛЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

ИЗ ИСТОРИИ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ОРОЧЕЙ

В низовьях таежной реки Тумнин, впадающей в Японское море, расположены селения орочей: Уська, Уська-Русская. Небольшими группами живут орочи по рекам Коппи и Амуру. Всего орочей зарегистрировано по переписи 1959 г. 782 человека¹.

Первые сведения о них стали известны в русской историко-этнографической литературе по трудам Николая Константиновича Бошняка — одного из участников экспедиции Геннадия Ивановича Невельского. 4 июня 1853 г. Н. К. Бошняк открыл Императорскую Гавань (ныне Советская Гавань). Исследуя топографию этой местности, Н. К. Бошняк занимался этнографическими наблюдениями над местным населением. Его интересовало все: быт и хозяйство орочей, их численность, образ жизни, пути и средства передвижения².

По заданию Российской Академии наук среди амурских народов работал Л. Шренк, которого Л. Я. Штернберг назвал «Колумбом этнографии Приамурского края»³. Этнографические сведения об орочах собраны

¹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР», сводный том. М., 1962.

² Н. К. Бошняк. *Экспедиции в Приамурском крае (Экспедиция в заливе Де-Кастри. Описание Татарского берега и открытие Императорской Гавани)*. «Морской сборник», т. 40, № 3. СПб., 1859.

³ Л. Я. Штернберг. *Этнография. Сб. «Тихий океан. Русские научные исследования»*. Л., 1926, стр. 156.

им у нивхов, ульчей и нанайцев⁴. Несмотря на некоторую неточность, сведения Л. Шренка не потеряли своего научного значения и в наши дни.

Ценный этнографический материал о народах Приамурского края собрал Герстфельд. Будучи членом Русского географического общества, он дважды побывал на Амуре. Интересными являются его заметки о религиозных воззрениях амурских народов вообще и шаманстве орочей в частности⁵.

В 1860—1861 гг. залив Де-Кастри и Императорскую Гавань посетил корвет «Америка», на котором находился путешественник С. Максимов. Свои впечатления о путешествии он описал в замечательном очерке «На берегах океана»⁶.

В начале 60-х годов XIX в. на р. Хунгари, по заданию Академии наук, побывал натуралист К. И. Максимович. Обследуя населенные пункты, К. И. Максимович заметил: «Река Хунгари населена гораздо более, нежели реки восточной стороны. У верховьев ее, в пяти маленьких местечках, живут орочи, а у низовьев; в трех деревнях, — гольды»⁷.

Содержательный материал о прибрежных жителях Японского моря собрал и опубликовал подполковник Л. А. Большев, руководивший астрономическими работами в районе Императорской Гавани и Татарском проливе во время деятельности астрономической экспедиции 1874 г.⁸

Летом 1885 г. в Императорской Гавани побывал доктор А. Д. Рончевский. Его работы (несмотря на краткость) заслуживают внимания при изучении прошлого ороцкого народа⁹.

⁴ Л. Шренк. *Об инородцах Амурского края*, т. 1. СПб., 1883; т. 2, 1899; т. 3, 1903.

⁵ Герстфельд. *О прибрежных жителях Амура*. «Вестник РГО», ч. 20, СПб., 1857, стр. 321—322.

⁶ С. Максимов. *На востоке. Поездка на Амур в 1860—1861 гг. (Дорожные заметки и воспоминания)*. СПб., 1864.

⁷ К. И. Максимович. *Приамурский край. Приложение ко второму тому записок Академии наук*. СПб., 1862, стр. 30.

⁸ Л. А. Большев. *Информация об исследованиях берега Японского моря и Татарского пролива*. «Известия». РГО, т. XII, вып. 3. СПб., 1876.

⁹ А. Д. Рончевский. *Измерение 17 черепов орочей и несколько заметок об этой народности. Медицинские прибавления к «Морскому сборнику», август, 1888*. СПб., 1888.

В 1886 г., по заданию Общества изучения Амурского края в г. Владивостоке, с целью обследования орочей была организована этнографическая экспедиция, которую возглавил В. П. Маргаритов. На основе данных полевого материала, собранного им во время этой экспедиции, В. П. Маргаритов создал первое монографическое описание ороцкого народа¹⁰.

В 80-х годах XIX в. в районе расселения орочей появились первые христианские миссионеры, которые попутно с проповедью «слова божьего» собирали этнографические и лингвистические сведения об этой народности. В 1887 г. был составлен русско-орочонский словарь под редакцией А. Протодьяконова¹¹, исполняющего должность начальника Камчатской духовной миссии.

В 1894 г. по бассейну р. Тумнин путешествовал капитан С. Леонтович, собравший краткие этнографические и лингвистические данные по орочам¹². В 1895–1897 гг. у орочей побывал один из участников Амурской экспедиции Я. Эдельштейн¹³.

В 1897 г. по ороцким стойбищам совершил миссионерскую поездку священник Уссурийской духовной миссии П. Ляхоцкий. Он посетил 25 ороцких стойбищ, расположенных по рекам Тумнин, Улика, Дюанка, Уй, Ма, Хади. В опубликованных им материалах имеются упоминания о численности орочей, их родовом составе, а также описания жилищ, одежды и образа жизни¹⁴.

Ценный материал по социальной организации орочей собран и опубликован Л. Я. Штернбергом. Он дважды побывал у орочей: первый раз летом 1896 г., а второй — в 1910 г. Будучи крупнейшим знатоком народов южной части советского Дальнего Востока, Л. Я. Штернберг попытался решить проблему происхождения орочей. Он первым дал характеристику ороцкого рода, опи-

¹⁰ В. П. Маргаритов. Об орочах Императорской Гавани. СПб., 1888.

¹¹ А. П. Протодьяконов. Краткий русско-орочонский словарь. Казань, 1888.

¹² С. Леонтович. Природа и население р. Тумнин Приморской области. «Землеведение», т. IV, № 3–4, 1897; Он же. Краткий русско-орочонский словарь. «Записки Об-ва изучения Амурского края», т. V, вып. 2. Владивосток, 1896.

¹³ Я. Эдельштейн. Северный и средний Сихотэ-Алинь. «Известия РГО», т. XXXI, вып. 2. СПб., 1905.

¹⁴ П. Ляхоцкий. Миссионерская поездка к орочам. «Православный благовестник», № 1, 2, 6. Казань, 1897.

сал бытовавшее у этой народности шаманство и другие религиозные верования¹⁵.

Выдающийся исследователь и путешественник В. К. Арсеньев собрал богатейший материал по этнографии орочей. К сожалению, большая часть этих сведений до сих пор не опубликована и хранится в архиве Приморского филиала Всесоюзного географического общества.

В 1902—1912 гг. в Приамурском крае работал Фридрих Альберт — врач и естествоиспытатель. Некоторые сведения об удэгейцах и орочах он сообщает в своей книге «Die Waldmenschen Udege». По его мнению, эти народности не отличаются друг от друга ни по языку, ни по материальной, ни по духовной культуре. Автор не понимает или умышленно извращает роль шаманов в общественной жизни орочей. Он считает, что шаманы главным образом заботятся о благе своих соплеменников и что шаманство не приносит им никакого дохода¹⁶. Происхождение удэгейцев и орочей Ф. Альберт связывает с югом. Он пишет: «Мы, вероятно, имеем дело с народом, который, возможно, живет в пределах современных границ, начиная с джюливиального периода, прежде имел большое распространение и по своей природе принадлежит к субтропической расе»¹⁷. Анализируя средства передвижения орочей, он приходит к выводу, что эти народы жили когда-то в теплом климате. Такой вывод в свете новейших данных советских исследователей по этногенезу орочей является несостоятельным. В частности, в этом легко убедиться, ознакомившись с работой М. Г. Левина «Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока»¹⁸.

В 1924 г. на побережье Японского моря работал профессор А. А. Емельянов. Помимо материалов по зоологии, им были собраны интересные сведения по этно-

¹⁵ Л. Я. Штернберг. *Орочи Татарского пролива. «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны».* (Статьи и материалы). Хабаровск, 1933.

¹⁶ F. Albert. *Die Waldmenschen Udege.* Darmstadt, 1956, S. 43.

¹⁷ Там же, стр. 54.

¹⁸ М. Г. Левин. *Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.* «Труды Института этнографии Академии наук СССР», новая серия, т. XXXVI, 1958.

графии коппинских и ботчинских орочей¹⁹. К сожалению, большинство этих материалов не опубликовано.

В 1927—1928 гг. среди орочей работал один из отрядов Тунгусской экспедиции Государственного института антропологии и Центрального музея народоведения под руководством профессора Б. А. Куфтина. На основе обширного материала, собранного сотрудниками экспедиции, Б. А. Куфтин установил «этническую обособленность орочей Советской Гавани и Хунгари от более многочисленного племени удэге»²⁰. Один из участников этой экспедиции Б. А. Васильев частично опубликовал материалы по этнографии орочей²¹. Большая часть материалов этой экспедиции не опубликована и хранится в архиве Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР²². Антропологические материалы Тунгусской экспедиции были частично опубликованы А. Н. Покровским²³.

В 1929 г. у орочей работал профессор В. А. Аврорин. Изучая язык этой народности, он одновременно собрал интересные сведения по шаманству и космогонии²⁴.

Исследованием языка орочей занималась профессор В. И. Цинциус. Правда, эту работу она вела не в полевых условиях, а со студентами-орочами из Института народов Севера. На основании полученных данных она попыталась установить, в чем сходство и расхождение между грамматическими нормами орочского и удэгейского языков²⁵.

В 1949 г., почти после 20-летнего перерыва, была возобновлена работа по этнографическому изучению орочей. Этот почин положила Амуру-Сахалинская антро-

¹⁹ Архив ДВ филиала СО АН СССР, ф. А. А. Емельянова.

²⁰ ГАХК, ф. 537, оп. 1, д. 60, л. 189.

²¹ Б. А. Васильев. Старинные способы охоты у приморских орочей. «Советская этнография», 1940, т. 3.

²² Архив МАЭ, ф. 12, оп. 1, д. 35—36; оп. 4, д. 51—52, 58; оп. 5, д. 6, 8, 9.

²³ А. Н. Покровский. Антропологический тип орочей. «Труды 3-го Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов, 1927 г.». Л., 1928.

²⁴ В. А. Аврорин, И. И. Козьминский. Представления орочей о вселенной, о переселении души и путешествиях шаманов, изображенные на «карте». Сб. «МАЭ АН СССР», т. XI, 1949.

²⁵ В. И. Цинциус. Очерк морфологии орочского языка. «Ученые записки ЛГУ», № 98, серия востоковедческих наук, вып. 1, 1949.

полого-этнографическая экспедиция под руководством доктора исторических наук М. Г. Левина. Непосредственно среди орочей работала сотрудник экспедиции А. В. Смоляк. Весь антропологический материал по орочам, накопленный более чем за 100 лет, обобщен и проанализирован в исследовании М. Г. Левина ²⁶.

В 1959 г. среди орочей возобновил свои работы профессор В. А. Аврорин, продолживший сбор языковедческого материала.

В 1956 г. автор настоящей работы совершил рекогносцировочную поездку к орочам. К сожалению, материал этой экспедиции почти целиком погиб во время катастрофы на р. Самарге. Зимой 1958 г., в 1959 и 1960 гг. нами были обследованы хунгарийские орочи ²⁷. Наиболее результативными оказались поездки 1959—1960 гг. За этот период нам удалось собрать материал, который лег в основу данной монографии.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОРОЧАХ

Орочи — небольшая народность, входящая в состав тунгусо-маньчжурской языковой группы. Ороцкий язык подразделяется на два говора — тумнинский и хадинский (см. ниже).

<i>Русское название</i>	<i>Хадинский говор</i>	<i>Тумнинский говор</i>
Губы	хаму	хэмму
Дальний	гаукэ	тауки
Грех	ангауе	чэппуе
Голос	куни	эвий
Гора	уа	увэ
Болото	чипукта	тэгги
Борода	гугахта	гувакта
Бессой	унталачи	нюллаки
Бурундук	угукэ	угуки
Вата	юга	юха
Доска	каппагей	капписи
Кожа звериная	наса	наха

²⁶ М. Г. Левин. Указ. соч.

²⁷ В. Г. Ларькин. Поездка к иманским и хунгарийским удэгейцам. «Советская этнография», 1959, № 1.

Самоназвание орочей (нани) такое же, как у ульчей, нанайцев и ороков. Однако это название не закрепилось за орочами и сейчас ими почти совершенно забыто. Со предельным народам орочи были известны под различными названиями. Удэгейцы называли их «пяка», ульчи — «орбчи», эвенки — «ламка», гилияки — «тозунг». Русское население называло орочей «орочонами».

Термин «орочи» впервые введен в этнографическую литературу французским мореплавателем Лаперузом, который посетил в 1786 г. бухту Де-Кастри и встретил там местных жителей, называвших себя «орочами». Этимология этнонима «орочи» объясняется из тунгусо-маньчжурского названия домашнего оленя «оро».

В XIX в. орочи занимали территорию от бухты Де-Кастри на севере и до устья р. Ботчи, впадающей в Японское море, на юге. Западная граница проходила по горному хребту Сихотэ-Алинь. На этом громадном пространстве по течению больших и малых рек было разбросано несколько десятков орочских стойбищ. По побережью Японского моря от бухты Де-Кастри до устья реки Ботчи: Ду, Сидима, Хоё, Укому, Сюркум, Аука, Бэчи, Чумма, Дюанка, Мукча, Уй, Май, Хади, Пути, Коппи, Эку, Эуча, Наггахэ, Ича, Уэ, Адами, Пуняки, Ботчи; по р. Коппи — Кэпка, Астами, Тэпты, Эе, Санку, Чоноко, Бяпали, Джякумэ, Джауса, Инда, Омоко, Ели, Иггу, Джю, Булинге, Джуодэ, Илянгахэ, Дулэнгэ, Лаукэле; по р. Ботчи — Икика, Кукчи, Абула; по р. Хади — Туттэ (Гадка), Типпали, Эгэча, Тумаку, Соломи, Янгау, Монго, Дулукэ, Джёко, Гупомё, Абу.

По р. Тумнин и его притокам были стойбища: Монгохто, Хунда, Чапсары, Уська, У, Нижняя Джугджя, Верхняя Джугджя, Джяуса, Хуту-дата, Джюлькэ, Хича, Тобо, Уктука, Мики, Джяуса, Сюдэлэни, Геони, Гумомса, Бугэ, Нюгджя, Дзоло, Бунгса, Мули-дата, Кото, Токолинку, Аукан, Джигдасэ, Онгё, Оёнку, Кэндэхэ, Ниесэ, Кумптэ.

Большинство селений считалось временными стоянками, в которых орочи жили во время сезона охотничьего промысла или рыболовного. Постоянными были стойбища: Ботчи, Коппи, Хади, Дюанка, Датта, Уська, Хуту-дата, Мули-дата, Хунда, Акур-дата.

Орочи, обитавшие в районе Императорской Гавани, в конце XIX в. отошли на север в район Сюркума, от-

дельные семьи перекочевали на Коппи и Тумнин, а часть, проживающая в районе бухты Де-Кастри и по верхним притокам р. Тумнин, прежде всего по р. Ай, мигрировала на р. Амур. Основными причинами, послужившими передвижению орочей на р. Амур, были поиски мест более богатых рыбой и зверем.

Орочи-переселенцы основали на р. Амур несколько национальных стойбищ: Педа, Кеути, Гауни, Ангаи, Оги. Некоторые ороческие семьи осели в ульчских селениях: Карпачи, Больби, Ферма, Вайи, Гери.

В это же время на Хунгари переселилась группа орочей с Акура и Мули — притоков Тумнина. От своих информаторов В. К. Арсеньев записал, что «первые орочи перекочевали на Хунгари с притоков Тумнина: Мули и Аку. Главная причина переселения — разработка золота в верховьях Тумнина и его притоков, а также отсутствие в указанных местах зверя (сохатого и медведя)»²⁸. Переселившись на Хунгари, орочи основали стойбища: Укту, Илика, Поди, Мончи, Удоми. В конце XIX — в начале XX в. небольшая группа орочей перекочевала на о. Сахалин и обосновалась там в районе поста Дуйского²⁹.

В результате расселения орочей сложилось несколько территориальных группировок, объединяющих семьи различных родов. Таких территориальных групп можно выделить пять: Амурскую, Хунгарийскую, Тумнинскую, Приморскую (Хадинскую) и Коппинскую.

Амурская группа была расселена в окрестностях озера Кизи и селения Богородского. В ее состав входили семьи из родов Еминка, Дзаринча, Сенкиянка, Иенка (Намунка), Моуданка, Гальданча. Следует помнить, что значительная часть населения этой группы уже к концу XIX в. утратила свой родной язык и перешла на ульчский.

Хунгарийская — охватывала район среднего и верхнего течения р. Хунгари. Эта группа объединяла сородичей Акунка, Быхинька, Еминка, Мулинка, Пунадинка.

Тумнинская — занимала бассейн р. Тумнин и побережье Японского моря от бухты Де-Кастри на севере до

²⁸ Архив Приморского отделения ВГО, ф. В. К. Арсеньева. Путевые дневники, № 1, стр. 227.

²⁹ Там же, стр. 201.

р. Улька на юге. На этой территории были разбросаны стойбища родов Хутунка, Мулинка, Акунка, Ауканка, Самандига.

Приморская (Хадинская) группа включала в свой состав семьи родов Иенка (Намунка), Пэулянка, Улянка, Бисянка, Сеочёнка, которые были расселены по побережью от устья р. Улька на севере до р. Коппи на юге.

Коппинская группа занимала бассейн р. Коппи, где были расселены сородичи Вагла, Огдонко, Докодика, Улянка, Бисянка, Камдзига (удэгейский род), Кэнду (ульчский род).

В прошлом население Хадинского, Тумнинского и Коппинского районов заметно отличалось друг от друга по языку. В конце XIX в. уже была нарушена территориальная обособленность ороческих родов. Однако пережитки родовой обособленности еще до некоторой степени сохранялись. Об этом свидетельствовал однородный состав населения ороческих стойбищ, зарегистрированных во время Всероссийской переписи 1897 г.³⁰

До проведения этой переписи численность орочей точно не была определена. Первые сведения о них собрал Н. К. Бошняк. По его подсчетам орочей, проживавших по побережью Японского моря от залива Де-Кастри до Императорской Гавани, числилось 150 человек³¹.

В. П. Маргаритовым было учтено 312 орочей³², которые были расселены следующим образом:

Название стойбищ	Число жилищ	Число жителей
Ботчи	8	30
Коппи	7	37
Хади	6	35
Уй	5	29
Дюанка	5	25
Датта	10	59
Уська	5	27
Хуту	5	25
Хутудане	4	23
По разным местам	—	22

³⁰ С. Ж. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. III. СПб., 1912, стр. 931—932, 961.

³¹ Н. К. Бошняк. Указ. соч., стр. 208.

³² В. П. Маргаритов. Указ. соч., стр. 4.

Из приведенных данных видно, что Маргаритов переписал часть орочей, расселенных в районе Императорской Гавани. Не были учтены им орочи, проживающие на севере, по побережью р. Хунгари и по верхним притокам Тумнина.

Всероссийская перепись населения 1897 г. дала наиболее полные статистические сведения о численности орочей. Однако материалы этой переписи нельзя считать совершенно точными, потому что счетчики порою ошибочно регистрировали под общей рубрикой и орочей, и удэгейцев, и ульчей. С. К. Патканов, обрабатывавший данные переписи, также допустил неточности. Так, он отнес к орочам ульчский род Удюга и, наоборот, орочские роды Иенка, Сенкиянка и Моуданка — к ульчам³³.

Также ошибочно у С. К. Патканова включение в состав орочей ульчского рода Кэнду и удэгейского рода Камдзига³⁴.

В связи с допущенными С. К. Паткановым неточностями во время обработки материалов Всероссийской переписи 1897 г., мы были вынуждены тщательно проверить весь цифровой материал, показывающий численный состав орочей. На основании уточненных и проверенных данных на конец XIX в. орочей насчитывалось 551 человек. Из них по побережью Японского моря и бассейну р. Тумнин жило 420 человек, по р. Хунгари — 76 и Амуру — 55.

Ниже приводятся данные о количественном составе и родовой принадлежности населения орочских стойбищ, расположенных на морском побережье и в районе Тумнина.

Отсюда видно, что С. К. Патканов относил к орочам пять человек из ульчского рода Кэнду и двоих из удэгейского — Камдзига.

Численность орочей, проживавших по Тумнину и побережью Японского моря, фактически составляла 420 человек.

Данные о расселении орочей по Хунгари: ³⁵

³³ С. К. Патканов. Указ. соч., стр. 968—969.

³⁴ Там же, стр. 940.

³⁵ Там же, стр. 956, 957, 966, 973.

Название стойбищ	Число хозяйств	Число жителей ³⁶	Распределение населения по родам ³⁷
Джуанко	6	34	Иенка — 12, Пэулянка — 12, Самандига — 6 Эмунка — 4
Улика	3	20	Улянка — 20
Джоко	2	15	Бисянка — 15
Домоха	2	21	Вагла — 9, Улянка — 12
Эггаха	1	3	Бисянка — 3
Майда	2	9	Вагла — 4, Кэнду — 5
Китабьяка	2	8	Бисянка — 8
Ма	3	15	Сечёнко — 3, Хутунка — 10 Камдзига — 2
Гадки	1	6	Иенка — 6
Май-Датта	2	9	} Родовая принадлежность не установлена
Коппи	3	28	
Пуначигайча	1	4	
Кинё	2	10	
Асинка	1	7	
Аутка	1	7	
Сюркум	1	3	
Няннянку	1	9	
Кумтэ	2	1	
Койнаку	2	6	
Датта	12	41	Пунадинка — 15, Улянка — 24. Хутунка — 2
Мулида	7	33	Мулинка — 33
Чоппонай	1	13	Эмунка — 13
Асиктани	5	17	Иенка — 4, Мулинка — 6, Самандига — 6, 1
Мунгидани	2	6	Мули — 6
Монгохто	3	14	Хутунка — 14
Оська	1	7	Акунка (Ауканка) — 7
Джогда	4	25	Акунка (Ауканка) — 25
Хуту-Датта	1	20	Акунка (Ауканка) — 20
Джюльда	4	19	Акунка — 19
Джюлька	5	14	Бисянка — 4, Эмунка — 10
Ауча	1	3	Родовая принадлежность не установлена
Итого:	83	427	

³⁶ С. К. Патканов. Указ. соч., стр. 931--932.

³⁷ Там же, стр. 940.

Название стойбищ	Число хозяйств	Число жителей	Распределение населения по родам
Поди	3	7	Акунка — 4, Быхинка — 3
Илика	5	30	Акунка — 15, Ёминка — 10, Мулинка — 5
Уктудани	4	29	Акунка — 24, Пунадинка — 5
Мончи	1	8	Мулинка — 8
Ситами	4	14	Акунка — 2, Удэгейцы — 12
Итого:	17	88 *	

* В том числе 12 удэгейцев.

Орочи, расселенные по Амуру, переписчиками были отнесены к ульчам. С. К. Патканов не исправил эту ошибку во время обработки материалов переписи.

О расселении орочей на Амуре смотри ниже ³⁸.

Название селений	Распределение орочей по родам	
Кэути	Ёминка — 5	
Очи	Джаринча — 5, Ёминка — 7	
Большби	Сенкиянка — 13	
Анган	Моуданка — 3	
Пули	Иенка — 11	
Пяда	{	
		Гальданча — 10
		Родовая принадлежность неизвестна — 1

Всего: 55 человек.

В 1908 г. В. К. Арсеньевым была проведена перепись орочей, расселенных по побережью Японского моря и в бассейне р. Тумнин. Полученные сведения В. К. Арсеньев сверил со статистическими данными Заольгинского стана ³⁹. В результате на 1908 г. орочей насчитывалось 445 человек, они были расселены следующим образом:

³⁸ С. К. Патканов. Указ. соч., стр. 961, 968.

³⁹ Архив Приморского отд. ВГО, ф. В. К. Арсеньева. Путевой дневник, № 1, стр. 227.

<i>Наименование стойбищ</i>	<i>Число жилищ</i>	<i>Число жителей</i>
Май	5	31
Уй	7	50
Дюанка	6	29
Датта на р. Улике	4	37
Уська	3	32
Хуту-Дата	7	53
Дюлька	3	29
Акур-Дата	4	40
Мули-Дата	2	21
Гидю	1	8
Коппи	13	97
Ботчи	1	18
Всего:	56	445

Таким образом, в Коппино-Тумнинском бассейне и по побережью Японского моря за десятилетие, прошедшее со времени Всероссийской переписи 1897 г., численность орочей увеличилась на 25 человек. Вероятно, этот рост произошел за счет орочей, расселенных по побережью Японского моря, на участке между устьями рек Коппи и Ботчи (во время переписи 1897 г. они были включены в состав удэгейцев).

Первая перепись орочей при Советской власти была произведена в 1924 г.; по ее данным, орочей насчитывалось 460 человек ⁴⁰.

Более обстоятельный и точный учет орочей был произведен во время Всесоюзной переписи населения в 1926 г. Тогда их насчитывалось 645 человек. В селениях, расположенных по побережью и рекам, проживало 406 орочей ⁴¹. По административно-территориальному делению они входили в состав Советского района Хабаровского округа. О численности населения ороческих стойбищ этого района можно судить по следующим данным:

⁴⁰ «Объяснительная записка к этнографической карте Сибири». Л., 1929, стр. 81.

⁴¹ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. VII. (Дальневосточный край, Якутская АССР). М., 1928, стр. 118—121.

Название стойбищ	Сельсовет	Число хозяйств	Число жителей
Бяпали-дата	Коппинский	1	4
Гадки (на р. Туто)		2	7
Дактыбача	Знаменский	5	21
Датта	Даттинский	1	1
Бяпали-дата	Коппинский	1	4
Джакумай	Коппинский	1	12
Джоко (р. Хади)	Знаменский	4	17
Дземпу (р. Уй)	Знаменский	3	18
Ма-дата (р. Ма)	Знаменский	1	5
Монгокто	Алексеевский	15	100
Оэ	Коппинский	1	6
Санди	Коппинский	1	10
Сюркум	Алексеевский	7	35
Тэпты-дата	Коппинский	4	17
Урма	Коппинский	1	3
Уська	Алексеевский	10	53
Хадача	Знаменский	2	10
Хуту-дата	Алексеевский	15	83
Всего		75	406

Амурские орочи, входившие в состав Больше-Михайловского района Николаевского округа, во время переписи 1926 г. проживали в пяти стойбищах

Название стойбищ	Сельсовет	Число хозяйств	Число жителей ⁴²
Гауни	Софийский	8	58
Карпачи	Больбинский	2	26
Педа	Уданский	5	39
Пули	Уданский	3	26
Сизими	Мариинский	2	4
Всего:		20	153

Хунгарийские орочи, входившие в состав Нижне-Тамбовского района Николаевского округа, переписчиками в 1926 г. были зарегистрированы в трех селениях, подчиненных Хунгарийскому сельсовету, в количестве

⁴² «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. VII (Дальневосточный край, Якутская АССР). М., 1928, стр. 176—177.

72 человек. Из них: 29 проживало в селении Кун, 13 — в Удоми и 30 — в Укту-Дат-та ⁴³.

Сопоставляя материалы переписи 1897 и 1926 гг., можно заметить, что как в количественном составе, так и в расселении ороцкого населения произошли некоторые изменения. Так, например, количество амурских орочей возросло с 64 человек до 153. Это увеличение произошло за счет переселения на Амур хунгарийских и приморских орочей. Сопоставляя данные двух переписей, можно предположить, что значительная часть орочей, проживавшая во время переписи 1897 г. в стойбищах по побережью Японского моря, переселилась на р. Тумнин. Были покинуты стойбища Джуанко, Асинка, Няннянку, Асиктани. В то же время численность населения стойбищ, расположенных по Тумнину, значительно выросла. Так, в стойбище Монгокто в 1897 г. насчитывалось 14 человек, а в 1926 г. — 100, в стойбище Уська — 7, а стало 53 и т. д. Эти изменения происходили по разным причинам. Наиболее существенными из них являлись бесчинства белогвардейцев и японских интервентов во время гражданской войны. Орочи не могли свободно заготавливать себе рыбу, не рискуя быть убитыми, поэтому в поисках более тихих и спокойных мест они были вынуждены покидать родные места.

⁴³ Там же, стр. 182—183.

ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ОРОЧЕЙ

Неисчерпаема кладовая природных богатств Тумнинского бассейна и северного побережья Японского моря. Многообразна фауна этого района. В тайге водятся хищные звери: тигр амурский, медведь бурый и белогрудка, волк, рысь, россомаха; из диких копытных животных — олень, лось, кабарга, косуля и реже изюбрь, дикий кабан; из пушных — соболь, колонок, горноста́й, белка, выдра, лиса. В реках и прибрежных водах Японского моря обитают различные породы рыб — лососевые, частиковые, осетровые, тресковые. Из морских млекопитающих — нерпа, лахтак, сивуч.

Обилие зверя и рыбы в значительной степени определило характер хозяйства орочей и образ их жизни. Основными их занятиями были охота и рыболовство.

ОХОТА

Родители прививали своим детям навыки охотничьего промысла с раннего возраста. Как только юноше исполнялось 14 лет, отец давал сыну лук и семь стрел. С ними подросток отправлялся в тайгу и не возвращался домой до тех пор, пока не убьет кабаргу или не подстрелит подсвинку. Успешно выполнив первое задание, сын возвращался домой и получал от отца уже девять стрел и копые. На этот раз «кандидат» в охотники обязан был убить сохатого или медведя, и в случае уда-

чи юноша должен был принести домой голову убитого зверя. Через три дня после возвращения сына с охоты отец устраивал угощение, на которое приглашал всех родственников и сородичей по материнской линии и также всех соседей по стойбищу. Гостей угощали мясом, которое принес юноша. Все присутствовавшие восхваляли ловкость, сноровку и мужество молодого охотника, воздавали должное его отцу, который воспитал в сыне такие замечательные качества. На следующий день устраивались спортивные игры: стрельба из лука, метание копья, остроги по движущимся целям, фехтование на палках, борьба. Во всех этих состязаниях обязательно должен был участвовать молодой охотник. По окончании праздника присутствовавшие гости дарили юному охотнику ножи, наконечники, стрелы, остроги, копья, лыжи и лыжные палки, а отец — лук и полный колчан со стрелами.

Охотничий промысловый сезон у орочей начинался с октября и продолжался до марта. Снаряжение охотника состояло из лука, копья, охотничьего ножа, лучков для самострелов, трутницы, игольника. В комплекс промыслового костюма входили: круглая шапочка, меховые наушники, халат, меховая распашная куртка, ноговицы матерчатые, наколенники из ровдуги, унты, меховые рукавицы. На месте промысла каждый охотник имел свой амбар, в нем хранил лыжи, пялки для просушивания шкурок, капканы, ловушки, юколу, вяленое мясо и т. д.

На охоту уходили в одиночку или небольшими партиями, в основном мужчины, независимо от их родовой принадлежности. Коллективная охота на пушного зверя у орочей не практиковалась. Каждый охотник промыслял в отдельности на участке, который был постоянно закреплен за ним.

Орочи использовали на охоте разнообразные самодельные орудия. Наиболее распространенные из них были: лук, копья, самострелы, ловушки, петли. По своей конструкции и названиям они тождественны орудиям соседних народов: удэгейцев¹, нанайцев, ульчей².

¹ В. Г. Ларькин. *Хозяйство и средства передвижения удэгейцев до установления Советской власти*. «Труды ДВ филиала СО АН СССР», серия историческая, т. I, 1959.

² Л. Шренк. *Об инородцах Амурского края*, т. 2. СПб., 1899, стр. 240.

Орочский лук (бейю) относится к типу простого плоского лука. С ним охотились на лыжах по весеннему насту во время преследования сохатого, кабана, косули, кабарги, оленя. Луковище изготовляли из березы, трескуна, реже из ели, а тетиву — из ровдужных ремешков, ниток, сухожилий или крапивы.

Наконечники стрел орочи выковывали из железа, иногда изготовляли из кости или дерева. Костяной наконечник имел четырехгранную форму, железный — листовидную, стрелы с деревянным наконечником (луки) использовали для поражения водоплавающей и боровой дичи, а также во время охоты на белку, костяные (ромбовидные) — на медведя, кабана, лося, оленя.

Распространенным способом охоты у орочей являлось настораживание петель (хукку). Их устанавливали осенью на валежинах, перекинутых через речку или ручей.

Зверя добывали также с помощью самострелов, которые настораживали на тропах диких животных. Опишем способ установки и конструкцию самострела на медведя. По обеим сторонам звериной тропы устанавливали загородку (дакпини). По середине тропы вбивали колышек (саламука), к которому привязывали нить (сиени), свободный конец ее, в виде петли, накидывали на спусковой крючок (семучани); сбоку от тропы вбивали два кола (бэуча), расположенные на небольшом расстоянии друг от друга, в одну линию. Сверху в их развилки клали станину (салака) самострела, на которую накладывали древко стрелы (ней) с наконечником (сенгми тада). Для сгибания луковища устанавливали упорную палку (туга). На соболя (дэнгу) и выдру (усули) самострелы были почти такие же, как и на диких животных. Различие выражалось лишь в мощности ударной силы луковища и в форме наконечника стрелы (на соболя он был двузубый, а на выдру — трехзубый).

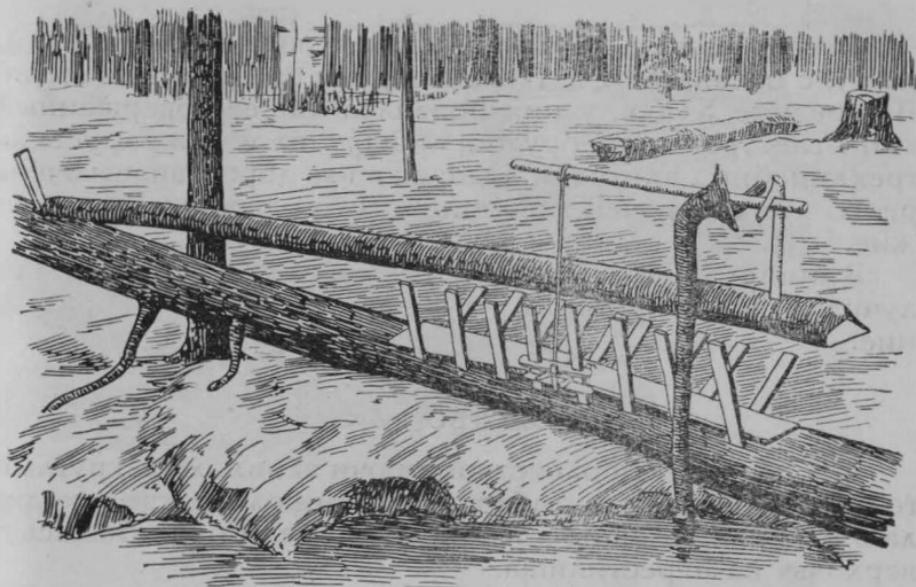
Простыми и в то же время практически удобными средствами добычи пушного зверя являлись ловушки давящего типа. Принцип их устройства был почти одинаков у всех народов Сибири и Дальнего Востока. Широко распространенным орудием охоты была ловушка (капали), которую устанавливали зимой. Устройство и принцип ее действия аналогичны тунгусскому черкану.

Ситиктоха -- ловушка давящего типа, установленная на пушного зверя

Ланги -- ловушка, установленная на пушного зверя

Дои — ловушка, установленная на соболя или колонка

Ловушка (сипиктока) предназначалась для соболя. Ее устанавливали в ельнике. Из коры сооружали ящик. Внутри его лежал обрубок дерева. На него клали тонкую палочку. На конец палочки, обращенный внутрь ящика, насаживали приманку (сиппо), а на палочку ставили тонкую жердочку, на которую сверху клали давящее бревно (голофони). Для увеличения силы тяжести давящего бревна дополнительно накладывали снаружи груз (тыукани). Зверек, дотронувшись до приманки, сваливал сторожку (туга) — в результате бревно падало и придавливало его.

По такому же принципу устроена ловушка (ланги), которую устанавливали в дупле дерева.

Оригинальной и в то же время простой по своей конструкции была ловушка (касока), предназначенная для ловли лис. Обычную жердь, толщиной в кисть руки, вбивали в землю и расщепляли сверху. В расщеп клали приманку (рыбу или мясо). Лиса, пытаясь достать приманку, подпрыгивала, попадала лапой в расщеп и застревала в нем. Такие ловушки устанавливали зимой на берегу моря.

Огнестрельное оружие у орочей появилось, по-видимому, с начала XIX в. Первые ружья были фитильными. В середине XIX в. у них появился более совершенный тип огнестрельного оружия — берданы и даже русские трехлинейные винтовки. Однако из-за дороговизны очень редко кто из орочей мог приобрести огнестрельное оружие.

В конце XIX — начале XX в. широкое развитие получил пушной промысел, имеющий товарное направление.

РЫБОЛОВСТВО

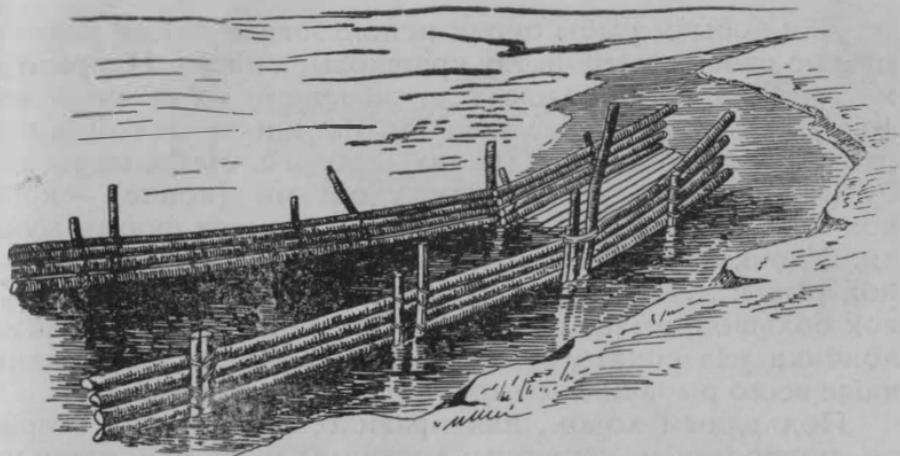
Рыболовством орочи занимались круглый год. Летом и осенью рыба в большом количестве заходила в реки, впадающие в Японское море, и поднималась в верховья на нерестилища.

Наиболее распространенными орудиями лова служили остроги, ставные сети, закидные невода, загородки, крючковатые снасти.

Рыболовецкие сети орочи изготавливали из крапивных ниток, смоченных в крови лося. Для вязания их использовали деревянные иглы (сахпу), а для наматывания сетевых очков применяли деревянные формы различных размеров.

Ставной невод (адули) оснащали поплавками (кохто) в виде небольших берестяных рулончиков с грузилами (илбэхэ) из речной гальки. Длина такого невода не превышала 15—20 м, а ширина — 1,5 м. Адули устанавливали в тихих протоках и заводях.

Лов рыбы в устье реки и прибрежных водах Японского моря производили закидными неводами (дагдали). Для этого орочи объединялись по два-три человека. Невод закидывали на глубинных местах реки с очищенным от плавника дном. Добытую рыбу делили поровну. На скатывающуюся в море рыбу (форель, голец, весеннюю кету, горбушу) орочи устраивали специальные ловушки в виде загородок (укки). Их сооружали на перекатах. Если перекат был узким, то к ловушке от берега подводили мост (дау), если мост нельзя было соорудить, то проверку загородки производили с лодки. Попавшую в ловушку рыбу вытаскивали крюком (гоко). Установка таких загородок была не под силу одному

Укки — загородка для добычи скатывающейся рыбы

человеку, поэтому для их сооружения орочи объединялись по двое.

Самым распространенным орудием лова у них считалась острога. Конструкции ее были различные. С помощью трехзубой остроги (мэньмэ) орочи кололи горбушу, ленка, а двузубой (джунги) — кету, тайменя. Для добычи камбалы применяли шестизубую острогу (сечинки).

Острогой били рыбу днем и ночью. Особенно увлекателен ночной способ ловли, или лучение (талунай). Лучить отправлялись на лодке вдвоем в тихие безветренные вечера. Рыбаки брали с собой две-три остроги, пучки смолья или бересты (сиви). Поднявшись вверх по реке до места лучения рыбаки устанавливали на носу лодки зажженный факел (укса) и спускались вниз по реке. Один из участников лучения сидел на корме и управлял лодкой, а другой с острогой в руках стоял на носу и зорко смотрел в воду. Заметив спящую на дне рыбу, он стремительно наносил ей удар острогой и резким движением вытаскивал добычу в лодку. Самыми удобными местами для лучения являлись нерестилища, куда в большом количестве заходили лососевые на икромет. За 3—4 часа лучения одной острогой можно было добыть до 150 штук лососевых.

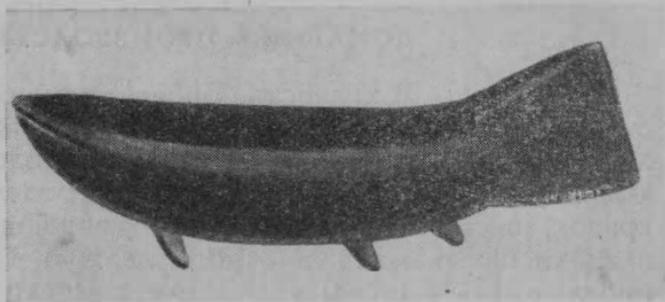
Для добычи рыбы орочи использовали также различные по своему устройству крючковые снасти. Например, на тайменя устанавливали плавающий на якоре крюк (охо), на который насаживали приманку. Такой крюк изготавливали из зуба (резца) кабарги. Небольшую рыбу (хариус, форель) ловили удочками (копче) — крючок небольшой, без шипа; приманка имеет форму мушки. Удочка (ума) применялась для ловли более крупной рыбы: ленка, наваги, пеленгаса, краснопёрки (крючок большой, имеет один шип; приманка изготовлена из кончика уха сохатого или кабарги). Такими удочками чаще всего рыбачили во время подледного лова.

Подледным ловом, как правило, занимались старики, подростки и женщины; мужчины из-за занятости на охоте не рыбачили в зимнее время. Проруби делали над тонями, т. е. над самыми глубокими местами реки, куда на зиму собирается много рыбы. Над ней сооружали конический шалаш (джюка). По своим размерам он небольшой: 1—1,5 м в диаметре и не более 1,5 м высотой. Зайдя в шалаш, рыболлов наглухо закрывал входное отверстие и затыкал все щели, чтобы внутрь шалаша не проникал свет. Усевшись над прорубью, ороч опускал в воду приманку (бомэка), по форме напоминающую рыбу. Течением воды приманку сносило и создавалось впечатление, что это играет рыба. Не подозревая опасности, рыба подплывала к приманке, и в это мгновение ударом двузубой остроги (джунги) ее убивали.

Морской зверобойный промысел играл незначительную роль в хозяйстве орочей. Основным объектом морской охоты являлась нерпа (хуту), на которую охотились весной. На промысел отправлялись небольшими группами по три — шесть человек. Выследив нерпу, ее поражали четырехзубым гарпуном (джогбо), который во время попадания соскакивал с древка и вонзался в тело животного. Орочи из района Де-Кастри охотились на нерп прямо с берега, используя для этого гарпун, насаженный на многометровую составную жердь (уду). Подобными гарпунами на нерпу охотились нивхи и ульчи³.

С появлением огнестрельного оружия нерпу стали бить из ружья. Вот как описывает В. К. Арсеньев охоту

³ Л. Шренк. Указ. соч., стр. 233.

*Бомэка — приманка для подледного
лова рыбы*

на нерпу: «Охота за нерпами начинается с марта месяца. В это время нерпы выходят из воды «гоняться»; они взбираются на лед и греются на солнце. Такая охота бывает очень добычливой. Еще издали, заметив животных на снегу, прикрываясь неровностями льда, незаметно подкрадываются к нерпе и в этом случае бьют наверх.

Рев нерпы неприятен — он очень похож на сильное звучное хрипение. Орочи с удивительным искусством подражают ему, заставляя этим животных дольше держаться на воде, пока товарищ целился из ружья»⁴. С убитой нерпы снимали шкуру. Срезать носовую часть вместе со шкурой животного считалось плохой приметой. Охотник, позволивший себе такую операцию, по убеждению орочей, лишал себя и своих родственников возможности в будущем убить хотя бы одну нерпу. «Хозяйка» нерп больше никогда не послала бы такому человеку своих «морских собак». Мясо нерпы в пищу употребляли только во время голодовок. Зато орочи с аппетитом ели нерпичий жир, который хранили в берестовых туесках. Шкуру нерпы использовали для изготовления обуви, чехлов к ружьям, сумок, а также для шаманских юбок. В редких случаях нерпичьи шкуры продавали купцам.

⁴ В. К. Арсеньев. *Жизнь и приключения в тайге*. М., 1957, стр. 168.

ДОМАШНЕЕ ПРОИЗВОДСТВО

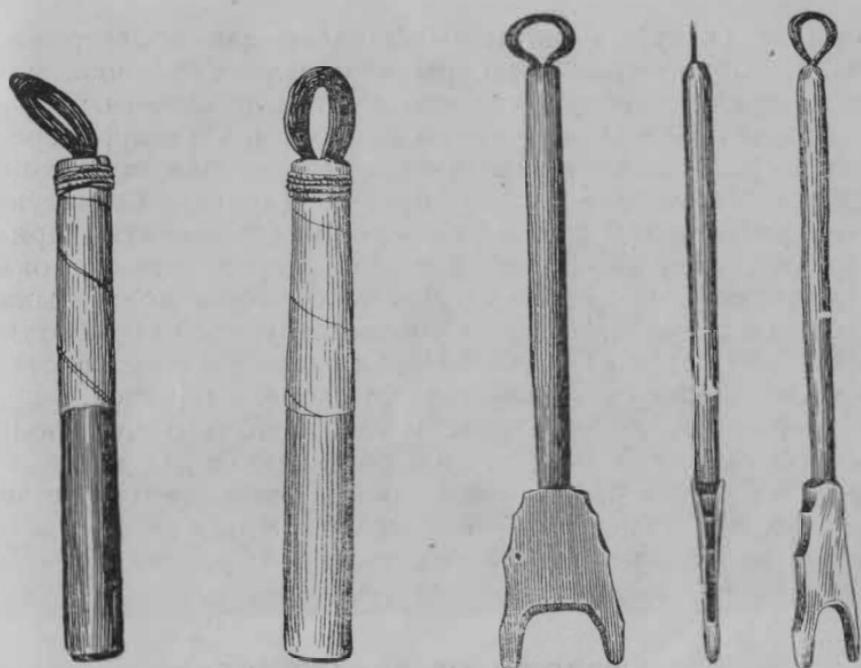
В хозяйстве орочей домашнее производство носило натуральный характер. Мужчины занимались поделкой деревянных изделий, лодок, лыж, нарт, а женщины — обработкой шкур, изготовлением ниток, красок, шитьем одежды и обуви, вышиванием. Мужчины владели навыками кузнечного дела. В. П. Маргаритов писал: «Есть у них и уважаемое ремесло — это кузнечное мастерство, за которым они проводят многие часы досуга. Большинство из орочей имеет небольшой кузнечный мех и кузнечные принадлежности. Ножи и незатейливые вещи из железа каждый ороч может делать сам для себя, стрелы и копья — только кузнецы. Каждый кузнец имеет отдельную мастерскую, помещающуюся в маленькой конической юрточке, и считается мастером не только железных изделий, но и серебряных, так как выделяет серебряные серьги, кольца, браслеты и т. п. Этим же мастерам доступны даже такие вещи, как механизм ружья. Не только орочи, но и солдаты местной команды отдадут им в починку свои ружья»⁵.

Кузнечное оборудование орочи или покупали, или сами изготовляли. Покупными были: железная наковальня (дэрасу), клещи (аугэ), молоток (халуга); кузнечные меха (кугэ) как парные, так и одинарные были собственного изготовления. Материалом для них служили дерево и рыба кожа. Устройство и принцип действия орочских «кугэ» идентичен кузнечным мехам, существовавшим у других амурских народов (нанайцев, ульчей, нивхов, удэгейцев, негидальцев).

Знали ли орочи в древности плавку металла — нам не удалось установить. Известно только, что орочи владели некоторыми навыками металлического литья. Об этом свидетельствуют сохранившиеся у стариков формы (ду), изготовленные из песчаного сланца, в которых отливали металлические подвески для халатов, нагрудников.

Плотницкий и столярный инструмент: топор (сюка), пила (ху), долото (чюку) были покупными, а сверла

⁵ В. П. Маргаритов. *Об орочах Императорской Гавани.* СПб., 1888, стр. 8.

*Хосу — орудие
для обработки шкуры*

*Чёчо — скобель для обра-
ботки шкуры*

как маленькое (пипу), так и большое (лонго) орочи из-готовляли для себя сами.

Нитки из крапивного волокна ссучивали при помо-щи веретена (порпу), а веревки свивали при помощи де-ревянного вертлуга (махчиги). Для того чтобы нитки были более прочными и эластичными, их вываривали в щелочном растворе, затем смачивали кровью сохатого и коптили в приспособленном для этого шалаше. Нитки из сухожилий лося или кабана изготавляли при помо-щи ссучивания расщепленных волокон на голом колене. Эту работу выполняли только женщины.

Процесс обработки шкуры следующий. Снятую с убитого зверя шкуру растягивали для просушки; дней через пять снимали. Скребком (хосу) очищали от остат-ков мездры, смазывали ее нерпичьим жиром, свертывали в рулон и в таком состоянии оставляли на сутки. После этого шкуру коптили (нютиха насава), смачивали жид-ким наваром ухи (силади) и обминали (какиты) в ко-

жемялке (каку), а затем вывешивали для проветривания. Из обработанной шкуры изготавливали тапочки, меховые чулки, тарбаза, меховые куртки, рукавицы.

Ровдугу выделывали таким способом. Со шкуры срезали шерсть, затем специальным деревянным молотком (дуктанки) разминали на бревне (хайга). Обмятую кожу растягивали и для увлажнения (даббихаты) присыпали сверху мокрыми листьями. Через сутки снова мяли на жемялке (каку). Для того чтобы кожа была более эластичной, ее после соответствующей обработки утюжили скребком (кады). Перед раскроем снова растягивали на доске и обрабатывали скобелем (чэчо).

Рыбью кожу обрабатывали так. С только что пойманной рыбы снимали кожу и растягивали для просушки на жердочке. После просушки ее очищали от чешуи, затем разминали деревянным молотком на бревне (хайга дуктангкиди). Дальнейший процесс обработки такой же, как и при выделке кожи зверя.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Для передвижения по рекам и по морю орочи использовали четыре типа лодок: «ульмагда», «отонго», «тэмтыэ» и «момми».

Ульмагда — большая долбленая лодка, предназначенная для передвижения по горным рекам во время перекочевок и перевозки грузов. Материалом для ее изготовления служил тополь. Конструкция лодки была такова, что при движении она не разрезает волну, а как бы взбирается на нее и поэтому может проходить через самые опасные перекаты. Для передвижения на ульмагде вверх по реке пользовались шестами. Один человек стоял на корме, а другой — на носу, в едином ритме оба отталкивались шестами о дно. При спуске лодкой управлял один человек, который сидел на корме с веслом.

Разновидностью долбленной лодки являлась оморочка (отонго). В отличие от большой долбленной лодки она использовалась для охотничьих целей. На ней можно было осторожно подплыть к месту водопоя диких зверей, лодка легка в управлении, однако не очень устойчива. По своей форме и размерам отличается от ульмагды: примерно вдвое меньше ее, корма и нос заострены.

Ульмагда — большая долбленая лодка для плавания по реке

На оморочке можно передвигаться с шестами и при помощи весел. Такие же лодки использовали для передвижения удэгейцы.

Орочи, обитавшие на побережье Японского моря, использовали для передвижения морские лодки «тэмтыэ» и «момми».

Тэмтыэ — это дощатая многovesельная лодка. Во время дальних плаваний на ней устанавливали матерчатый парус (кутули) или парус, сшитый из рыбьих кож (аббана). Конструкция этой лодки впервые описана В. П. Маргаритовым. «Эта лодка самая большая и исключительно морская; сделана она из пяти больших продольных досок, составляющих дно и бока лодки, и из нескольких коротеньких досок, которыми заделаны корма и нос, причем носовые дощечки, по две с каждой стороны, одними концами прикреплены под тупым углом к боковым продольным доскам, а другими сбиты друг с другом под острым углом и составляют нос лодки. Большая доска, составляющая дно, несколько выгнута снизу вверх, передним концом выступает вперед

вершков на 10 сравнительно с боковыми досками. Этот выступ, на котором и прикреплены указанные носовые дощечки, несколько приподнят вверх и служит для того, чтобы лодка не зарывалась носом в волны; на самой передней части этого выступа всегда прикрепляется деревянное изображение лебедя, обыкновенно весьма изящно сделанного. Корма заделывается всегда одной поперечной доской, имеющей ширину как раз такую, как и ширина нижней пары боковых досок. Одинаковость ширины кормовой и нижних боковых досок пригоняется с тою целью, что иногда, при незначительности числа гребцов, такая лодка оказывается тяжела и широка, например при забрасывании невода, когда всегда бывает один гребец, тогда верхние боковые и носовые доски снимаются и получается лодка подобного же формата, но только гораздо легче, ниже и уже. Таким образом, эта лодка двухъярусная, причем верхний ярус окаймляет лодку со всех сторон, кроме кормы, и может, смотря по надобности, сжиматься и опять накладываться. Вся лодка сбита из вышеуказанных досок деревянными гвоздями, причем края верхних досок заходят за края нижних, пазы заканопачиваются вываренным мхом и забиваются тонкими рейками. Длина таких лодок варьирует около 10 аршин, ширина посредине лодки — около 2 аршин, ширина у кормы — около 2,2 аршин, ширина носа — около 1,3, ширина дна посредине — 0,6 и глубина — около 1 аршина. Удобство этой лодки состоит в том, что она очень легкая на ходу, сидит в воде на 3,6 дюйма и может вмещать, помимо пяти человек, до 50 пудов груза»⁶.

Такого же типа лодки были известны ульчам, нанайцам, нивхам. По сообщению удэгейцев, у них морская лодка называлась «тэмтыга». Идентичность конструкции и названия морской лодки у орочей и удэгейцев свидетельствует о заимствовании этой лодки приморскими удэгейцами у своих соседей — орочей⁷.

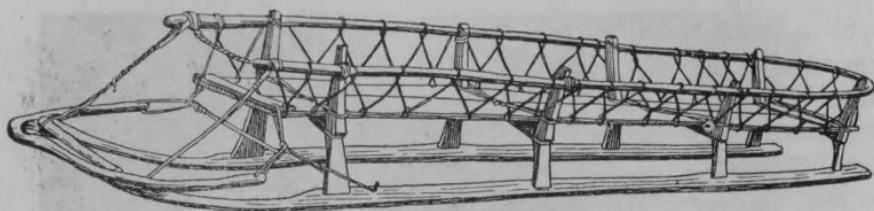
Для плавания по бухточкам и вдоль береговой полосы орочи использовали другой тип морской лодки (момми) с двухлопастным веслом. По своей конструкции «момми» напоминает речную оморочку. Разница

⁶ В. П. Маргаритов. Указ. соч., стр. 14--15.

⁷ В. Г. Ларькин. Указ. соч., стр. 149.

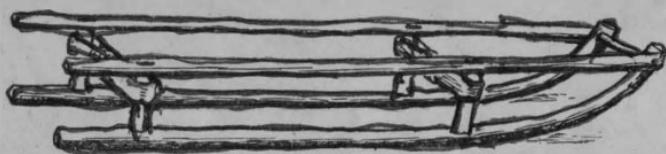
Отонго — долбленая лодка-оморочка

Пара — ездочая нарта орочей

лишь в том, что у морской оморочки нос и корма несколько более заострены, а верхние края борта имеют небольшую закраину, что предохраняет лодку от захлестывания волной.

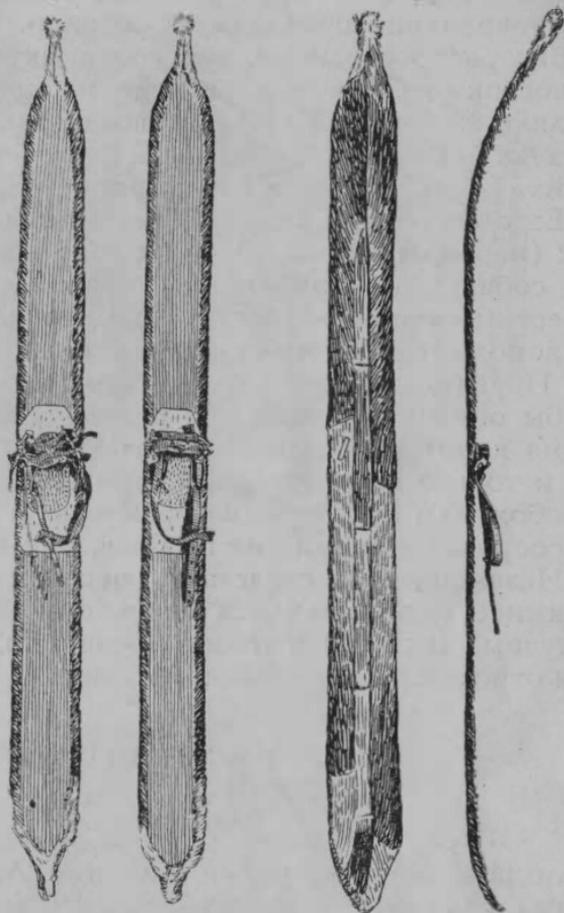
Если до ледостава основными средствами передвижения у орочей служили лодки, то в зимнее время — лыжи и нарты. Езда на собаках была обычным способом

Ончоко — легкая грузовая нарта

передвижения в зимнее время. Упряжное собаководство орочей относится к гиляцко-амурскому типу. В соответствии с разработанной классификацией типов упряжного собаководства гиляцко-амурский тип характеризуется следующими элементами: нарта с вертикально поставленными копыльями и двусторонне загнутыми полозьями, упряжка «змейкой», сбруя в виде петли-ошейника⁸. Для перевозки грузов орочи использовали нарту восточносибирского типа. Такой тип нарты появился у них с середины XIX в. В это же время у них, по-видимому, появился восточносибирский тип упряжного собаководства, о чем свидетельствует непостоянство способов упряжки: в нарты подпрягали собак «змейкой» или парами.

⁸ М. Г. Левин. О происхождении упряжного собаководства. «Советская этнография», 1946, № 4, стр. 91—92.

Лыжи, подбитые шкурой с ног лося

Для перевозки грузов по тайге орочи использовали нарты «бэчимагда» и «ончоко». Бэчимагда отличается от гиляцкой нарты более грубой отделкой, а также меньшими размерами. Охотничью нарту тащили одна-две собаки, которым помогал человек. Такая упряжка называлась «хукту еома».

Ончоко — прямокопыльная нарта (обычно имела две пары копыльев), полозья загнуты с одной стороны. В такую нарту запрягали не более трех собак. Во время езды ороч садился на нарту верхом. Когда же нарта

была с грузом, то ороч помогал собакам тащить груз и одновременно прокладывал лыжню. Такой тип нарты был распространен у тунгусов и якутов, расселенных на восток от Олекмы. При езде на собаках орочи управляли животными при помощи окриков. Термин «га» означал «поехали», «та, та, та» — пошли быстрее, «кайх» — знак поворота в сторону, «торо» — стой.

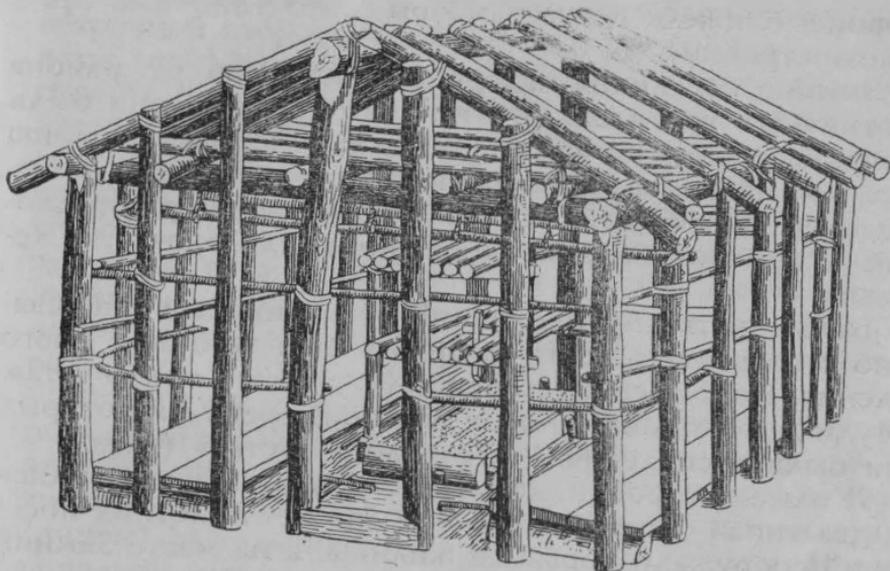
Ездовые собаки у орочей ценились очень дорого. Вожак (неромды) стоил 50—100 рублей, а обычная упряжная собака до 50 рублей. К упряжке собаку приучали с шестимесячного возраста. Молодняк обычно подпрягали дополнительно к общей упряжке последними парами. Перед отправкой в путь собак держали на привязи, чтобы они не избегались и резвее шли в упряжке. Во время коротких остановок их не выпрягали из упряжки, и только на длительном привале (ночевка) собак освобождали от упряжки и размещали или в специально сооруженном для них шалаше, или вместе с людьми.

Незаменимым средством передвижения по тайге в зимнее время являлись лыжи, они были двух типов: камусные (суикта) и голицы (кингили). Обе конструкции относятся к эвенкийскому типу⁹.

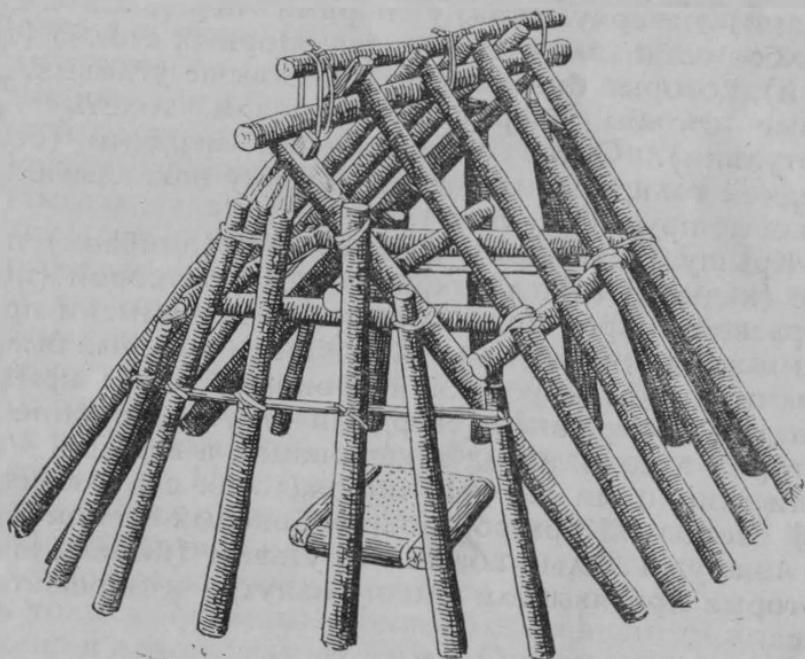
СЕЛЕНИЯ, ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Орочские селения, или стойбища (гасса), были двух типов — зимние и летние. Летние — располагались у устьев рек, куда во время нереста заходит горбуша и кета. Количество семей в таких поселениях зависело от того, насколько много в этом районе водилось рыбы. В. К. Арсеньев следующим образом описал внешний облик летнего стойбища, расположенного в устье р. Хуту: «Скоро за поворотом стали видны орочские домики и балаганы с бесконечными вереницами стеллажей, стоек и загородей из жердей, приспособленных для сушки рыбы... Селение Хуту-дата расположено по обе стороны протоки и состоит из восьми берестяных балаганов. Как дома, так и балаганы стоят без всякого порядка, где попало, где владельцу казалось это удобнее. Несколько в

⁹ В. В. Антропова. Лыжи народов Сибири. Сб. «МАЭ, АН СССР», вып. 14, 1953.

Каркас летнего жилища типа «кава»

Каркас двускатного шалаша «болоджё»

стороне, ближе к лесу, — амбары — это типичные ороцские постройки»¹⁰.

Зимние поселения находились недалеко от района охотничьего промысла. В отличие от летних они были менее населенными. Состав населения зимних стойбищ был, как правило, стабилен на протяжении многих лет. Характер застройки в них был беспорядочно-разбросанным. В этом отношении они напоминали ороцские летовья.

Большинство наименований ороцских стойбищ связано с названием места расположения того или иного селения. Например, названия «Хуту-дата», «Акур-дата», «Мули-дата» произошли от названий рек, на которых они были расположены, и от слова «устье» (дата).

Жилые постройки, как и поселения, подразделялись на два типа — летние и зимние. На месте летних поселений сооружали корьевые жилища, а на месте зимних стойбищ — срубные полуземлянки.

Опишем конструкцию и внутреннюю планировку корьевого домика (кава). По углам прямоугольной площадки вкапывали четыре столба с развилками (хады халани) наверху. Между парами передних и задних столбов устанавливали еще два опорных столба (тоу турани), которые были значительно выше угловых. На угловые столбы сверху накладывали толстые жерди (уотуляни). Остов обрешечивали жердями (сесанги) средней толщины, на которые сверху накладывали тальниковые прутья (майпты).

Крышу (абаптыни), фронтонные (дикбани) и боковые (хадыни) стены покрывали еловой корой (ивакта). Коревой покров крыши по краям прижимали продольными жердями (тиукэ тукачанкини), которые были привязаны льком к уотуляни. Боковые скаты крыши укрепляли поперечными жердями (тиукэ), нижние концы которых заходили под тукачанкини, а верхние — связывали с концами жердей, положенных с противоположной стороны. Коревой покров боковых стенок укрепляли снаружи тальниковыми прутьями (кибель аптыни), которые привязывали льком изнутри к обрешетке каркаса.

¹⁰ В. К. Арсеньев. Указ. соч., стр. 113.

Вход в жилище, как правило, был расположен с подветренной стороны и обращен к реке. Боковыми косяками (тоу) входного проема служили: справа опорные столбы (тоу турани), а слева одна из вертикальных каркасных жердей (сеанги). Дверь (укапту) делали из коры, которую по краям зажимали с обеих сторон тонкими планками. Вплотную к турани вбивали небольшой колышек (утаки) с полым углублением наверху. В это отверстие вставляли боковой стержень двери, а сверху привязывали лыком к столбу. У входа в жилище была положена плаха, она и являлась порогом дома (кэндери).

Внутри жилого помещения сооружали двухъярусный помост, предназначенный для хозяйственных целей. Для этого на продольные балки клали четыре жерди (эунихини), которые сверху покрывали частым настилом (дипты) из тальниковых прутьев. Здесь хранили запасы копченой или жареной рыбы. Второй настил из жердей сооружали на полметра ниже первого. Поперечные жерди второго яруса (якули) привязывали тальниковым лыком. На них клали тонкие палки, на которые нанизывали рыбу для приготовления юколы сорта «яку».

Место для очага (ха) засыпали галечником и огораживали с четырех сторон деревянными плахами (увэ), которые изнутри обмазывались глиной. По углам прямоугольной площадки очага вбивали столбики, соединенные между собою парой поперечных жердей. На них накладывали тальниковые жердочки. Получался третий ярус (си), здесь подсушивали жареную рыбу (селоу). Между жердочками над центром очага укрепляли крюк (обко) для подвешивания котла на время варки пищи.

В жилище вдоль стен устанавливали нары (дамси). Для этого делали невысокую насыпь, которую обгораживали плахами. Сверху клали грубо обтесанные доски. На них настилали кору, затем бересту и сверху покрывали шкурками. На нарах спали изголовьем к стене, укрывались одеялом (хукта), сшитым из собачьих шкур.

Самым почетным местом в жилище считалось «малу», расположенное напротив входа за очагом. Здесь могли сидеть только мужчины. Место для женщин было расположено в левом углу от входа. Оно называлось «джёко». Тут была сооружена полка (унаку) для хранения хозяйственных и кухонных принадлежностей. Во время

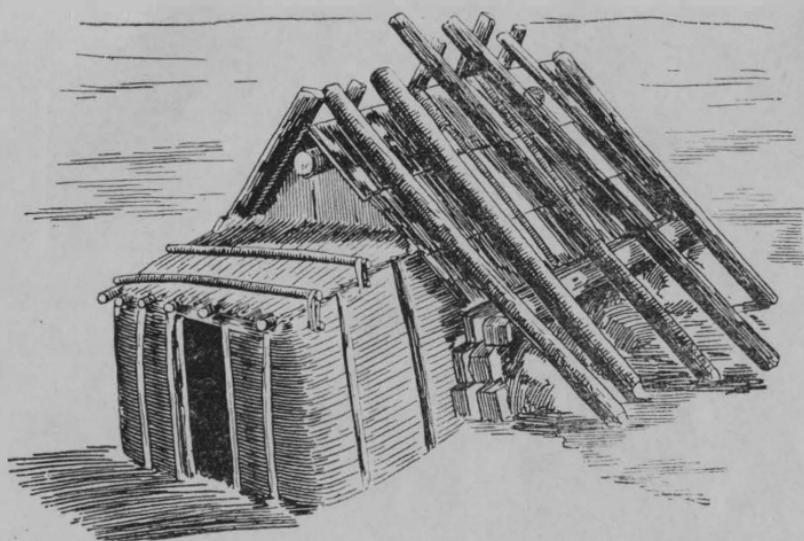
дождя дымовое отверстие (санга) закрывали корьево́й заслонкой (нёопты).

Более простым по своей конструкции было осенне-летнее жилище (болоджё). По форме оно напоминало двускатный шалаш. По своему устройству и планировке ничем не отличалось от удэгейского летника типа «кава»¹¹. Зимой орочи жили в полуземлянках (туэдзя). Выбрав подходящее место под строительство, они очерчивали контуры строительной площадки (она имела прямоугольную форму), затем снимали верхний слой грунта на 20—25 см и укладывали сруб (койпты) из трех-четырёх венцов. Верхняя обвязка венца была раздвинута шире, чем нижний ряд сруба. Посредине передней и задней стен врывали два столба (турани) с развилками наверху. На них клали балку (муджё). На выступ второго венца сруба ставили в наклонном положении плахи (капшихи), верхний конец которых ложился на балку (муджё). Переднюю и заднюю стены полуземлянки забирали плахами. Сруб жилища снаружи присыпали землей. Крышу покрывали еловой корой, на которую сверху накладывали толстые жерди. Перед входом в жилище пристраивали сени (утули). В зимнее время в сенях держали собак и различные хозяйственные принадлежности.

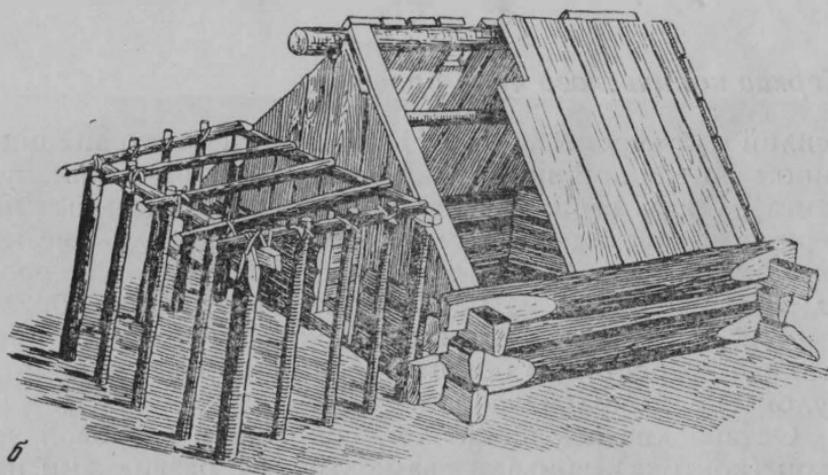
В полуземлянке сооружали нары. В центре жилища был расположен очаг, над ним сооружали настил для просушки обуви, одежды. Над очагом было дымовое отверстие, которое в сильные бури закрывали корой или доской. Место за очагом считалось почетным. В дневное время здесь находились только мужчины. Женщины ютились при входе. В холодные зимы орочи утепляли свои жилища снаружи. Для этого сверху накладывали пучки соломы и присыпали снегом. К весне ее снимали.

Беседуя со стариками, мне неоднократно приходилось слышать о том, что в давние времена у хадинских орочей были землянки, имевшие в основании круглую форму. Постоянно, перекочевывая с места на место, орочи были вынуждены сооружать временные жилища, которые по своей конструкции не требовали больших

¹¹ В. Г. Ларькин. *Удэгейцы. Владивосток, 1959, стр. 15—16.*

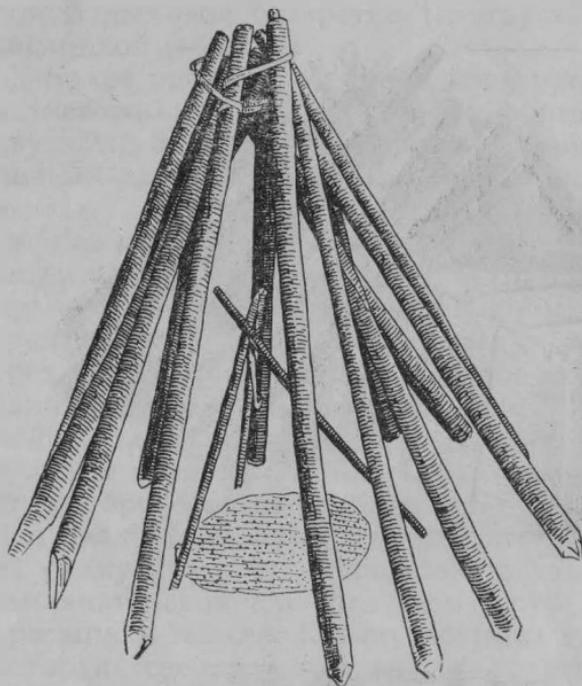

а

б

Туэдзя — зимнее жилище орочей: а — общий вид жилища, б — каркас зимника

Каркас конического чума орочей

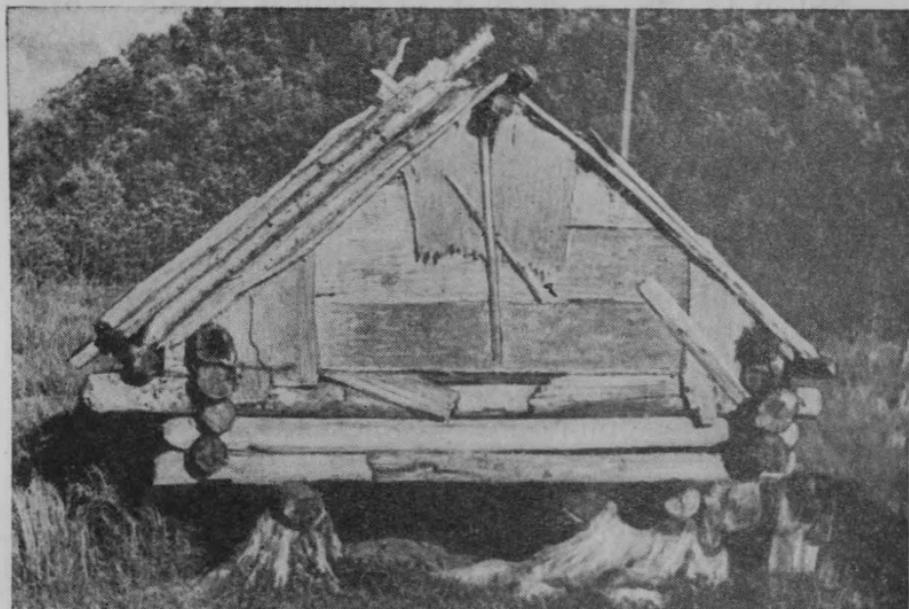
усилий для строительства. Наиболее распространенным типом временной постройки является конический чум (анга). Остов его составляли три жерди, связанные наверху тальниковым лыком. К ним приставляли еще несколько жердей. Остов чума покрывали еловой корой или полотнищами из бересты, которые орочи брали с собой во время перекочевков. Покидая временное пристанище, берестовую покрывку снимали, свертывали ее рулоном и забирали с собой.

Останавливаясь на ночлег, сооружали ветровой заслон (коктока), вбивали два колышка с развилками наверху, на них клали жердь и приставляли к ней в наклонном положении несколько тонких веток. Сверху его покрывали корой или полотнищем, сделанным из бересты, а позднее стали применять парусину.

Зимой на охоте постоянным пристанищем ороча служил конический шалаш в виде чума, сооруженный из плах. Такой тип постройки орочи называют «вэнтэха».

Дзали — амбар на сваях

Амбар, сооруженный на пнях срубленных деревьев

Для утепления шалаш покрывали сверху сухой травой, а снизу по кругу делали завалинку. Уходя из жилища, ороч заваливал входное отверстие толстыми плахами, для того чтобы внутрь шалаша не залез зверь. Во время перекочевков использовали двускатные палатки (майка). Для этого вбивали два колышка, на них сверху клали тонкую жердь, по краям которой с обеих сторон представляли две пары наклонных шестов. Этот остов накрывался тентом, сшитым из рыбьих кож. С приходом русских у орочей появились брезентовые (якая) палатки. Срубные жилые дома русского типа начали строить с конца XIX в. Первый такой дом построил себе датинский старшина И. М. Бисянка. Для строительства таких домов зажиточные орочи приглашали русских солдат, расквартированных в районе Императорской Гавани. Большинство орочей не располагали необходимыми средствами для строительства, а поэтому продолжали обитать в холодных и грязных жилищах типа «кава» и «туэдзя».

[Разнообразными по своей конструкции и назначению были хозяйственные сооружения: амбары, навесы, лабазы, вешала для юколы.

Амбар (дзали) — небольшой срубный домик, который устанавливали на четырех вкопанных в землю столбах или же на пнях срубленных деревьев. В них хранили запасы юколы, предметы домашней утвари, охотничье снаряжение, запасную одежду и т. д.

Навесы (пэуля) и лабазы (дакка) сооружали в тайге, в районе охотничьего промысла. В них хранили запасы продовольствия и охотничье снаряжение.

Для собак, в первую очередь ездовых, орочи выкапывали неглубокие ямы (инаки акдуни), над которыми сооружали небольшие конические шалаша.

Для заготовки юколы орочи сооружали около своих летних жилищ вешала различной конструкции: «гуктухи», «сванги», «лоони». Гуктухи делали следующим образом. Составляли в наклонном положении четыре жерди и связывали их наверху. По середине этого каркаса устраивали настил, на котором раскладывали юколу. Сванги делали из сухих елок или березок, которые составляли между собою вершинами по две-три штуки вместе. На сучки этих деревьев и вешали для вяления рыбу. Лоони строили около постоянных летних жилищ.

Вкапывали две пары столбов, на них клали две продольные жерди, поперек которых настилали тонкие прутья с нанизанной на них сырой рыбой.

ПИЩА И УТВАРЬ

Ассортимент продуктов и режим питания орочей были обусловлены особенностями хозяйства и жизни населения. Важнейшее место в пище орочей занимала рыба различных сортов (лососевые, осетровые, тресковые и частиковые). Из них в большом количестве заготавливали кету и горбушу путем вяления, копчения и жарения. Вяленая рыба, или юкола (тели), имела несколько наименований: яку, кимами, аба, икэй, намиктэ, укэсэ. Яку приготавливали из верхнего слоя горбуши или кеты, кимами — из одной мякоти; укэсэ — из брюшков; намиктэ — из цельного бокового пласта, аба — из рыбы, у которой отрезалась голова, хвост и вырезался позвоночник; икэй — юкола, приготовленная из рыбы, с которой срезана мякоть (она шла на корм собаки). Красную икру (чапа) сушили и запасали впрок. В пищу юкола употреблялась в различных видах: вареная, обжаренная и размоченная.

У русских орочи научились более простому способу консервации — засаливанию.

Меню рыбных блюд было разнообразным, каждое имело свое название. «Какчига» — жаренная на сковороде рыба, «яку дагаты» — поджаренная на углях, «окто» — уха, «улаты» — мелконарезанные кусочки отварной юколы, приправленные перцем или черемшой, «тамбу» — отварная юкола, «соли» — отварные кусочки рыбы, смешанные с ягодами и залитые животным жиром (обычно нерпичьим), «потэли» — размятая в руках отварная рыба и смешанная с мелконарезанными кусочками головных хрящей кеты или горбуши, приправленная черемшой, «сейни» — блюдо, приготовленное из массы разжеванной юколы горячего копчения, смешанное с брусникой и залитое нерпичьим или рыбьим жиром, «такса» — рыбы или нерпичьи выжарки, «инготэ» — сушеная икра, приправленная черемшой и залитая нерпичьим жиром, «солини», «дзэри» — суп из сушеной икры. Особенно популярным рыбным блюдом была «тала» — мелкопорезанная сырая кета или горбуша,

таймень (хоё), хариус (пэнда), красноперка (тамта), ленок или калуга (канга). Перечень блюд свидетельствует о том, что рыба являлась одним из основных продуктов питания орочей. В. П. Маргаритов по этому поводу писал следующее: «Вообще юкола у орочей играет такую же роль, как хлеб у русского»¹².

Не менее важным продуктом питания орочей было мясо. Его употребляли в различных видах: сыром, жареном, вяленом, вареном, мороженом. Вяленое мясо (хуриктэ) заготавливали впрок.

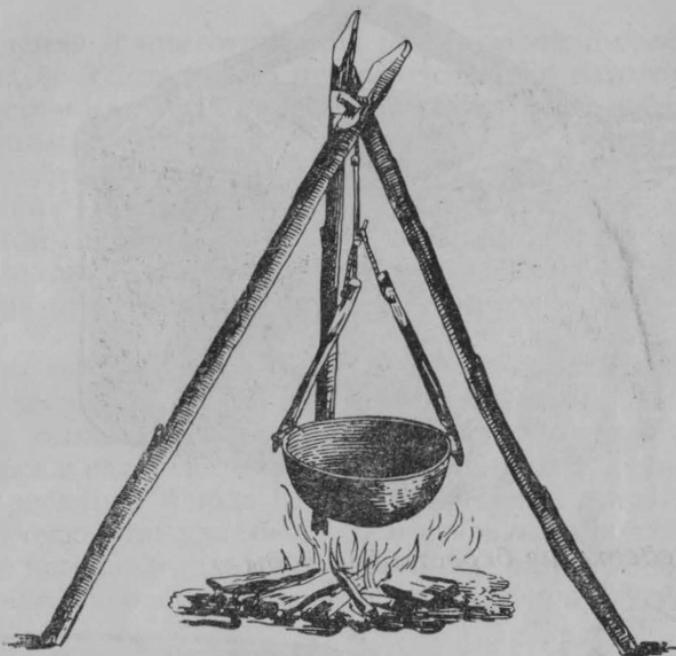
Жареное мясо (дагата уктэ) приготавливалось на специальных палочках (селоу), воткнутых около костра. По мере поджаривания палочки поворачивали к огню то одной, то другой стороной. Популярным блюдом среди орочей было отварное мясо (икотё уктэ). Лакомством считались сердце и печень сохатого или медведя, сырой костный мозг из трубчатых костей сохатого, катана, оленя.

Орочи употребляли в пищу также дикорастущие ягоды и растения: черемуху (инокто), клюкву (гакта), голубику (диктэ), смородину красную (гакали) и черную (октоко), морошку (инямукта), чернику (унюкта), бруснику (гобонку), моховку (али) и жимолость (утымиктэ); красную саранку (токой), черемшу (соды), дикий чеснок (дасукта), растения из семейства зонтичных (нагали), «утиные лапки» (орохто), стебли борщевика (чууни), молодые побеги тальника (бусакта).

Из дикорастущих ягод и растений впрок заготавливают только черемшу, голубику, бруснику, клюкву и черемуху. Из ягоды черемухи пекли лепешки (ияа), которые готовили следующим образом: в берестяной таз (паля) насыпали ягоду и толкли ее деревянным пестом (папты). Из размятой массы делали лепешки, которые затем раскладывали на деревянном настиле, сооруженном над огнем. На верхнюю сторону лепешки наносили изображение лягушки (эоки), завитки спирали (хошибо) и другие рисунки. Лепешки ели при заболеваниях желудка или кишечника.

Орочи научились у русских употреблять в пищу различные крупы, овощи, картофель и бобовые. Чумиза (джиктэ), горох (тури) и фасоль (бянду) стоили дорого

¹² В. П. Маргаритов. Указ. соч., стр. 9.

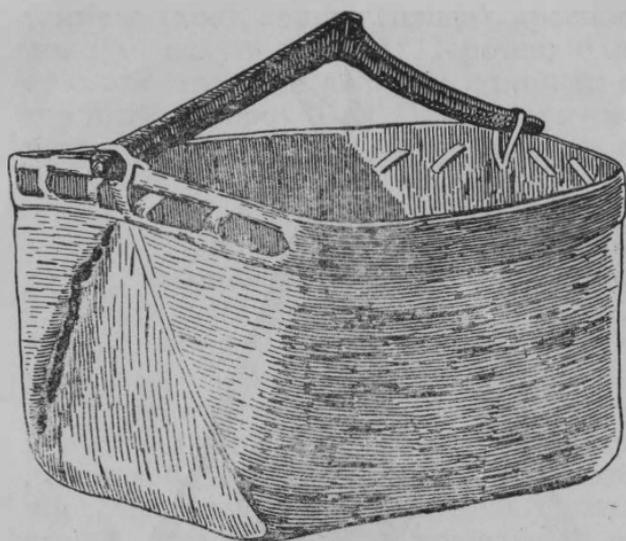

Чекура — тренога для приготовления пищи

и считались лакомством. Ограниченными возможностями располагали орачи и для покупки муки (упа). В. П. Маргаритов писал об этом: «Мучная пища считается лакомством, но мало таких богачей, которые могут употреблять ее часто»¹³.

Из крупы и муки орачи варили жидкие каши (лала). Каша, приготовленная из ячменной крупы (муди), суп с клецками (пякта) орачи ели в исключительные дни (во время свадьбы, медвежьего праздника). Повседневное меню было однообразным. В домашних условиях ели три раза в день. На завтрак (тымай дептыни) ели рыбу и запивали ее отваром из голов кеты, на обед (инянги дептыни) подавали жареную рыбу или мясо, запивали их рыбным бульоном, на ужин (сикс дептыни) готовили отварное мясо или отварную юколу. Зимой пищу готовили в помещении, а летом — на улице.

¹³ Там же.

Ведерко из бересты для воды

*Кондже — туюсок для хранения
хозяйственных принадлежностей*

Для этого устанавливали недалеко от жилища треногу (чекура).

Для хранения и приготовления пищи орочи пользовались посудой собственного производства. Ее изготовляли из бересты и дерева. Берестяная посуда была украшена красочным орнаментом.

Из бересты изготовляли: «куккэ» — ведро для воды, «алинки» — берестяную коробку для хранения посуды, дневной провизии, «соко» — ковшик для воды, «капту» — солонки, «умака» — цилиндрический сосуд для хранения продуктов, посуды и предметов женского обихода.

Из дерева выделывали чашки (моко) и ложки (уня), большие кухонные уполовники для снятия пены и нава (явка), столики для еды (дэрэ), доски для приготовления тала и разделки сырой рыбы или мяса (удаки), большие деревянные блюда (ото) для хранения жира.

Металлическая посуда была заимствована орочами у русских, о чем свидетельствуют названия: котел (ико), чайник (тянки), сковородка (коворода), чугунок (тугунка) и т. д.

НАРОДНАЯ ОДЕЖДА

Традиционной одеждой орочей были запашные халаты, сшитые из ровдуги или рыбьей кожи. В XIX в. у них появилась одежда, изготовленная из хлопчатобумажной и шелковой материи.

Халаты шили только женщины. Портниха брала полотнище материи и складывала вдвое, клала на доску и остро отточенным ножом (гирэсу) выкраивала перед, спинку, верхнюю часть рукавов. Затем к левой поле халата пришивала полосу по ширине, равную правой поле. Удвоенная левая сторона закрывала правую и застегивалась с правого бока. В верхней части левая поля имела срез, идущий от шейного выреза к правой подмышке. Прямые несколько суживающиеся к концам рукава составлялись полосками материи другой расцветки. В боковые швы халата вставляли клинья. Грудку, край левой полы, подол и края рукавов обшивали двумя-тремя полосками цветной материи, которые затем красочно украшали орнаментом.

Несмотря на то, что покррой ороческих халатов был один и тот же, они имели различные названия в зависимости от того, из какого материала он был изготовлен. Халат из рыбьей кожи назывался «уккэли», из лосиной кожи (ровдуги) — «качуи», халат из материи — «покто», халат подбитый на вате — «хокто», халат на меху — «багда», халат на лисьем меху — «сулякима тэгга», халат из китайского шелка — «дзяка», халат на матерчатой подкладке — «каптима», укороченный халат — «энгерэгга».

Пожилые ороочи зимой носили шубы из собачьих шкур (эруа), вывернутые мехом наружу. Покрой шубы ничем не отличался от обычного халата. Отправляясь на охоту, ороч надевал меховую куртку (курума), сшитую из собачьих, кабарожьих и оленьих шкур. Куртка была распашная, с короткими рукавами, застегивалась спереди при помощи трех пар завязок.

Наиболее удобным костюмом для передвижения по тайге была охотничья куртка (мятала). Ее выкраивали из двух шкур, снятых с лосиных голов. Одна шла на спинку, а другая — на перед. Сделав шейный вырез, шкурки соединяли между собой плечевым швом. По бокам пришивали три пары тесемок для завязывания.

Головные уборы орочей разделялись на летние и зимние. Женщины летом носили матерчатый платок (понко) или берестяные шляпы (ау) конической формы, а зимой — ватную или меховую шапку. Мужчины летом надевали на голову матерчатые шлемы (порогдо), а зимой — круглую шапочку (апу) с меховыми наушниками (сегду). Мужчины и женщины в зимнее время носили меховые шарфы (моопту), сшитые из беличьих хвостов. Для того чтобы снег не попадал в рукава, орочи использовали нарукавники (уксэпту). Концы нарукавника обрезали, с одной стороны, прямой, а с другой — полуовальной линией, к которой пришивали длинную узкую ленту. Нарукавник накладывали сверху рукава халата и обвертывали вокруг запястья руки. Летом и осенью, для того чтобы мошка и прочий гнус не попадали в рукава, носили матерчатые нарукавники (адакты), аналогичные по форме вышеописанным нарукавникам из рыбьей кожи.

Составным элементом зимней одежды орочей являлись рукавицы (коокто). Их шили как из материала на

Группа орочей в национальных халатах

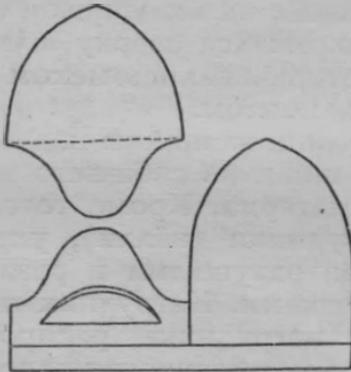
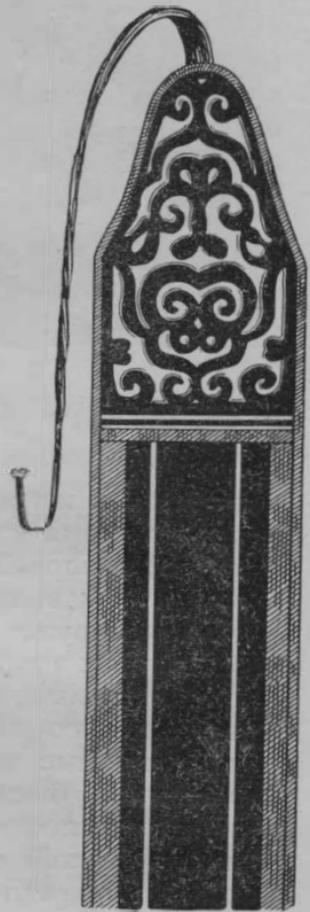
вате, так и из меха. Для того чтобы рукавицы не снимать во время стрельбы, на их лицевой стороне имелся прорез, который закрывался сверху клапаном. Праздничные рукавицы оторачивались мехом выдры и украшались снаружи орнаментом.

Зимой и в праздники женщины надевали на себя пелерину (сили). Их шили из собачьего меха или разноцветных кусочков материи. Кроме того, женщины носили длинные нагрудники (нёлли), украшавшиеся аппликацией, бисером, ракушками и различными металлическими побрякушками. Нагрудник надевали поверх халата. Такой тип нагрудника распространен среди большинства тунгусо-маньчжурских народов.

В комплект верхней одежды орочей обязательно входил пояс (уму). Мужчины носили такие пояса повседневно, а женщины — по праздникам. На мужском поясе всегда висели два ножа (кучэ и аппили), трутница (сикты), в которой хранились кремень (бу), кресало (моди), трут (пунади) и пороховица; на женском поясе —

Апу — шляпа
из бересты

Зимние рукавицы. Справа их раскрой

Адакты — летние
нарукавники

нож для кройки (гиресу), костяной игольник (конго), сумочка (сикты), расшитая орнаментом и украшенная бисером (уганся).

Из нижнего белья орочи носили только короткие штаны (хэрки). Женские штаны в отличие от мужских спереди дополнялись небольшим четырехугольным нагрудником (дыбба). У замужних женщин такой нагрудник подвязывался под грудью, а у девушек — на шею.

Зимой как женщины, так и мужчины для утепления живота носили набрюшники (хэрепту), подбитые мехом. Так как штаны были короткими, то орочи были вынуждены носить также ноговицы (аммуи), которые при помощи специальных тесемок прикреплялись к нательному поясу (телехэ). Зимой поверх ноговиц надевали наколенники (ойи), сшитые из ровдуги.

Обувь орочей по своему покрою подразделялась на два типа: амурский и эвенкийский, или тунгусский. Они различались между собой тем, что у обуви эвенкийского типа подошва и головка выкраивались отдельно, а у обуви амурского типа — целиком.

В зависимости от типа покроя и материала, из которого изготовлялась обувь, она имела различные названия.

Обувь амурского типа была трех видов: «унта́», «пондоко» и «унта́ цобони». Унта́ шили из ровдуги и рыбьей кожи. Носок у нее был заострен и загнут

Нёлли — нагрудник женщины

кверху. Голенище было коротким, выкраивалось оно отдельно и, как правило, из другого материала¹⁴. Такая обувь была очень удобна для ходьбы на лыжах. Пондоко шили из рыбьей кожи. Их носили только женщины. В отличие от унтов у пондоко носок был тупым. Унта цобони шили из лосиной ровдуги. Для удобства передвижения по льду и горам подошва унта цобони имела шипы.

Тунгусский тип обуви у орочей был представлен торбазами, или унтами. По своему покрою и материалу, из которого они изготовлялись, эта обувь имела различные названия.

Торбаза из сохатиных камусов (бою торбаза) шили следующим образом: выкраивали по размеру ступни подошву, затем передок и голенище. К голенищу вначале пришивали передок, а затем подошву. По верхнему краю голенища пришивали широкую орнаментированную полосу материи, отороченную мехом выдры.

Хатакса торбаза шили из нерпичьей шкуры. По покрою они заметно отличались от бою торбаза. У них передок вшивался не от самого верха голенища, а с середины.

Докто — меховой чулок, сшитый из шкуры сохатого, шерстью внутрь. Раскрой докто такой же, как и у обуви хатакса торбаза. Докто носили дома, а также вкладывали для утепления в торбаза. Более простым способом изготовления докто был следующий: выкраивали из одного куска голенище и подошву, которые затем складывались и сшивались.

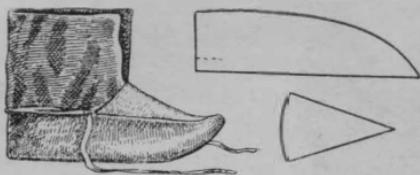
Летом и в жилом помещении орочи надевали на ноги ровдужные торбаза (таггами). Раскрой таггами такой же (за исключением дополнительного клинышка в передке), как и для мехового чулка докто с вшивным передком.

Орочи, как и другие амурские народы, питали большую страсть к различным украшениям и безделушкам. Женщины носили в ушах серьги (ика), а некоторые из них даже носили носовые серьги (сандэха). Носовые серьги носили также мужчины. Женщины носили также на шее металлические ожерелья (монголи), похожие

¹⁴ А. В. Смоляк. Материальная культура ульчей и некоторые вопросы их этногенеза. «Советская этнография», 1957, № 1, стр. 97—98.

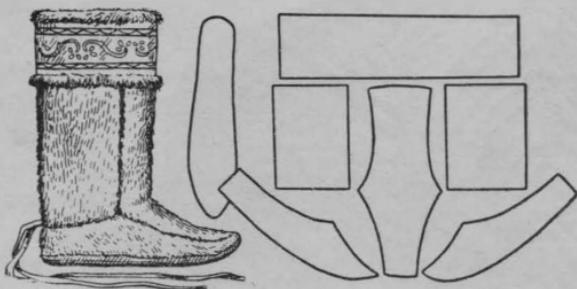
Сили — праздничная настинная накидка

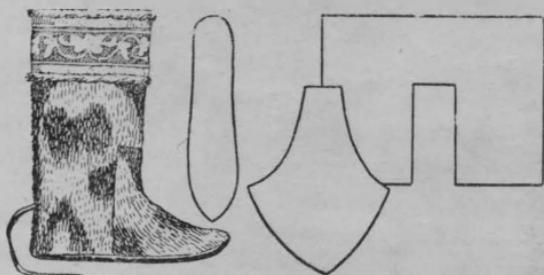
*Унта — ороочская обувь
с заостренным носком*

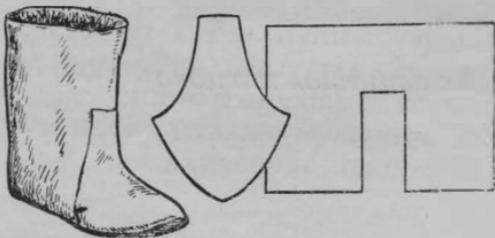
*Пондоко — ороочская обувь
с тупым носком*

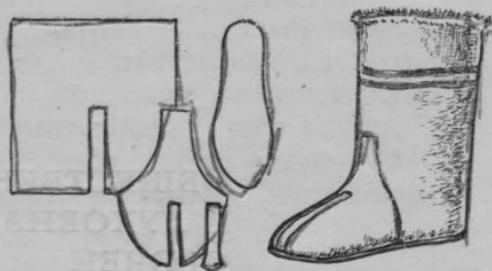
Торбаза из кожи лося

Торбаза из шкуры нерты

Докто — меховой чулок

Летние торбаза орочей

на большие кольца, концы которых не спаяны. Браслеты (гилапту) носили как мужчины, так и женщины. Почти все металлические украшения были изготовлены из серебра. Орочи выменивали украшения на пушнину, а опытные мастера-кузнецы выделывали их сами.

Орочи не стригли раньше своих волос. Мужчины заплетали волосы в одну косу (чохчо), а женщины — в две косы (патучи). Заплетенные косы обматывали красным шнуром, на конце которого подвешивались нитки с бисером.

Таким образом, хозяйство и материальная культура орочей в дореволюционный период в значительной степени определялись природными условиями занимаемого ими района. У них сложились замечательные навыки по добыче зверя и рыбы, они достигли успехов в развитии средств передвижения. Однако замкнутость и оторванность населения от культурных центров, безжалостный грабеж со стороны купцов и царской администрации затормозили дальнейшее развитие хозяйства и культуры этого народа.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ОРОЧЕЙ

ПРАВОВОЕ И КУЛЬТУРНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОРОЧЕЙ ДО УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В соответствии с Уставом об инородцах от 1822 г. орочи были отнесены к разряду «бродячих» инородцев. К этой же группе причислялись все жители, которые переходили с одного места на другое по лесам и рекам или урочищам для звероловного и рыболовного промыслов, отдельными родами или семействами¹. Все они были лишены избирательных прав. Им были отведены специальные места для проживания. Переселяться в другой район строго запрещалось².

В соответствии со статьей 13 «Положения об инородцах» у орочей был введен институт территориальных старшин.

Старшина избирался на общем собрании орочей, связанных общностью проживания на одной территории. Женщины были лишены права участвовать в выборах старшины. Выборы обычно приурочивались к приезду какого-либо русского чиновника или миссионера и про-

¹ В. В. Солярский. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Материалы по изучению Приамурского края, вып. XXVI. Хабаровск, 1916, стр. 24.

² Там же, стр. 24—25.

ходили под их руководством. После собрания присутствовавший чиновник составлял общественный приговор, в котором определялись права и обязанности избранного старшины. Общественный приговор подписывали все присутствовавшие на собрании, после чего он утверждался волостным или окружным начальником. Ниже приводим полный текст одного из таких документов.

«Общественный приговор

1888 г., 10 февраля, ороочное место Акур-да при реке Томджине Приморской области. Мы, нижеподписавшиеся, крещенные ороочны Приморской области по собственному желанию и согласию в приезд миссионера Камчатской Троицкой церкви священника Федора Пляскина в нынешнюю зиму 1888 года, решили на одном собрании все единодушно избрать и избрали в старшины ороочона Тоусона во святом крещении Георгия рода Акун, знающего наши прямые вековые обычаи и немного освоившегося с христианской религией; доверяем ему Георгию (Тоусону) разбирать общественные, наши житейские дела, и все просим приморское начальство, куда будет представлен миссионером священником Федором Пляскиным наш приговор, писанный со слов наших, подтверждение одного невозможно ли будет отправить заведующему Константиновским постом в Императорской Гавани для передачи ороочону Георгию Тоусону или же выдать ему свидетельство на право быть старшиной.

К сему подписуемся Приморской области ороочны места Хои, Хорхи и мест: Акур-да, Мокчо, Мули-да, Хотода, Оську — Борис Боксенку рода Акун, Степан Мунсона, Роман Ханчи, Иван Седяся, Власий Бачамбу, сын Захарий Судо, Григорий, Макар, Петр, Аячи, Василий Лендену, Степан Кябука, Василий Лейдана, Степан Чипча, Константин Кучекули, Герасим Пота одного все рода, Акун, Георгий Сеяна рода Саморгер; Филипп Сюнчи и Николай Ангаджи рода Ёминка и по безграмотности и их личной просьбе писал и переводил миссионер, священник Федор Пляскин, и переписан рядовым Константиновского поста Алексеем Ивлиным.

Настоящий приговор утверждаю своею подписью. Императорская Гавань, 1888 г. 2 сентября, управляющий Николаевским округом, тайный советник Овчинников»³.

Были случаи, когда отдельные чиновники самолично назначали на эту должность, считавшуюся выборной, зажиточного орооча. Так был назначен по распоряжению софийского окружного исправника на должность старшины для управления даттинскими и коппинскими ороочами И. М. Бисянка.

Еще до своего назначения он отправился с богатыми подарками к софийскому исправнику с ходатайством о

³ Архив Приамурского отделения ВГО, ф. В. К. Арсеньева. Путевой дневник, № 1, стр. 16—17.

разрешении вести ему торговлю среди приморских орочей и о вручении ему письменного распоряжения на управление даттинскими орочами. Одновременно просил содействия в ограждении его от торговой конкуренции со стороны других пришлых купцов. Приняв подарки, софийский исправник собственноручно составил приказ о назначении И. М. Бисянки старшиной над даттинскими орочами.

«Орочону стойбища Датта. Приказ.

Назначаю тебя старшиною над всеми инородцами, живущими по речке Датта и бухты. Приказываю тебе в точности исполнять следующее:

1. Не допускай, чтобы приезжающие к вам торговать обижали и обманывали орочан, а тем более, не допускай их собирать старые долги. Если торговцы не послушаются твоих слов, то не послушавшихся ты своею властью, собрав стариков, можешь судить розгами не более 20 ударов и воспретить всякую торговлю.

2. Требуешь от всякого торговца свидетельства на торговлю (какие я тебе показывал), без них торговать и менять не позволяй. Если не будут слушать, веди в отряд к старшему, тот знает, что надо делать. Чтоб ни под каким видом не торговали или не меняли соболей на ханшину или спирт. Ты должен, если увидишь, выливать ханшину или спирт.

3. Непременно, чтобы будущей весною орочаны хотя понемногу посадили картофеля и других овощей.

4. Приказывай, чтобы они строили хорошие юрты вроде домов.

5. Чтобы рыбы заготавливали на зиму более, чем теперь.

6. Постарайся, чтобы из вас кто-нибудь сам торговал товарами, которые инородцу необходимы. Это будет лучше. Соболей бы возили сами в Николаевск или продавали бы на наличные деньги офицерам судов, как это было при мне на судне «Джигит». Имея деньги или соболей, выберите хорошего человека, он, съездивши с ними в Николаевск, привезет вам всякого товару втрое и четверо дешевле, которые покупаются у ваших торговцев.

Будущей весной я буду у вас и посмотрю на твои порядки. Если тебя не будут слушать остальные орочоны, то ты своею властью, собравши стариков, можешь судить виновных (не более 20 розгов). Мелкие ссоры разбирай сам, собравши стариков. О повальных болезнях, приходящих иностранных судах, убийствах сказывай, непременно, старшему отряда. Он напишет своему начальнику, а тот мне. Если будешь управлять хорошо своими орочонами, я буду просить губернатора о награждении тебя саблею.

Софийский окружной исправник»⁴

⁴ Этот документ был передан В. К. Арсеньеву орочским старшиной в 1909 г. По словам старшины, этот «приказ» был первым письменным распоряжением о назначении старшины над даттинскими орочами. Вероятно, об этом старшине упоминал В. П. Маргаритов, побывавший у орочей в 1886 г. Он сообщал, что старшина Ванька так же безжалостно грабит своих сородичей, как пришлые купцы.

Однако эти приказы не выполнялись старшинами по причине неграмотности или корысти (побольше нажить за счет своих соплеменников). Что же касается царских чиновников, то они быстро забывали о своих «благонамеренных» инструкциях и о том, как они выполняются старшинами.

Царскую администрацию меньше всего интересовали вопросы управления, а также система хозяйственного обслуживания, просвещения и здравоохранения коренного населения. В результате были представлены широкие возможности для авантюристов, скупщиков и перекупщиков, которые беззастенчиво грабили и обманывали, спаивали таежных охотников и рыболовов, забирая у них за бесценок пушнину и другие продукты промысла.

До установления Советской власти среди орочей, как и среди других малых народов Дальнего Востока, вся торговля была сосредоточена в руках скупщиков-торговцев, организовавших широкую сеть развозных торгов. Зная честность таежных охотников, торговцы старались во что бы то ни стало распродать весь товар, если не за наличные деньги, то в кредит. В перспективе — неоплатные долги, которые с каждым годом все более и более увеличивались.

Кабальные долги считались орочами «священными» и переходили из поколения в поколение, от отца к сыну и т. д. В результате часть орочей была превращена в «потомственных» должников, которые всю продукцию своего промысла аккуратно отдавали кредиторам как выплату за рост процентов или в погашение долга.

Первым русским скупщиком пушнины среди орочей Императорской Гавани был Гоголев, переселившийся на побережье с Амура⁵.

Особенно бесчинствовал среди орочей скупщик пушнины: отставной солдат Шнитка, которого орочи называли Снявка. По словам орочей, Шнитка ходил по жилищам и забирал у жителей пушнину, продовольствие, снаряжение, а «непокорных» избивал палкой⁶.

В начале XX в. в районе расселения орочей функционировало несколько частных торговых факторий: на

⁵ Архив Приморского отделения ВГО, ф. В. К. Арсеньева. Путевой дневник, № 2, стр. 533.

⁶ Там же, стр. 534.

Тумнине — фактория Клоута, в Императорской Гавани на р. Ботчи — Марцинкевича и Степанова.

В полевых дневниках В. К. Арсеньева встречаются неоднократные упоминания о торговцах Панове и Степанове, которые «самым бесцеремонным образом ростовщичничают своими товарами: ружьями, патронами; берут рубль на рубль и всюду кричат, что они спасают орочей и оказывают им благоденствие, а орочи жалуются, что купцы эти берут очень дорого и постоянно обижают их»⁷.

Самым «ходовым» товаром у спекулянтов и торговцев были спирт и ханшин. В 1909 г. братья Сергей и Семен Оненко (нанайские купцы) привезли орочам семь нарт, груженных спиртом⁸.

Цены на товары каждый купец устанавливал произвольно. Бутылка спирта стоила 4 руб., в то время как шкурка первосортного соболя — не дороже 3 руб., за 100 иголок платили 10 соболей⁹. Цены на некоторые пищевые продукты, мануфактуру были настолько высоки, что орочи не могли их купить.

По подсчету В. К. Арсеньева, на семью ороча, состоящую из пяти человек, необходимо иметь на год, кроме юколы и мяса, следующие покупные продовольственные и промышленные товары: 15 пудов муки, 5 пудов риса, 1 пуд соли, 4 кирпича чая, необходимое снаряжение для ружья (патроны, порох), спички, одежду, топор, посуду. На все это ему нужно не менее 200 рублей¹⁰. Конечно, такой суммы денег ороч никогда не имел, так как большая часть добытой им пушнины шла в счет «погашения» старых долгов.

С каждым годом становилось все труднее не только с покупкой привозных товаров, но и заготовкой впрок традиционных продуктов и прежде всего рыбы. Боль-

⁷ Архив Приморского отделения ВГО, ф. В. К. Арсеньева. Путевой дневник, № 2, стр. 360.

⁸ Там же, стр. 376.

⁹ Л. А. Б о л ь ш е в. Информация об исследованиях берега Японского моря и Татарского пролива. «Известия РГО», т. XII, вып. 3. СПб., 1876, стр. 109.

¹⁰ В. К. А р с е н ь е в. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. Владивосток, 1911, стр. 244; Архив Приморского отделения ВГО, ф. В. К. Арсеньева. Путевой дневник, № 3, стр. 623—624.

шой вред орочам приносили японские рыбаки, которые ежегодно промышляли в прибрежных водах Татарского пролива, а также в устьях рек, впадающих в Японское море. Они ставными неводами перекрывали устья рек и, таким образом, преграждали путь лососевым рыбам, поднимающимся на нерест в верховья горных ключей.

В результате недостатка продовольствия большинство орочей постоянно недоедало. Участились голодовки. В 1909 г. в стойбище Дюанка вымерло в течение непродолжительного времени десять семей. В 1910 г. среди приморской группы орочей вспыхнула эпидемия холеры. Население многих стойбищ, расположенных по рекам Коппи, Уй, Хади, полностью вымерло. Остались в живых только те орочи, которые находились вдали от своих жилищ. В. К. Арсеньев, путешествуя в этом районе, неоднократно встречал такие жилища, а порою и целые вымершие селения. Так, в 1909 г. им было обнаружено вымершее селение недалеко от устья р. Коппи. «Несколько лет тому назад здесь от какой-то повальной болезни умерло много народу. Вся обстановка внутри этих домиков сохранилась в том виде, в каком она была при жизни их обитателей»¹¹.

Отсутствие элементарной врачебной помощи коренным жителям Дальнего Востока способствовало распространению среди них различных заболеваний (туберкулез, рахит, венерические, желудочно-кишечные, кожные, глазные и др.).

Характеристику положения коренного населения Дальнего Востока времен царизма дал в своем отчете за 1923—1924 гг. Дальревком: «Положение туземного населения Дальнего Востока времен царизма можно охарактеризовать так: полное бесправие и экономическая придавленность, беспощадное обирание и кабала, вымирание как следствие двух положений... Нужда и бесправие прогрессировали, скудное нездоровое питание и частые недоедания вели к физическому ослаблению туземных наций. Если же к этому добавить грязь и антигигиеническое состояние жилищ туземцев, их нечистоплотность (они не моют своего тела и не меняют

¹¹ *Архив Приморского отделения ВГО, ф. В. К. Арсеньева. Путевой дневник, № 3, стр. 746.*

нижней одежды), обилие насекомых (блох), разносящих заразу, то станет ясным, почему среди этих народов свирепствуют болезни (оспа, скарлатина, корь, проказа, трахома и т. д.)»¹².

Дореволюционные исследователи, занимавшиеся изучением Дальнего Востока, предлагали различные меры, которые, по их мнению, спасли бы коренное население от прогрессирующего угасания и способствовали бы улучшению его экономического положения, подъему культурного уровня.

Так, В. В. Соляровский полагал, что это возможно путем «постепенного внесения европейской культуры в инородческую жизнь»¹³.

Страстный защитник прав малых народностей Дальнего Востока В. К. Арсеньев считал, что оказание материальной помощи, введение системы административных поощрений, денежных премий, ограждение их от вредного влияния со стороны злостных скупщиков и торговцев и т. д. предотвратит их вымирание.

Еще более несостоятельными были предложения В. П. Маргаритова и С. Леонтовича, не говоря уже о православных миссионерах, которые связывали будущее ороцкого народа с распространением и приобщением таежных охотников к вере христовой. Все, кто предлагал всякого рода меры помощи, не могли понять, в силу своей классовой ограниченности, что судьба ороцкого народа, а вместе с тем экономический и культурный подъем его, были неразрывно связаны с решением кардинальной проблемы того времени — уничтожением существовавшего самодержавно-крепостнического строя. Только победа Великой Октябрьской социалистической революции коренным образом изменила судьбу всех народов России и спасла орочей от трагической участи рокового процесса угасания. Благодаря установлению Советской власти, орочи встали на путь социалистического строительства.

¹² «Отчет Дальревкома и Дальэконосо за 1923—1924 гг.», Хабаровск, 1925, стр. 555—556.

¹³ В. В. Соляровский. Указ. соч., стр. 173.

РАЗЛОЖЕНИЕ РОДОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ЕЕ ПЕРЕЖИТКИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ОРОЧЕЙ

В XIX — начале XX в. в социальной жизни орочей удерживались отдельные элементы родового строя. Это проявлялось в делении орочей на патрилинейные роды, соблюдении экзогамии, обычае взаимопомощи, функционировании норм обычного права и т. д.

В XIX в. орочи подразделялись на роды: Акунка, Асинканка, Ауканка, Бисянка, Бочинка (Бэсэ), Быхинка, Вагла, Дзаянка, Докодика, Ёминка, Кангунка, Каундинка, Моуданка, Мулинка, Намунка, Иенка, Пудзя, Пунадинка, Пэулянка, Няннянгулка, Самандинга, Сеундика, Сенкиянка, Тиктамунка, Тонголкинка, Улянка, Хадинка, Хутунка, Хуинка, Эхэмулка¹⁴. Большинство родовых названий произошло от наименований той местности, где когда-то обитали предки данного рода. Названия родов Акунка, Ауканка, Бочинка, Кангунка, Моуданка, Хадинка, Мулинка, Хутунка — от наименования рек, впадающих в Японское море и р. Тумнин. От названия бухт Ёмин, Биа, Ауку, расположенных по побережью, стали именоваться роды: Бисянка, Ёминка, Ауканка. Название рода Эхэмулка связано с местностью Эхэму (около мыса Сюркум), рода Сеочёнка — с наименованием острова Сеочё, рода Самандига — с р. Самá, и название рода Тиктамунка происходит от названия скалы Тиктаму, расположенной в устье р. Мули.

Родовое название Намунка тождественно термину Иенка, которым называли орочей, расселенных в устье р. Тумнин. Происхождение этого термина орочи связывают с названием «рогатого камня» (иени), лежащего в устье р. Тумнин.

Многие объясняют происхождение своих родов от животных, растений или других предметов. Например, сородичи Пунадинка произошли якобы из мха (пунади). В легенде, записанной нами от орочки Д. Акунка (с. Кун, 1958 г.), о происхождении этого рода повест-

¹⁴ А. М. Золотарев включал в состав орочей роды Лонки и Сулахи. См.: А. М. Золотарев, *Амурские орочи, «Советский Север», 1934, № 6. По сведениям наших информаторов они не считают эти роды орочскими.*

вуется следующее. «Однажды женщина из рода Моуданка пошла за водой на речку. Подойдя к тому месту, где она обычно брала воду, женщина заметила, что камень, возле которого ей нужно было становиться, оброс мхом. Чтобы не поскользнуться, женщина решила очистить камень от поросшего мха. Только она дотронулась до травы, как раздался голос: «Ой, ой, больно!» Женщина испугалась, наспех зачерпнула воду и убежала домой. А из мха (пунади) появился человек, от которого будто бы произошли потомки рода Пунадинка».

Сородичи Акунка, Хутунка, Тиктамунка, Мулинка, Иенка связывают свое происхождение с камнем или скалой. Так, основатели рода Хутунка якобы произошли от двух камней, расположенных в р. Хуту. Один из них напоминает фигуру женщины, которая держит в руках колыбель, а второй — мужчину. По представлениям орочей, оба камня символизируют собою мужа и жену, от которых произошли сородичи Хутунка. Члены рода Мулинка предполагают, что когда-то в незапамятные времена, они произошли от скалы, которая расположена на р. Мули. Вначале появились брат и сестра и стали жить вместе как муж и жена. Они основали род Мулинка. Тиктамунка, по убеждению орочей, произошли также от скалы. Это было на рч. Тиктаму. Там и сейчас еще видны отверстия в скалах, из которых вышли первые люди Тиктамунка. Представители рода Моуданка объясняют свое происхождение от кремневого огня (мооди). Родоначальником орочей из рода Сеочёнок считался коршун «сиочё». Между прочим, название острова Сиочё произошло от обитания на нем большого количества пернатых хищников. Сородичи Кангунка связывают свое происхождение с водоплавающей птицей (кангу), Акунка — с корюшкой (аку), Аукунка — с кукушкой, Ёминка — с тигром, Вагла — с зайцем, Каундига — с филином, Сенкиянка — с багульником (сенки), Пэулянка — с вешалами для рыбы (пэуля). Эти примеры, возможно, свидетельствуют о том, что часть орочских родовых названий носит тотемический характер.

По мере роста численности орочей, первоначальные роды стали делиться на ряд дочерних. Например, предки рода Самандига когда-то входили в состав рода Хутунка. Впоследствии они обособились, расселились по

р. Сама — верхнему притоку р. Хуту — и выделились в самостоятельный род. В свою очередь потомки родов Улянка и Пэулянка в недалеком прошлом входили в состав рода Намунка (Иенка).

В преданиях орочей часто рассказывается о конфликтах между братьями, которые вынуждены были «слопать» родовой огонь и разойтись в разные стороны. Расселившись по речкам, протокам и бухтам, они дали начало новым родам, название которых произошло от наименования занимаемого ими района. Так, по неизвестным для нас причинам, из рода Бисянка выделились две группы людей. Одна — поселилась близ сопки Няннянгу и стала называться Няннянгунка, а вторая — обосновалась на краю леса (асинкияни) и стала называться Асинканка. Из рода Вагла выделились такие группы, как Сеундинка, Докодика, из рода Мулинка откололась группа Тонголинка, от рода Моуданка обособилась группа Муинча, из рода Акунка выделились родовые группы Дымиса и Надамиса.

Таким образом, обширный перечень орочских родовых названий, видимо, образовался в результате сегментации нескольких первоначальных родов на локальные подразделения, получившие каждое свое название.

Однако все эти подразделения объединялись в родственные союзы (доха). В них часто входили роды различного этнического происхождения. Нам удалось зафиксировать у орочей шесть объединений типа «доха». В первую группу входили роды: Хутунка, Акунка, Самандига, Сенкиянка, Сеочёнка, Самар (нанайцы), Суляйндзига (удэгейцы); во вторую — сородичи Ёминка, Ауканка, Дзаянка, Моуданка, Пунадинка, Камдзига (удэгейцы), Онинка и Джаксор (нанайцы); в третью — Намунка, Тиктамунка, Мулинка, Пэулянка, Улянка, Тонголинка, Киле, Тумали, Ходжер (нанайцы), Пеонка (удэгейцы); в четвертую — Вагла, Сеундинка, Каундинга, Докодика, Оджял (нанайцы); в пятую — Сеочёнка, Эхэмунка, Каза, Кимонко (удэгейцы), Джаксор (нанайцы); в шестую — Бисянка, Асинкиянка, Няннянгунка, Огдонко.

Причины возникновения объединений типа «доха» у орочей, ульчей и удэгейцев были разными. А. М. Золотарев правильно подметил, что «доха» возникли

как в результате соединения первоначально бывших чуждыми друг другу родов в одну экзогамную группу путем договора через женитьбу на вдовах, так и в результате разделения первоначального единого рода на новые роды, с сохранением при этом принципа экзогамности¹⁵. Союз «доха» у орочей связан чаще всего с женитьбой на вдове. У них, так же как и у соседних с ними народов, строго соблюдался левират. Однако под внешней оболочкой объединений типа «доха», образующихся путем женитьбы на вдове или в результате индивидуальной адаптации чужеродцев, скрываются внутренние мотивы, которые побуждали к созданию союзов. Принадлежность к «доха» накладывала определенные обязанности: коллективные действия на рыбалке, охоте, совместное участие в межродовых войнах, судебных заседаниях, выплаты штрафа, калыма и т. д. Замена кровнородственных связей территориальными сделали «доха» до некоторой степени экономической единицей. В этой связи А. М. Золотарев, наблюдая подобное явление у ульчей, писал: «Несомненно, тенденция к слиянию родов особенно сильна у живущих в одной деревне. Вместе жили, вместе рыбу ловили, «доха» стали — говорится в преданиях»¹⁶.

К числу родовых пережитков относилось существование у орочей института родового суда, опиравшегося на нормы обычного права. Орочская система родового суда возникла как превентивная мера для предупреждения кровной мести. Было время, когда месть за убитого сородича считалась священной обязанностью членов рода. В связи с этим Ф. Энгельс писал: «В деле защиты своей безопасности отдельный человек полагался на покровительство рода и мог рассчитывать на это; тот, кто причинял зло ему, причинял зло всему роду. Отсюда из кровных уз рода возникла обязанность кровной мести»¹⁷.

Однако уже в XIX в. в соответствии с нормами родового права разрешение конфликта за убийство не исчерпывалось только лишь кровной мезтью. Под влиянием меновых, а впоследствии торговых отношений, обычное

¹⁵ А. М. Золотарев. *Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939, стр. 44—47.*

¹⁶ Там же, стр. 45—47.

¹⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения, т. 21, стр. 85.*

право предусматривало разрешение конфликта путем введения системы штрафов.

Орочские обычаи, связанные с примирениями родов, очень сходны с удэгейскими, нанайскими, ульчскими и в нашей этнографической литературе частично описаны Л. Я. Штернбергом¹⁸. Собранные нами материалы позволяют дополнить процесс судебного разбирательства и описать некоторые методы, с помощью которых можно установить личность виновного, совершившего преступление.

Для ведения судебного разбирательства (байта джуджакты) приглашали опытного оратора из нейтрального рода. Такой человек у орочей назывался «джангин». Последний назначал от каждой стороны специальных представителей (манга). Каждый из них был наделен особым знаком достоинства — деревянным жезлом (тыдзю) с копьём на одном конце и изображением антропоморфного духа «манга» — на другом. Джангин в свою очередь был вооружен жезлом (беруку), по форме напоминающим ногу лося, верхний конец которого увенчан фигуркой в виде человеческого лица. В этом орудии была заключена личная судьба джангина и жизнь его близких родственников.

Судебный процесс проходил следующим образом. Джангин наливал в фарфоровую тарелку «чами» или деревянную чашку «моко» воду и бросал туда небольшой уголек. Через своих посредников (манга) джангин задавал обеим сторонам вопросы, устанавливая, таким образом, сущность конфликта и степень виновности каждой из сторон. Если манга неправильно передавал заданные джангином вопросы или же во время беседы с ним искажал ответы подзащитных, то джангин мог отстранить данное лицо и назначить нового манга. Как только джангин определял виновника, он приглашал к себе обоих манга. Во время беседы с манга перед джангином стояла деревянная чашка с водой, по поверхности которой он ударял прутиком, чтобы «не пересыхало горло». Дав понять, какая из сторон виновата, джангин предлагал манга бороться (мосони). Во время борьбы манга от виновной стороны должен обязательно

¹⁸ Л. Я. Штернберг. *Орочи Татарского пролива*, стр. 420—423.

поддаться, этим как бы подтверждалась преступность защищаемой им стороны. Окончательное установление виновности якобы проявлялось в превращении уголька в улетающую птичку (асими синдикани). Этот акт превращения объясняется, таким образом: душа убитого человека злится на виновников убийства. Она не может попасть на свое родовое дерево до тех пор, пока не отомстит убийце. Поэтому вынуждена летать вблизи их жилищ и питаться углями, принося тем самым неприятности хозяйке огня обвиняемого рода. Но как только факт убийства установлен, эта душа из обычного уголька, в который она превратилась накануне суда, превращается в птичку и удовлетворенная результатами судебного разбирательства улетаёт на свое родовое дерево.

Затем начинался второй этап судебного процесса, суть которого заключалась в установлении размера штрафа (байта).

Сравнивая процесс судебного разбирательства у орчей и ульчей, отметим, что, если у первых на суде главную роль играл джангин, то у ульчей исход судебного процесса зависел от манга.

Сумма выкупа зависела от того, кто был убит и при каких обстоятельствах. За убитого мужчину виновная сторона отдавала одну-две женщины из своего рода, несколько котлов, халатов, определенную сумму денег. Нередко случалось так, что виновник не в состоянии был заплатить байта, тогда весь род оказывал ему в этом деле помощь. В каждом отдельном случае, в соответствии с характером преступления, была введена тарификационная система штрафов. Самый большой штраф взыскивался за убийство, мелкое воровство, совершенное из хулиганских побуждений, например, кража шкурки белки или колонка.

Штраф платили за поломку чужой вещи, за опрокинутый в гостях ковш с водой, за забытое ружье или копье, за взятый по рассеянности чужой кисет или трубку, за поломку ограды очага, за то, если человек по ошибке зашел в чужой дом.

Мужчина, вступивший в сожителство с чужой женой из класса недозволенных женщин, обязан был наряду с другими предметами выкупа дать медвежью шкуру якобы для того, чтобы прикрыть позор мужа.

В соответствии с нормами обычного права орочи применяли различные приемы для выявления лица, совершившего кражу. Например, брали волчье сухожилие и подносили его к огню. Под действием температуры огня сухожилие скручивалось. Подразумевалось, что одновременно с этим начинались конвульсии у вора, где бы он ни находился, и мучения продолжались до тех пор, пока подозревавшийся человек не признавал себя виновным. Кроме того, он должен был обязательно уведомить об этом постороннее лицо, которое впоследствии засвидетельствовало бы акт раскаяния преступника.

Вора обнаруживали также при помощи вороны «гаки». В огонь бросали живую ворону, которая кричала: «Гаки, гаки, гаки». Если вор находился среди присутствовавших вокруг костра людей, то он вторил крикам вороны: «Гаки, гаки». Аналогичный способ установления преступника существовал у ульчей¹⁹.

Лицо, укравшее продукты, устанавливали следующим образом. Пострадавший брал высушенный мочевой пузырь лося, наполнял его остатками украденных продуктов. На шейку пузыря накидывали скользящую петлю из сухожильных ниток. Затем раскладывали дымокур из багульника и над ним держали пузырь. Хозяин, затягивая петлю на шейке пузыря, произносил следующие слова: «Кто взял мои продукты, пусть с ним делается то же самое, что и с этим пузырем». Во время этого заклинания преступнику будто бы становилось душно, у него якобы перехватывало дыхание, мучения продолжались до тех пор, пока вор не признавался в содеянном.

Человек, совершивший кражу, облагался штрафом, а при повторном преступлении, кроме штрафа, подвергался экзекуции — били тальниковыми лозами (не более 100 ударов).

От привычки воровства человека «избавляли» следующим образом: его связывали, подсовывали под нос ему тлеющие ветки багульника или какое-либо другое ароматическое растение и секли до тех пор, пока у вора из носа не «выскакивала» мышь (сини), которая, по убеждению орочей, являлась злым духом, совращавшим человека на различные преступления.

¹⁹ А. М. Золотарев. Указ. соч., стр. 81—82.

Введение в XIX в. системы штрафов упростило разрешение внутриродовых конфликтов. Все это свидетельствовало о том, что родовые связи утратили свое былое значение, кровная месть была заменена выкупом. Под внешней оболочкой сохранившихся родовых пережитков скрывалось новое содержание, присущее соседской общине.

В XIX — начале XX в. у орочей бытовали и другие архаические пережитки, восходящие своими корнями к истокам родового строя. К ним относились элементы коллективного производства и распределения продуктов охоты и рыболовства, коллективной собственности на охотничьи и рыболовные угодья.

На период промысла (имеется в виду охота на мясного зверя), а также на время путины орочи, проживавшие в одном стойбище, создавали артели. Вся добыча делилась между ее участниками поровну. Рыболовные и охотничьи угодья, за исключением соболиных мест, распределялись не по родовому принципу, а по соседско-общинному. Такая система была подмечена В. П. Маргаритовым²⁰, а несколько позднее В. В. Солярсским, который писал об этом: «У орочей соболиные речки составляют собственность отдельных семей. Речка, остающаяся праздною в случае смерти ее владельца, поступает в распоряжение общества и последнее передает ее во владение новой семьи. Община же определяет районы охоты на прочего зверя»²¹.

Вплоть до установления Советской власти среди народов Дальнего Востока был распространен обычай взаимопомощи. У орочей такой обычай назывался «бэлэчиматы». Такой же обычай под названием «берси» был зафиксирован К. М. Расцветаевым у эвенков²². Раньше правами на «бэлэчиматы» пользовались только люди, связанные между собой кровнородственными узами. В описываемое нами время этот обычай у орочей распространялся на соседей по стойбищу. Точно так же раздел добычи между членами охотничьей артели «убумачиты» потерял свой родовой характер и распро-

²⁰ В. П. Маргаритов. *Об орочах Императорской Гавани*. СПб., 1888, стр. 5.

²¹ В. В. Солярсский. *Указ. соч.*, стр. 41.

²² К. М. Расцветаев. *Тунгусы Мямьяльского рода*. Тр. СОПС АН СССР, вып. 13 (серия якутская). Л., 1933, стр. 37—40.

отрастился соответственно на коллектив соседской общины.

Среди орочей бытовал обычай гостеприимства, который распространялся не только на своих сородичей, но и на чужеродцев. Если ороч заходил в жилище сородича или соседа по стойбищу, то его приглашали сесть на почетное место «малу» и угощали пищей или табаком. В соответствии с обычаем гостеприимства можно было себе позволить приехать на долгое время в гости (димахани хонгто баты) к родственникам независимо от того, на каком расстоянии от них проживали. Несмотря на то, что между гостем и хозяином почти невозможно было восстановить родственные связи, приехавший пользовался всеми правами члена его семьи. Порою такие «гости» годами не работали, живя за счет других людей, которые безропотно кормили и одевали их.

Анализируя весь вышеизложенный материал по пережиткам, можно заключить, что эти архаические элементы утратили свой первоначальный родовой характер и в условиях разложения и распада родовой организации изменили свое содержание. Это явление было характерно для большинства народов Сибири и Дальнего Востока и было подмечено советскими исследователями, которые в этой связи писали: «...До установления Советской власти существовавшие в Северной Сибири древние нормы родовой организации производства и потребления проецировались уже не на кровнородственные родовые объединения, а на объединения иного характера, а именно на возникшие в результате распада родовых связей объединения по территориально-соседскому производственному признаку»²³. Это заключение полностью применимо и к орочам, о чем свидетельствует весь вышеизложенный материал.

Классики марксизма-ленинизма, анализируя процесс разложения первобытных общин, указывали, «что причины их распада вытекают из экономических данных»²⁴.

²³ Б. О. Долгих, М. Г. Левин. *Территориальные связи у народов Северной Сибири. Родовое общество. Этнографические материалы и исследования*. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XIV, 1951, стр. 104.

²⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*, т. 19, стр. 402.

Анализ структуры общества орочей XIX — начала XX в. свидетельствует о том, что у них не произошло еще разделение на классы, хотя элементы имущественной дифференциации были налицо.

Выделение зажиточной верхушки связано с развитием товарного производства в пушном промысле и в меньшей степени — в рыболовстве. С развитием товарно-денежных отношений замкнутое натуральное хозяйство орочей уже в конце XIX в. превращалось в товарное. В связи с этим наблюдался интенсивный рост парцелляции процесса производства, а вместе с тем и дальнейший рост частного присвоения, прежде всего в тех отраслях ороческого хозяйства, которые сильнее всего были втянуты в сферу товарного обращения — в пушном промысле и рыболовстве.

Развитие частной собственности обусловило, как сказано выше, появление зажиточной верхушки, состоявшей в основном из старшинок и скупщиков, материальное благополучие которых основывалось преимущественно на торгово-ростовщической эксплуатации соплеменников. Наиболее влиятельными торговыми посредниками среди хадинских орочей был Иван Михайлович Бисянка, среди тумнинских орочей — Лобори Акунка; по Хуту торговыми операциями занимался Бутунгари, по Коппи И. М. Бисянка и Гатангу-Вагла, на Акуре активным торговцем был М. Акунка, в Уське — Василий Акунка, в Датте — Сагды (большой) Акунка. По свидетельству В. К. Арсеньева, отдельные торговцы располагали большими капиталами. Например, коппинский старшина И. М. Бисянка имел чистого капитала около 50 тыс. руб., а старшина из стойбища Хуту-дата около 200 тыс. руб.²⁵

В. П. Маргаритов следующим образом охарактеризовал ороческого торговца: «Ванька (это был И. М. Бисянка. — В. Л.) человек энергичный, толковый и мало придерживающийся старинных ороческих предрассудков. Дело сначала шло очень хорошо, жаль только, что Ванька скоро понял суть торговых операций, и уже к концу 3-го года своего купечества он сделался кулаком не хуже любого русского»²⁶.

²⁵ *Архив Приморского отделения ВГО, ф. В. К. Арсеньева. Путевой дневник, № 2, стр. 336.*

²⁶ *В. П. Маргаритов. Указ. соч., стр. 22.*

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

С разложением рода у орочей все более и более возрастала роль семьи. Преимущественно это была малая семья (нугги), но кое-где сохранялась в своей пережиточной форме и большая (хигады). В частную собственность семьи перешло все недвижимое имущество (жилые и хозяйственные постройки), средства передвижения (лодки, нарты, лыжи), орудия охоты и рыболовства. Каждая семья вела свое обособленное хозяйство.

С усилением роли семьи и превращением ее в самостоятельную хозяйственную единицу шел процесс образования мелких семейно-экономических ячеек. Об этом свидетельствуют данные В. П. Маргаритова. Будучи у приморских орочей, он зафиксировал следующее: на р. Уй было расположено пять юрт, в которых проживало 29 человек, в с. Дюанко пять юрт — 25 человек, в с. Хуту пять юрт — 25 человек, в с. Датта 10 юрт — 59 жителей²⁷. Таким образом, средний состав одной семьи в конце XIX в. составлял пять-шесть человек. Главой семьи считался отец, если он являлся трудоспособным, в противном случае им становился старший сын. Имущество в семье наследовалось по мужской линии.

Будни ороческой семьи были чрезвычайно однообразными. Картину семейной жизни орочей нарисовал В. П. Маргаритов: «С рассветом пробуждается селение; мужья после чая отправляются на рыбную ловлю, а жены кормят детей и собак, принимаются за уборку юколы и за очистку места для свежей. Часа через два возвращаются с работы мужья и, развесив свою мокрую одежку, в полуголом виде садятся пить чай, а жены, окруженные вереницей детей и собак, принимаются за разделку свежей рыбы, обрезки и потроха которой через полчаса запружают весь берег. Гам детей, сосущих рыбы головы, ворчанье дерущихся собак и карканье ворон на этот раз нарушают тишину угрюмой тайги. После уборки рыбы женщины готовят обед, а мужья продолжают благодушествовать, чем обыкновенно заняты до вечернего улова, если нет никакой спешной работы. Жены же работают как до обеда, так и после обеда.

²⁷ В. П. Маргаритов. Указ. соч., стр. 4.

После вечернего улова время проходит так же, как и после утреннего. С угасом зари семья ороча ложится спать и если соседний шаман не вздумает оглашать окрестности ударами о бубен и своими дикими, раздирающими душу, завываниями, то наступает полнейшая тишина, изредка нарушаемая воем собак, голов в 50 сразу»²⁸.

В семье существовало строгое распределение труда между мужчиной и женщиной. «Все, что относится к добыванию и приобретению, находится в руках мужчины, а что касается до обдελывания и обработки добытого, все это лежит на обязанности женщины. Так, добыть рыбу, какого-нибудь зверя, заготовить бересты, корья, дров и т. п. — это дело мужчины, приготовить рыбу во всех ее видах, выделать кожу, сделать из нее одежду, выварить бересту и употребить ее на различные изделия — это лежит на обязанности женщин»²⁹.

Положение женщины в семье было приниженным. В жилище для нее было отведено специальное место; ей строго запрещалось заходить на мужскую половину «малу». Она не имела права есть до тех пор, пока не накормит мужа, а также лакомства — головной или костный мозг, печень и т. п. — лишь изредка перепадали ей со стола мужа. Женщина в семье в основном довольствовалась обедками. Если в жилище присутствует гость, то женщина должна молча сидеть в углу у входа. Только старая женщина, мать семьи, или старшая жена, имевшая под своим руководством других женщин, могла сидеть вместе с мужчинами и даже есть вместе с ними.

Особенно тягостными и унижительными для женщины были обычаи, связанные с родами. По обычаю женщина во время беременности, родов и послеродового периода считалась «нечистой». Еще до наступления родов для нее недалеко от жилища мужа строили специальный конический шалаш (ятанку). Дней за десять до родов женщину переводили в это жилище, это переселение орочи объясняли как «уход женщины на промысел». Роженица брала с собой древесные стружки (сики), сено (окто) и кое-что из продуктов. Во время пре-

²⁸ В. П. Маргаритов. Указ. соч., стр. 8.

²⁹ Там же.

бывания в родильном шалаше женщина все делала сама: готовила пищу, колола дрова, носила воду, поддерживала огонь. Во время родов строго запрещалось оказывать ей помощь. Новорожденного мать сразу же обтирала древесными стружками, смоченными в теплой воде, одевала на него халатик (тэга) и клала в берестяную люльку (дуи). В зимнее время мать спешила запеленать младенца в шкуру кабарги или собаки. Послед (амуки) роженица зарывала в землю, а загрязненные тряпки, одежду и стружки оставляла в шалаше. Через 10—15 дней женщине разрешалось вернуться в жилище мужа. Перед уходом домой женщина ломала родильный шалаш. В жилище мужа матери с ребенком отгораживали специальное место (кукти), расположенное около входа, где она находилась в течение двух месяцев. В этот период ей нельзя было купаться в реке, ходить босиком, прикасаться к вещам и в первую очередь к охотничьим принадлежностям своего мужа. Питаться она могла рыбой, мясом кабарги и различными дикорастущими ягодами; строго запрещалось употреблять мясо сохатого, дикого кабана, не говоря уже о медвежьем. По истечении двух месяцев женщина обмывалась горячей водой, в которой предварительно был выварен багульник (сэнки), одевала чистое белье и приступала к своим прямым обязанностям по хозяйству.

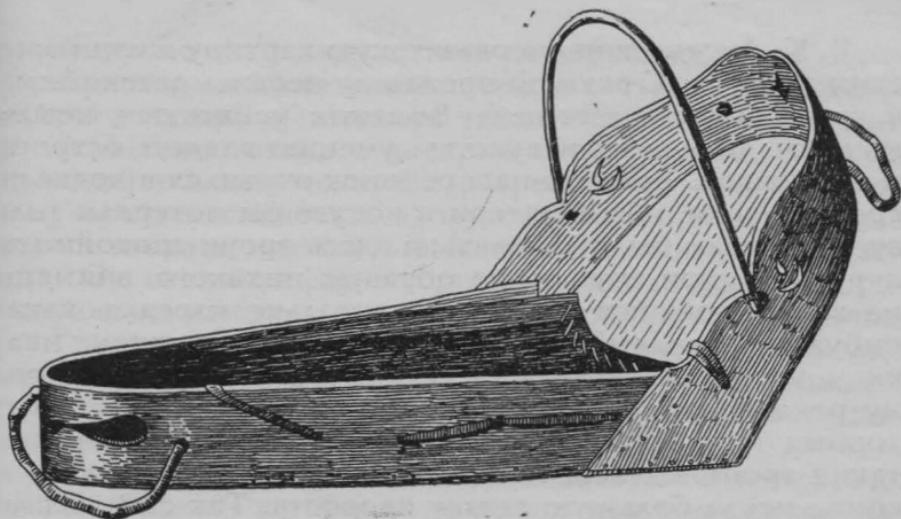
Информатор Андрей Львович Сеоченко рассказал нам о диком обычае изоляции женщины во время родов, жертвой которого он стал. Это случилось так. За десять дней до наступления родов его мать отвели в специально построенный для роженицы чум. Стоял декабрь. Дул сильный ветер и дважды уносил ветхое жилище. Но законы тайги были суровы. Изнемогая от усталости и страшной боли, она кое-как установила себе новый шалаш. Измученная и усталая, она свалилась еле живая на подстилку из пихтовых веток. Люди из стойбища наблюдали за тем, когда же из юрты роженицы появится дымок. Прошло двое суток, а костер в шалаше не загорался. Старейшие в стойбище решили, что злые духи наказали ее и увели в буни — царство теней. Когда подняли полог, то увидели в ногах матери завернутого в шкуру кабарги новорожденного. Мать Андрея была без сознания. Самая старая женщина из числа присутствовавших развела в шалаше огонь, привела в чувство боль-

ную, запеленала ребенка в новую шкуру и покинула шалаш.

Истек 15-дневный срок пребывания в шалаше, и мать с новорожденным вернулась в жилище мужа. Ребенка назвали Имасан, то есть Снежный. Летом в их стойбище приехал поп и окрестил малыша, дав имя ему Андрей. С самого рождения недомогал Андрей. Все попытки шаманов изгнать из больного злых духов не улучшали состояние здоровья Андрея. Летели годы. Больной был прикован к постели.

Когда с установлением Советской власти новая жизнь пришла в отдаленные таежные стойбища орочей, отец Андрея решил отвезти своего сына к русскому врачу. Врач незамедлительно приказал отправить больного в Хабаровск для стационарного лечения. Через два года Андрей вернулся в родное стойбище. Ноги по-прежнему были парализованы, зато стали работать руки, восстановилась речь. В больнице Андрей научился говорить по-русски, а также читать и писать. У себя в поселке он был приглашен на работу в сельский совет на должность секретаря. Андрей самостоятельно научился мастерству портного и сейчас среди орочей почитается за лучшего мастера. В свободное от работы время он записывает легенды и предания о далеком прошлом своего народа. Его интересуется все, что в какой-то степени затрагивает этнографию орочей.

Воспитанием ребенка у орочей занималась мать. Уход за ребенком был примитивный. Купали младенца не чаще одного раза в декаду, а зимой вообще не делали этого. Днем ребенок находился в деревянной подвесной колыбели (эмуга, эмуэ). Она состояла из двух лубковых половинок, соединенных между собою. Спинка колыбели наклонена к основанию под углом 150—160°. Бортовые стенки имели фигурные прорезы (сеэнкани) в виде уха, для того чтобы ребенок лучше слышал. К спинке колыбели подвешивали различные побрякушки из костей, зубов, когтей различных хищных животных, чаще всего когти рыси. Дно люльки посыпали гигроскопической гнилушкой. На ночь ребенка клали в берестяную люльку (дуи) в виде ванночки, с приподнятой спинкой. Кормление грудью продолжалось до трех-четырех лет. Подкармливать младенца начинали с полугодовалого возраста. Сначала ему давали жвачку из соха-

Эмуэ — детская колыбель

тинового мяса или рыбы. Соску заменял кусок копченого сала, в который протыкали палочку для предохранения от заглатывания его ребенком. Из жидких блюд давали бульон из сушеной кетовой икры (соляма) или бульон из костей (силе). Когда ребенку исполнялся год, ему начинали давать по ложке свежей крови, к восьми годам эта доза увеличивалась до стакана. К пяти годам ребенок ел все то, что ели взрослые.

Детство ороческих детей проходило на лоне природы. Игрушек было мало. Обычно это были самодельные, сделанные родителями, а иногда и самими ребятами, деревянные фигурки диких животных, маленькие лодки, нарты, лыжи, луки и стрелы, остроги и т. п. У девочек игрушками служили различные поделки из бересты, чашки, ковшики, сумочки, шаблоны для орнамента. Родители часто для забавы своим детям приносили домой диких животных или птиц: лисят, орлят, утят и пр. Мальчикам, как только они начинали цепко хватать предметы, давали нож, и с этого времени они с ним не расставались. Вплоть до 12 лет мальчики не знали никаких забот по хозяйству. Положение девочек было значительно хуже. Уже с семи-восьми лет они принимали активное участие в работе по домашнему хозяйству: готовили обед, чистили рыбу, обрабатывали шкуру, мяли кожу и т. д.

В. К. Арсеньев нарисовал яркую картину жизни ороческих детей: «...С реки по-прежнему неслись детский смех и крики. Глядя на этих 5—8-летних ребятишек, невольно изумляешься их искусству, умению владеть острой и оморочкой. Если бы наш ребенок очутился в лодке посередине реки, наши матери в испуге бы потеряли голову и не знали бы, что делать; а здесь ороочи спокойно покуривают свои трубки, не обращая никакого внимания на забавляющихся детей, разве только изредка какая-нибудь из них, выйдя из балагана, крикнет своему мальчику, чтобы он съездил за чем-нибудь на другую сторону реки к ороочу-родственнику или соседу. Несколько торных троп мимо амбаров вели к лесу. По одной из таких тропинок шла маленькая девочка лет семи и на спине несла большую связку хвороста. Так с малых лет ороочские дети приучаются к труду и к той деятельности, которая их ожидает впоследствии, когда они станут взрослыми»³⁰.

БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И НОМЕНКЛАТУРА РОДСТВА

В брачных отношениях орочей вплоть до начала XX в. сохранялись элементы группового брака. Нарушение принципа родовой экзогамии и заключение брака в пределах групповой общности типа «доха» у орочей принималось как нечто недозволенное и опасное для общества.

Брачные связи между родами носили двусторонний характер³¹. У орочей считалось наиболее почетным жениться на женщине из рода своей матери, предпочтение отдавалось дочерям брата матери. При этом брак заключался путем обмена сестрами (тамумуна). Установление брачных уз таким путем принимало наследственный характер и передавалось из поколения в поколение.

В соответствии с нормами двустороннего брака, ко-

³⁰ В. К. Арсеньев. *Жизнь и приключения в тайге*. М., 1957, стр. 113—114.

³¹ На двусторонний характер брачных отношений между родами указывал Л. Я. Штернберг: «Обмен сестрами составляет излюбленную форму приобретения жены. Во время сговора ороч спрашивал у тестя, чего он просит — калым или бабу». (Л. Я. Штернберг. *Гиляки, ороочи, гольды, негидальцы, айны*. Хабаровск, 1933, стр. 412, 413).

торый можно охарактеризовать как кросс-кузенный, орочу разрешалось жениться на дочери сестры отца и дочери брата матери. Считалось также нормальным явлением заключение брака с дочерью своей сестры. Существовавший обычай левирата разрешал не только младшему брату наследовать вдову старшего брата, но и сын старшего брата мог взять в жену вдову младшего брата отца. От своих информаторов мне неоднократно приходилось слышать о случаях брака пасынка на мачехе. Хотя такие связи и были дозволительны, однако они проявлялись в редких случаях и вызывали при этом различные толки, вплоть до негласного осуждения соотроны соплеменников.

Перечисленные факты свидетельствуют о том, что до начала XX в. у орочей сохранялись пережитки существовавшего некогда у них группового брака. Об этом упоминается в работах В. П. Маргаритова³² и Л. Я. Штернберга.

Вот что писал Л. Я. Штернберг: «...По словам самих орочей, не говоря о моих личных наблюдениях, даже по исключению нельзя найти безусловно верную супругу или верного супруга. Во всяком случае орочи отдают предпочтение женщине. «Женщину еще одну-одну можно найти верную, а мужчину нет». Конечно, нарушения супружеской верности не могут происходить на глазах супруга. Отношения к таким нарушениям двоякого рода. Если виновником этих нарушений является человек чужого рода и если муж узнает об этом, то он виновника изобьет до полусмерти и потребует штрафа, жену он «угостит», по выражению орочей, несколько раз «сородэ», т. е. «здравствуй», иначе говоря, пощечиной, но не палкой, ибо, как объясняют с изумительной наивностью орочи, «можно кость перебить, тогда кто же работать будет?» Но если виновником является лицо из категории лиц, которым это дозволено, то за это никакого штрафа не полагается, и самое большое, если пострадавший супруг будет несколько дней дуться. Но обычно орочка, за редким исключением, не нарушает своей верности с лицами запретных категорий. Того же не сделает и ороч-мужчина. Поэтому молодежь орочская любит ездить в гости туда, где много их сородичей, а не туда, где ее сородичи — женщины, из категории запрещенной. Вооб-

³² В. П. Маргаритов. Указ. соч., стр. 30—32.

ще же орочи не видят никакого греха в половой фривольности. Наоборот, считается грехом выдавать чью-либо фривольность в этом отношении. Особенно меня поражали женщины-матери женатых сыновей. Она несколько не в претензии, если ее сородич станет «ловить» жену ее сына»³³.

Наиболее широкое распространение в начале нашего столетия получила форма заключения брака путем выкупа (табдыди). Уплата калыма за невесту возникла в результате развития частной собственности. В этой связи Ф. Энгельс указывал: «А когда с торжеством частной собственности над общей и с появлением заинтересованности в передаче имущества по наследству господствующее положение заняли отцовское право и моногамия, тогда заключение брака стало целиком зависеть от соображений экономического характера»³⁴.

Отец покупал жен сыновьям, а дочерей продавал, не спрашивая ни у тех, ни у других согласия.

Наблюдались и такие случаи заключения брака, когда жених обязывался работать у будущего тестя, поселившись в его доме. Такая форма брака была впервые подмечена В. П. Маргаритовым: «Вместо калыма жених платит за невесту своим трудом. Например, если престарелый отец имеет небольшую дочь, то он берет к себе какого-нибудь мальчика на возрасте и трудами его пользуется до совершеннолетия дочери или, смотря по уговору, и до конца своей жизни»³⁵.

Номенклатура родства орочей сохраняла отдельные элементы классификационной системы, но была пополнена, очевидно в более позднее время, терминами из системы родства описательного характера (ниже приводятся данные опроса ороча).

<i>Термины родства</i>	<i>Кого я называю данным термином родства</i>
Ама	отца
Аня	мать
Апанга	отца по матери и отцу, старшего брата отца
Атанга	мать по матери и отцу, старшую сестру отца
Ака	моих братьев всех степеней родства, которые старше меня, и братьев моего отца всех степеней родства, которые старше меня, но моложе моего отца

³³ Л. Я. Штернберг. Указ. соч., стр. 415—416.

³⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 81.

³⁵ В. П. Маргаритов. Указ. соч., стр. 31.

Эка	моих сестер всех степеней родства, которые старше меня; сестер моего отца всех степеней родства, которые младше его, но старше меня; жен мужчин, которых я называю «ака», сестер моей матери всех степеней родства, которые младше ее, но старше меня
Ноко	всех своих братьев различных степеней родства, которые называют меня ака, или эка
Омоли	всех своих сестер различных степеней родства, которые младше меня; жен моих братьев, которых я называю ноко, жен своих сыновей
Бэна	младших братьев и сестер своей жены
Ауси	мужей старших сестер всех степеней родства
Гамасу (гамака)	всех детей своих старших сестер и братьев, детей братьев матери
Гочо	всех братьев и сестер моей матери
Эвка	жен старших братьев всех степеней родства
Инаки	жен младших братьев своего мужа; младших братьев мужа, младших сестер жены
Кэли	мужья родных сестер называют друг друга
Туака	дети родных сестер называют друг друга
Надягта	своего зятя
Сэнги	сородичи жены, сватья
Дзамуха	кровные родственники называют друг друга
Кангадя	сирота
Амира	отчим
Анира	мачеха
Ада	так называют друг друга супруги
Тукса	незаконнорожденный
Хита	называю детей, внуков всех степеней родства
Хуняди	называю сестер по роду
Пурямды	называю братьев по роду
Хусехита	мальчика любого
Асяхита	название девочки вообще
Хусянга	название мужчины вообще
Асянга	название женщины вообще
Андакачиты	жених
Андани	невеста
Надахта	брат всякого мужчины из моего рода
Удаиве	муж
Асам	жена
Хала	род
Халада	сородич
Зала	колени
Чканьё	обращение к жене в смысле «любимая»

Классификационная система родства, являющаяся отражением эпохи группового брака, была зафиксирована у орочей Л. Я. Штернбергом. Он подметил, что каждый ороч называл одну группу своих сородичей «ака», а другую — «ноко». В свою очередь женщина называла определенную группу мужчин «ака», а другую — «ноко», и наоборот, мужчина называл целый класс женщин «эка», а другой — «омоли»³⁶. В результате подразделения орочей на возрастные классы у них сложилась определенная система половых отношений. Любой ороч из класса «ноко» имел право на брак с женами мужчин класса «ака» и обязан был вступать в брак с вдовой после смерти мужа, указанного класса. В то же время подобные связи строго запрещались со стороны мужчин класса «ака» по отношению к женщинам класса «омоли», являющимся женами класса «ноко».

То же самое наблюдалось и в браке с детьми своих сестер. На дочерях своих старших сестер, которых я называю «гамака», ороч мог жениться и имел вообще право на половые сношения с ними в период отсутствия мужа, тогда как с дочерьми младших сестер такого права он не имел.

Таким образом, классификационная система родства, являвшаяся орудием мнемоники для осуществления брачных уз в эпоху группового брака, не соответствовала более высокой форме брачных отношений, на основе которых у орочей существовала моногамная семья.

Классики марксизма-ленинизма указывали, что система родства в своем развитии отстает от эволюции форм семьи. Ф. Энгельс в своей классической работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» по этому поводу писал: «В то время как семья продолжает развиваться, система родства окостеневает. и пока последняя продолжает существовать в силу привычки, семья перерастает ее рамки»³⁷.

Заключение брачного союза требовало выполнения определенных условий, указывающих на то, что брак — дело серьезное и прочное. В нескольких словах опишем процедуру заключения брачного союза.

Еще задолго до наступления совершеннолетия своего сына родители подыскивали ему невесту. Сватать (сен-

³⁶ Л. Я. Штернберг. Указ. соч., стр. 411—412.

³⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 36.

гитуты) невесту отправляли в род матери. Договорившись об условиях, на которых родители невесты отдавали замуж свою дочь, обе стороны назначали сроки свадьбы (сиёвгиты). Ее справляли обязательно после полной уплаты калыма. Первый день свадьбы праздновали в доме невесты. Затем жених отвозил невесту домой. В зависимости от времени года переезд с невестой совершался или на лодке, или на собаках. Для того чтобы невеста забыла свой дом, ей при выходе из жилища отца завязывали платком глаза. Недалеко от дома жениха свадебный экипаж встречали родственники. Младший брат жениха брал на руки невесту и нес ее до порога жилища своего старшего брата. Исполняя подобную миссию, младший брат обеспечивал тем самым себе право свободного входа в жилище старшего брата и выполнение супружеских обязанностей в период его отсутствия. У входа в жилище, снаружи и изнутри, ставили два перевернутых котла (даптама), на которые вступала невеста, входя в дом. Котлы, по убеждению орочей, символ крепости брачных уз, залог здоровья супругов и их будущих детей. Заключенный брак был трудно расторгим. Его можно было расторгнуть лишь с согласия мужа и при условии полного возврата ему родственниками жены калыма.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ

Классики марксизма-ленинизма, исследуя генезис религиозных воззрений, пришли к выводу, что «Религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе»³⁸. У орочей, как и других отсталых народов земного шара, сохранение примитивных форм религиозных верований объясняется длительным господством родового строя, который, по указанию Ф. Энгельса, «...предполагал крайне неразвитое производство, следовательно, крайне редкое население на обширном пространстве, отсюда почти полное подчинение

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 313.

человека враждебно противостоящей и непонятной ему окружающей природе, что и находит свое отражение в детски наивных религиозных представлениях»³⁹.

По представлению орочей, окружающий их мир был наполнен добрыми и злыми духами (сэвоки). Для того чтобы задобрить того или иного духа (сэвохи), ороч делал его изображение, в котором в соответствии с субъективным воображением его творца воспроизводилась якобы внешняя оболочка данного духа.

Назначение сэвохи было дифференцированным. Одни играли роль охранителей человека от бед, другие — способствовали удачному промыслу, третьи — стремились причинить человеку различные неприятности, и чтобы духа задобрить, человек вынужден был постоянно подкармливать его и держать все время под контролем. Ороч, перенесший тяжелую болезнь, делал фигурку виновника своей болезни. Дух, обретший постоянное место, больше не тревожил человека. Изображения духов хранились в специальных амбарах (сэвоки дзали). Во время работы среди орочей Б. А. Куфтин обнаружил несколько таких амбаров. В одном из них он нашел несколько изображений духов, якобы способствующих удачной охоте. Эта группа духов была расположена следующим образом: слева направо сидели хозяин сохатого «огана», рядом с ним устанавливалась фигурка медведя (мапача) и в ногах — изображение медвежонка (боочо). Вплотную к большой фигуре медведя примыкало изображение другого медведя (мапача), который восседал на животном, напоминающем тигра (дуси). Весь комплекс этих духов назывался у орочей «миачу». Их изображения делали для успешной охоты на соболя, кабаргу, белку.

В окрестностях стойбища Датта Б. А. Куфтин обнаружил второй амбарчик, в котором хранились «сэвоки», исцеляющие от различных заболеваний. Характерно, что раньше такие амбары, в которых хранились изображения духов, принадлежали определенному роду.

Самыми популярными среди орочей были «соггинэ сэвоки», т. е. изображения духов, помогающих простому человеку излечиться от недугов или же удачно провести охотничий сезон. К ним относятся «сэвоки боко»,

³⁹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 99.

фигурка, изображающая горбатого человека. Боко — злой сэвоки. Такое сэвоки изготовляли при сердечных или других внутренних заболеваниях. Поэтому, чтобы исцелиться, нужно путем кормления изображения задобрить злой сэвон.

Сэвоки (энгела) напоминает по форме человеческую фигурку, у которой нет ног, а руки сделаны только до локтя, внутри от шеи до низа живота просверлено сквозное отверстие. По мнению орочей, такое сэвоки помогает при расстройстве желудка.

Сэвоки (городуа) напоминает фигуру человека с прицепными руками и ногами. Такое изображение делали для исцеления ревматических заболеваний.

Сэвоки (токчо) — изображение сутулого человека без рук и ног — делали при болезнях в пояснице, спине, суставах. От болезни глаза делали сэвоки исакдуку в виде фигурки человека, вооруженного луком. Сэвоки (ороко дилиматины) — изображение двух соединенных между собою медвежат — служило для излечения от головной боли.

По воззрениям орочей, демиургом земного мира был мифический герой Хадау, а творцом верхнего мира — Боа. Сотворив землю, Хадау поссорился со своей женой, и оба окаменели. Один из них, Хадау, превратился в скалу и в таком состоянии остался на р. Коппи, а его жена — в виде высокой горы — на острове Сахалине. По сообщениям других информаторов, творцами земного мира считались супруги Кынга и Омоко, которые в результате взаимного конфликта окаменели и в таком состоянии навечно остались на р. Коппи.

Летом 1960 г. нам довелось побывать на р. Коппи в районе расположения скал Кынга и Омоко. В 145 км от устья ее, на левом берегу, расположен величественный утес с куполовидной вершиной. Это — гора Омоко. Вокруг нее разбросаны не менее величавые скалы, плотным кольцом обступившие гору Омоко. Эти скалы, по словам орочей, являются детьми богини Омоко. Утес Омоко возвышается над р. Коппи примерно на 100 м. В этом месте река делает крутой поворот и ее воды с грохотом разбиваются у подножья Омоко. В 50 км выше утеса Омоко находится еще более высокая гора Кынга — супруг Омоко. По своей высоте Кынга доминирует над окружающей местностью.

Раньше орочи считали необходимым при приближении к священным горам совершать жертвоприношения: бросать к подножию этих сопок табак, крупу, лоскуты материи и проч.

В прошлом орочи считали, что Кынга или Хадау до своего превращения в камень были шаманами. Свидетельством этому является якобы отпечаток шаманского пояса (суну) на скале, расположенной на побережье, между реками Хади и Гидю. На этом месте Хадау отдыхал от своих трудов по сотворению земной жизни. Отсюда он любил стрелять из лука в сторону острова Сахалина. Одна из таких стрел, пущенных Хадау, попала в скалу и пробила ее насквозь. Орочи и сейчас любят показывать эту скалу и обязательно упомянуть, что сквозное отверстие в скале — результат стрельбы Хадау из лука. Однако, сотворив земной мир, Хадау утратил роль верховного божества, поэтому он передал свои функции другим второстепенным божествам, которые приобрели в религиозных воззрениях орочей решающее значение. Полагая, что мир животных подвластен определенным божествам-хозяевам, у орочей на этой основе сложился культ «хозяев» животных.

Хозяином морских животных стало божество «тэму», которого орочи представляли в образе морского хищника — косатки. Хозяином сухопутных животных — «дуса адзяни». Орочи считали, что дуса и тэму были связаны брачными узами и называли друг друга сэнги. Помощниками тэму были духи «ганки», которые орочам представлялись в образе женщины с рыбьими хвостами, нечто вроде наших русалок.

Большой силой, по убеждению орочей, был наделен медведь (доэнта) — «хозяин» таежных людей. По представлению ульчей и орочей, доэнта находился в постоянной вражде с морским божеством тэму. В одном из ульчских преданий об этом повествуется следующее: «Один ороч пошел на охоту и заблудился в тайге. Идет, видит — снег примят, след от шести человек. Следы свежие. Ну, — думает, — догоню их, теперь не пропаду. Пошел быстро. Идет, идет. Видит кровь на снегу. А, — думает, — кого-то убили. Кровь свежая. Ну, значит, сейчас догоню. Идет, бежит, идет, спешит. Видит — валежник, на нем отдыхали, ямки в снегу — копыта ставили. Шесть копий и кровь кругом. А, — думает, — медведя закололи.

Здесь отдыхали, копыта ставили. Ну, сейчас догоню. Побежал. Бежит, бежит, догнать не может. Вдруг вышел к морю. Людей не видно. Но по морю плывут шесть косаток, а у них на плавниках куски медвежьего мяса. На берегу след шести человек кончается и видно, где шесть косаток лежали»⁴⁰.

Так как «таежные люди» доэнтани, т. е. дикие звери, населяющие тайгу, находились в зависимости от своего непосредственного хозяина «доэнта», то ему орочи были вынуждены воздавать соответствующие почести.

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ

У орочей, как и у других малых народов, был распространен культ медведя. С почитанием медведя у орочей сложилось два обряда: один был связан с охотой на него, а второй — с воспитанием зверя в неволе.

При охоте на медведя ороч никогда не брал с собой собак, так как боялся разгневать «большого человека тайги». Убив медведя, он выполнял следующий обряд. Взяв голову медведя за уши, охотник прижимал морду к себе и говорил: «Ну, пришел, здравствуй, спасибо». Затем он очищал молодую елочку от веток до самой вершины, к ней привязывал стружки «илау». Одним концом ремешка опоясывалась шея медведя, а другой конец привязывался к елочке. С помощью огнива, которое имеет при себе каждый охотник, разводился огонь. В него охотник бросал ветки пихты и окуривал голову медведя. Исполнив этот обряд, можно было снимать шкуру.

Б. А. Васильев, анализируя обрядовые действия, которые совершали при свеживании медвежьей туши, подчеркивает, что орочи представляли себе медведя человеком, принявшим только видимый облик зверя⁴¹. В одной из таких легенд, переданной мне Ф. Мулинка, говорится: «Медведь раньше был человеком. Почему теперь он стал зверем, неизвестно». Шкура медведя рассматривалась орочами как меховая одежда лесного человека. Поэтому, чтобы изобразить петли и застежки, на грудь убитого медведя клали маленькие веточки пих-

⁴⁰ А. М. Золотарев. Указ. соч., стр. 176—177.

⁴¹ Б. А. Васильев. Медвежий праздник. (Опыт этнографического анализа обряда и мифологии). Канд. дисс. М., 1946, стр. 1—2.

ты (иммоса). Они символизировали застежки на охотничьей меховой безрукавке «миата».

Отделив голову от туши, охотник вынимал глаза, заворачивал их в стружки и клал на зарубку, сделанную высоко на дереве. Если это была самка, то после снятия шкуры у нее отрезали молочные железы. Разделанную тушу доставлял домой и устраивал праздник. При угощении голова медведя, внутренности, передние ноги и диафрагма считались ритуальной пищей. Для ее приготовления мужчины отправлялись на противоположный берег реки: варили внутренности, а затем голову. Навар с головы сливали в таз. Вареное мясо заворачивали в пихтовые ветки. Во время угощения мясо раскладывали по разным чашкам. Сердце и диафрагму складывали в одну посуду, почки и печень — в другую, мясо со спины — в третью и т. д. Уши (лото), нос (бото), язык (накки) и половой орган медведицы (соонго) нанизывали на лыко из тальниковой коры. Эти реликвии хранили в специальном амбаре. Если это был самец, то косточки от os penis просверливали и вешали по краю берестового сосуда. Такой сосуд якобы помогал женщинам от бесплодия.

Хозяин отдавал голову медведя распорядителю праздника (мужчине того рода, из которого он взял себе жену, или же наиболее пожилому, всеми уважаемому человеку, независимо от принадлежности к роду. Куски мяса, срезанные с левой стороны медвежьей головы, распорядитель отдавал хозяину праздника, а затем наделял всех присутствующих. Почетному гостю предлагали съесть глаза. Женщины, обычно у входа, ели свою долю мяса, отрезанную от задней части медвежьей туши. Череп, очищенный от мяса и мозга, заворачивали в стружки и передавали хозяину. Взяв череп, хозяин прижимал его носом к груди и приговаривал при этом: «Поскорее приходи, не сердись, когда я пойду в тайгу, покажись».

Человек, удостоенный быть распорядителем мяса с медвежьей головы, дарил хозяину свою лучшую собаку, чтобы «хозяин» медведей не сердился на него. Череп вешали на сук дерева или же хранили в особых амбарах⁴². Нарушение обычаев приводило в гнев хозяина

⁴² В окрестностях современных ороческих селений мне приходилось видеть множество медвежьих черепов, развешанных на сучьях деревьев.

медведей (доэнта) и, наоборот, если все делали по закону, то он такому охотнику и впредь будет способствовать на охоте и посылать медведей.

Своеобразен обряд орочей по вскормленному в неволе медведю. Для содержания медведя в неволе сооружали сруб (мапа койни) из четырех венцов, уложенных на бревенчатом настиле. Сверху покрывали двойным настилом накатника, укрепленного по углам двумя парами вбитых в землю кольев, с отверстиями наверху. По углам и у входного отверстия (долаунки сапани) устанавливали заструганые ветки (коболокто).

У орочей сложилось твердое убеждение, что культ близнецов и культ медведя имеют одни истоки. По мнению орочей, души их тождественны. Поэтому после смерти близнеца его душа (ханя адау) проходит весь обряд медвежьего праздника.

Медвежий праздник (мапала эвигэты) начинался с вывода зверя из сруба. Его украшали стружками, цветными лоскутками материи и в таком наряде водили по жилищам. Приглашенные на праздник гости проводили игры, состязались в силе и ловкости. Главным видом состязания были собачьи гонки. «Для этой цели назначают место на льду, устанавливают в ряд несколько нарт и по сигналу трогаются с места. Побеждает тот, кто первый приходит к финишу. Любопытные и желающие купить собак становятся по сторонам и наблюдают»⁴³. Спортивные соревнования имели непосредственное отношение к воспитанию воинов: стрельба из лука, фехтование на палках, лазание по шестам, прыжки в длину, метание копья, остроги и т. д.

Перед тем как вывести медведя на лобное место (арачу), на него надевали два плетеных пояса из стружек (скульпту) и привязывали к сооруженной изгороди.

Стрелки отходили от медведя на 100 м. По бокам боевой дистанции становились мальчики, которые держали в руках пихтовые веточки. Первым стрелял брат или зять хозяина праздника. Если это была медведица, то стрелку давали три стрелы, если самец — четыре. Во время полета стрелы мальчики взмахивали ветками и кричали «о... о... о...» Этот крик, по-видимому, символизировал предупреждение медведя об опасности. Стреля-

⁴³ В. П. Маргаритов. Указ. соч., стр. 34.

ли с трех дистанций. С последней дистанции медведя добывал сам хозяин, подчеркивая тем самым свое уважение к посланцу хозяина тайги.

Под крик гостей «арочи хо-хо-хо!» с убитого зверя снимали цепь и крюк и относили в жилище хозяина, это было своеобразным приглашением медведя.

Праздник длился несколько дней. Гости ели, играли на музыкальном бревне (удядинки), состязались в играх и только на восьмой день разъезжались по домам. Для проводов души убитого медведя приглашали шамана. Проводив душу к доэнта, шаман рассказывал хозяину медведей, как прошел праздник, и просил, чтобы доэнта послал организатору праздника еще медведя.

На основе анализа материалов, связанных с культом медведя, Б. А. Васильев пришел к выводу, который разделяем и мы, что «сущность мифологических воззрений на медведя у всех народов Сибири заключается в признании того, что он (медведь) является одновременно и зверем, и существом высшего порядка. Именно это внутреннее противоречивое, антимоническое воззрение лежит в основе медвежьего мифа и осмысляет остальные его эпизоды»⁴⁴.

ШАМАНСТВО ОРОЧЕЙ

У орочей, как и у других народов доклассового общества, главным образом на стадии его разложения, существовала категория людей, именующих себя шаманами. По их мнению, без помощи шамана немислимо было вылечить больного, похоронить умершего, предсказать удачу на охоте, обезопасить сородичей от различного рода несчастий. Шаманом становились не по личному желанию, а «избирались» шаманским «духом» — предком. Получение шаманского дара мыслилось как явление наследственное, определяемое родством и родовой принадлежностью. Обычно акт призвания в шаманы проявлялся во сне или во время болезни. К неопфиту, т. е. кандидату в шаманы, приходил якобы дух умершего шамана, который настоятельно требовал согласия своего воплощения в него. Если человек не соглашался быть избранным в шаманы, то этот дух-пре-

⁴⁴ Б. А. Васильев. Указ. соч., стр. 34—35.

док угрожал ему различными бедствиями, вплоть до смерти. Согласившись стать шаманом, этот человек в соответствии с «указаниями» своих духов готовил все необходимое для камлания. В зависимости от вселившегося в него духа этот шаман относился к категории слабых или сильных служителей данного культа. Функции слабых шаманов были незначительными по сравнению с сильными. Если слабые шаманы могли излечивать только своих родственников, то сильные были наделены полномочиями по исцелению как своих сородичей, так и чужеродцев. Кроме того, их приглашали для проводов души умершего в буни, для предсказания удачи на охоте. Слабые шаманы существовали почти в каждой семье. Вероятно, на базе семейного шаманства сложился культ сильных шаманов, для которых шаманство стало профессиональным занятием. Разница между сильными и слабыми шаманами проявлялась также в их облачении. Слабые шаманы имели только бубен с колотушкой и гремящий пояс, у сильных был бубен, колотушка, нагрудник, обувь, шапка, гремящий пояс, юбка, специальный ремень, жезл и др. Этим снаряжением он обзаводился не сразу, а в определенной последовательности и в течение длительного времени.

Так, например, Суяну Хутунка, когда он был шаманом, вначале пользовался бубном и бряцающим поясом. Бубен был овальной формы, шириной 45 см, высотой 67 см, ширина обода 1,7 см. На обод (мунгни) натягивалась изюбриная кожа (насани), покрытая сверху рыбьим клеем. Бубен хранился в берестовом чехле (купту). Верхняя часть бубна называется «дили», а нижняя — «бугды», лицевая сторона — «дегни», а оборотная — «акани». Необходимой принадлежностью к бубну являлась колотушка «гису», ударная часть которой обтянута мехом выдры, а на лицевой стороне нанесены изображения ящерицы и змеи.

Существовали и другие шаманские атрибуты. Нагрудник «сё», «сео» предохранял горло шамана от заболевания. На нем изображались лягушки, пришивались различного рода цветные тряпочки. По форме нагрудник напоминает вытянутую трапецию, на верхней части которой изображены две змеиные головы.

Халат (тэга самони) по своему покрою ничем не отличался от обычного халата, предназначенного для

повседневной носки. Только на спине прикреплены крылья орла (кяча), ястреба (гики). Чуть повыше крыльев укреплен деревянный крюк (гоко), на который подвешивается ровдужный ремень (суну), предназначенный для сдерживания шамана во время его походов в буни. На этот же крюк шаману подвешивали подарки, когда он совершал обход жилищ своих сородичей или соплеменников.

Юбка (хоси) шилась из нерпичьей кожи. Пояс и оторочка изготовлялись из разноцветных матерчатых полос. Спереди юбки нашивалось пять ровдужных ремешков (коптени), подол оторачивался мехом выдры (джукуптени). Наличие юбки в комплексе шаманских атрибутов позволяет предположить, что в эпоху матриархата в шаманстве главную роль играла женщина. Поэтому в более позднее время шаманы стремились хотя бы по наличию отдельных элементов поддерживать связь с духами древних шаманок.

Шаманский головной убор (порогдо) напоминает обычную зимнюю шапку, край которой окантован ровдужным жгутом.

Шаманские ноговицы (аммуи) похожи на наголенники, предназначенные для повседневной носки, с той лишь разницей, что на них были изображения летучей мыши (холёкдоки), змеи (мики) и дождевого червя (сикта); рисунки имитировали духов — помощников шамана.

Нарукавники (насюпта) предназначались для предохранения кисти, вернее запястья, во время стука колотушкой по бубну; поверх нарукавника были нанесены изображения змеи — символ быстроты и гибкости руки.

Обувь «унта самани» обычного покроя. Только на ее передке изображалась лягушка (эоки), на заднике — ящерица (исела, ихела), а по бокам — рисунки, изображавшие змею (джябдзя) и рыбу (сугдзя уя).

Важным шаманским атрибутом являлся гремящий пояс (сиса), представлявший собой широкий ремень, к которому подвешивались 14 конических металлических трубок и большое бронзовое зеркало «толи». Внутри трубок были изображены духи — покровители шамана. Во время камлания под действием бряцания конических трубок духи-покровители, якобы заключенные в них,

Орочский шаман в полном облачении

пробуждались и отправлялись на свою прародину, куда-то далеко за р. Амур.

Необходимой принадлежностью шамана являлись стружки «куаптеля», предназначенные для укрепления суставов рук и ног, для предохранения от заболевания головы. Стружками шаман прикрывал свое лицо от злых духов. Любое заболевание и недуг орочи связывали с кознями духов какого-либо шамана.

В течение почти 40 лет духи-помощники Суяну Хутунка вели интенсивную вражду с духами-помощниками удэгейского шамана Найза Кялундзюга. Иногда случалось так, что часть шаманских духов переходила на службу к врагу, и тогда их бывшему хозяину приходилось расплачиваться как личным недугом, так и заболеванием кого-либо из своих сородичей.

С разложением родовой организации из общей массы мелких шаманов выделялись индивиды, для которых шаманство стало профессией. У орочей наиболее сильным шаманом считался И. М. Бисянка. Он совмещал шаманство с административными полномочиями выборного старшины. Без его совета не решался ни один вопрос в жизни ороча. Обогащенный жизненным опытом, постоянно проявляя наблюдательность, он предсказывал перспективы будущей путины или охотничьего промысла, за что от орочей получал соответствующее вознаграждение. Лечение больных также не обходилось без его участия.

Шаманское камлание с целью наживы особенно ярко проявлялось во время праздника «уни». Суть этого празднества заключалась в следующем. После неоднократных сеансов по исцелению своих соплеменников шаман в сопровождении своих более слабых шаманов-помощников совершал обряд очищения и задабривания своих духов-покровителей. С этой целью он объезжал окрестные стойбища. Посещая жилище, шаман как бы очищал жилище от злых духов, в то же время просил своих духов быть снисходительными к хозяину данного дома или шалаша. В знак благодарности хозяин просил принять от него небольшой подарок, который заблаговременно выбирался шаманом, затем его вешали на крюк, который он носил на спине. Очевидцы рассказывали мне, что крюк И. М. Бисянка представлял собой полуметровую деревянную рагулину, заполняв-

шуюся во время обхода окрестных стойбищ шкурками ценных зверей, кусками материи, халатами и проч.

По существу шаманство орочей носило грабительский характер.

ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ

На основе представлений о воскресении души и загробном мире (буни) у орочей сложились похоронные обряды.

По предположениям орочей, у каждого человека имеется три души, самая главная — ханя оморю, затем — ханя маккы и третья — ханя сакка. После смерти человека в буни отправлялись ханя оморю и ханя маккы, пройдя полдороги, последняя погибала. Только ханя сакка оставалась на поверхности и строила всякие козни.

По мнению орочей, умирающему казалось, что он вышел из дома на улицу. В это время он слышит отчетливо речь своих родственников и даже может их видеть, но вернуться в дом или заговорить с людьми он не может. Это верные признаки того, что ханя покинула человека, и он ушел из мира бытия.

Погребальный обряд орочей был описан В. П. Маргаритовым. «Как только больной помирал, ему первым долгом обвязывали голову и лицо платком, большею частью синего цвета, и потом уже приступали к дальнейшему снаряжению покойника. Ему надевают всю его лучшую одежду, причем, если одежда оказалась вполне новая и целая, то её в нескольких местах надрезывают; халат надрезывается у воротника, штаны — у колен, унты — на носках. Это для того, чтобы там, то есть в буни, ему дали совершенно новую. Если покойник богатый, то сверх костюма его обвертывали в шелковую материю, парчу или в какое-либо покрывало, оставленное умершим. Кроме того, как бедного, так и богатого обвертывали несколько раз берестой, иногда в три-четыре слоя. Для того чтобы к телу не проникала влага, на дно гроба клали тоже бересту и, положив покойника в гроб, прикрывали его ещё сверху берестой, а потом уже накладывали крышку. В гроб к умершему мужчине клали копья, стрелы, ножи и другое мелкое оружие, а также шкуры соболей, выдр или лисиц. Из предметов домашнего обихода — топор и котел, причем котел

клали в ноги, так чтобы ступни касались его. Лодку, острогу, лыжи и прочие крупные вещи клали снаружи гроба. В гроб шамана клали еще шаманские принадлежности, предварительно переломав и изорвав их. В гроб женщины клали посуду, нитки, игольник и т. д.

По верованию орочей, тень умершего в течение двух недель витает среди его родных и знакомых, поэтому в это время ничего из вещей покойника нельзя трогать, а во время еды и чаепития в его чашку следует класть все то, что он мог бы съесть. Наполненную кушаньем чашку умершего ставили туда, где обыкновенно при жизни сидел умерший, по окончании обеда кто-нибудь из членов семьи уносил эту чашку в тайгу.

По истечении двух недель все годное имущество забирали родные, а остальное сжигали. Чашку, в которой в течение двух недель приносили пищу умершему, оставляли на могиле»⁴⁵.

Гроб выдалбливали из кедра, елки или тополя. Его устанавливали на специальном помосте, над которым сооружали корьевого навес. Некоторые орочи, по свидетельству В. П. Маргаритова, гроб помещали в специально сооруженную гробницу. По форме гробницы отличались друг от друга. Одни устанавливали обычный сруб, прикрытый сверху накатником, другие — делали срубы пирамидальной формы, третьи — конической.

Благодаря наземному способу захоронения и многослойной берестовой обертке трупы сохранялись очень долго.

С последней четверти XIX в. орочи перешли от наземного способа захоронения к могильному — стали закапывать покойника в землю. Умершего клали головой на запад с вытянутыми по бокам руками.

Утопленника хоронили недалеко от реки. От места захоронения к реке делали проход, отгороженный шестами. Над гробом утопленника сооружали обязательно коническую юрту. Если тело утопленника в течение двух лет не обнаружено, то вместо покойника в гроб клали деревянную фигурку и все вещи пропавшего человека. Детям и беременным женщинам строго запрещалось проходить мимо захоронения утопленника.

⁴⁵ В. П. Маргаритов. Указ. соч., стр. 29—30.

Умершего ребенка (до 3-летнего возраста) хоронили в развилке большого дерева. Ему делали досчатый гробик (кинука), напоминавший по форме птицу «омока», которая якобы сразу улетала на дерево жизни, а оттуда снова возвращалась в утробу матери. Около места захоронения устанавливали небольшой корьевой шалаш конической формы, здесь хранили берестовую посуду и деревянную фигурку умершего. К шалашу приходила мать умершего ребенка и имитировала кормление. Остатки молока она сцеживала в берестовую посуду и оставляла в шалаше. Это продолжалось до тех пор, пока у женщины не пропадало молоко.

По убеждению орочей, душа покойника уходила в буни по тропе (буни хоктони). По этой тропе шли души умерших с Хора, Бикина, Амура. В пути они останавливались, чтобы поохотиться и приготовить себе пищу. Чем ближе подходили они к буни, тем светлее там становилось. По пути к буни им приходилось преодолевать высокую гору (кодо), в которой было отверстие (энгэ), через него-то души умерших и попадали в буни. Еще до прихода умершего в буни оттуда уходила душа его самого близкого родственника из пятого или шестого поколения. Эта душа уходила в страну таежных людей (доэнтани), где протекала речка; у ее истоков имелось отверстие (санга), через которое он попадал в страну «сеундиба», расположенную где-то на востоке. Здесь душа превращалась в «омяло», имеющий вид бабочки (гободо), которая в таком виде через дымовое отверстие попадала в жилище того рода, откуда ушел покойник. Кое-кто из умерших по пути в буни сбивался с дороги. Это случалось с теми, кто, услышав собачий лай, направлялся на шум, надеясь встретить людей, а на самом деле попадал в собачье буни, откуда уже не было выхода.

Душа шамана шла в буни особой дорогой — тропой духов (сэвэ хоктони). Путь шамана преграждала высокая скала (джяко сугэни) — пристанище родовых духов. Приблизившись к этой скале, шаман превращался в камень и в таком состоянии находился семь-восемь поколений. По истечении этого срока шаман снова возвращался в тот род, откуда он ушел. Выбрав там нужного человека, дух шамана вселялся в данный субъект, который впоследствии становится шаманом.

Христианство среди орочей не получило широкого распространения. Попытки миссионеров вовлечь орочей в лоно православной церкви не увенчались успехом. Отношение орочей к православной вере В. П. Маргаритов описал следующим образом: «Все орочи окрестностей Императорской Гавани считаются православными христианами, но христианство признается ими только для виду и выражается только тем, что некоторые из них имеют крест, в большинстве случаев где-нибудь спрятанный. Креститься умеют пять-шесть человек; понятий о вере христианской никаких и ни у кого. Под прикрытием христианства каждый из них продолжает чтить религию своих предков»⁴⁶.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Наряду с иллюзорным отображением действительности, выразившимся в комплексе религиозных воззрений, орочами в результате общественнотрудовой практики были накоплены положительные знания в области географии, космогонии, медицины, зоологии и т. д.

Они хорошо знали, прежде всего эмпирически, окружающую их природу, повадки, образ жизни и экологию диких зверей и рыб. Постоянная наблюдательность позволяла им предугадывать характер миграций животных и рыб по сезонам, подмечать взаимосвязь различных особей из мира диких зверей. Например, ими издавна установлена такая деталь, которая до некоторой степени служит руководством и для современных охотоведов: там, где есть тигр, там имеется кабан и лось, но нет волка. Систематические наблюдения за повадками зверей помогли орочам достигнуть высокого мастерства в охотничьем промысле.

Жизнь в тайге, среди девственной природы, выработала у орочей чрезвычайную наблюдательность, находчивость и способность ориентироваться в любой местности. Если орочь хотел что-то сообщить о себе, он делал это при помощи условных знаков (бичка). Эти зна-

⁴⁶ В. П. Маргаритов. Указ. соч., стр. 24.

ки обозначались обыкновенно на деревьях и кустах в виде затесов, завязок, поломов веток, надрезов, значков, отметок на затесе и т. п. Заструганный колышек, например, означал, что здесь был человек, а надломленный прутик показывал, в каком направлении он пошел.

Знания орочами местной географии просто поразительны. Они на память могли до мельчайших подробностей нарисовать карту обширного района, указав, где расположены горы, реки и т. д. Опираясь на свой житейский опыт и накопленные веками знания, орочи свободно ориентировались по звездам. Небесные созвездия у них имели свои названия, происхождение которых орочи связывали с действиями мифических героев. Например, млечный путь (мангы тулё тагани), по их представлениям, означал лыжный след охотника. Существовало множество примет относительно предстоящей перемены погоды. Например, ожидаемый ветер и его направление ночью определяли по свечению полярной звезды: с какой стороны сильнее свечение звезды, в эту сторону и будет ветер; если вокруг солнца или луны образовались круги, то это верные предвестники ненастной погоды. Такие явления в природе, как чистый небосвод, горизонт закрыт пеленой, багряный закат, обилие мошкеры под вечер — признаки перемены погоды на дождь и т. д.

Орочи знали и могли определять страны света: север (сякула), юг (пунэла), восток (тагги), запад (дади) — вдали от берега. Был у них свой народный календарь, по которому вели счет дням и месяцам по лунному исчислению. Год (ангани) делился на четыре сезона: зима (тубэ), весна (нянгна), лето (джуа), осень (боло). Орочи, так же как и удэгейцы, в течение месяца различали фазы луны:

Название фаз луны

Смысловое содержание персвода

Без багди деэни	Месяц родился
Аланга бэдэ осини	Месяц, вырастая, древку лука подобен стал
Без ёэхуми какта осини	Месяц, вырастая, половиной стал
Без еэхуми делиги осини	Месяц, вырастая, селезню подобен стал
Без манэни	Полнолуние
Без сангмналени	Месяц ломаться стал
Без самнами делиги бэ- дэ осини	Месяц, ломаясь, селезню подобен стал

Без самнами какта осини	Месяц, ломаясь, половинкой стал
Без самнами аланга бэдэ осини	Месяц, ломаясь, древку лука подобен стал
Без самнами малакпини	Месяц, ломаясь, исчез

Названия месяцев отражали: с одной стороны, хозяйственные занятия орочей, а с другой — изменения природы по временам года:

- Январь (без ича) — половина зимы
- Февраль (без кусе) — теплеть начинает
- Март (без туа) — конец зимы
- Апрель (без соонко) — рыхлый снег
- Первая половина мая (без онко) — освобождение рек ото льда
- Вторая половина мая (без ипакта) — природа расцветает
- Июнь (без джумачи) — подготовка балаганов к рыбной ловле
- Июль (хакугды безани) — середина лета, жара
- Август (без икки иггаса) — пора отдыха, время заготовки пантов
- Сентябрь (без гикку) — месяц лосиной течи
- Октябрь (без сакту, сактуи, без хука) — конец спаривания сохатых, время устанавливать на зверя петли
- Ноябрь (без адыи) — месяц ветров
- Декабрь (без мия) — холодное время

Орочская система измерения длины простая. Она имела непосредственное практическое назначение и применялась при изготовлении лодок, лыж, установлении петель, ловушек.

Нам удалось установить следующие единицы орочской системы измерения:

- Да — русская маховая сажень. Например, длина речной долбленной лодки у орочей составляла 10 маховых сажень (да)
- То — расстояние от конца большого пальца до конца среднего пальца руки
- Сиё — расстояние от конца большого пальца до конца указательного пальца руки (русская четверть)
- Багими ия — расстояние от концев пальцев вытянутой в сторону правой руки до левого плеча
- Омоги дуэни — ширина ногтя указательного пальца
- Дюдя дуэни — ширина двух пальцев (указательного и среднего)
- Иланги — ширина трех пальцев (указательного, среднего и безымянного)
- Дынго — ширина кисти руки
- Маяпа — расстояние между средним суставом согнутого указательного пальца и концом большого пальца, отогнутого в сторону

Омо нгала — длина правой руки

Хангта — ширина ладони с большим пальцем

Багдаса богдоло дуэни — длина левой руки

Бадэса ичо дуэни — расстояние от концов пальцев вытянутой в сторону правой руки до локтя левой руки

Омо дья — один шаг

Познания орочей в области медицины были очень ограничены. В лексиконе орочей имелись названия, определяющие характер заболеваний и увечий человека. Ниже приведем некоторые из них: эневу — болезнь, симписини — кашель, нюунку — жар, корь, никта анигини — ломота в пояснице, гямса энюхени — ревматизм, магдыти — чума, йся энюхени — болезнь уха, нгала маки — безрукий, ники (айха) — косою, чоктоко — кривой, бали — слепой, татэйни — трясучка, сиге найни — малярия, оба дадини — душевно больной, нямагани — безногий, мэмэ — немой, кэлэмэ — заика.

Для лечения больных орочи использовали лекарственные травы и ягоды. Корень женьшень (урхуда) употребляли в виде порошка или настойки на спирту. Порошок применялся для лечения ран, ушибов и других травм. Настойку употребляли при внутренних заболеваниях: легочных, желудочных и т. д. Во время курса лечения женьшенем не рекомендовалось употреблять в пищу сохатиный, медвежий или нерпичий жир (умукса), а также есть в сыром виде рыбу или мясо.

Растертый корень подорожника (ипу) применяли при желудочных расстройствах, а также для присыпки пуповины новорожденного. Отвар из сухих веток багульника (иласа сэкини) употребляли при желудочных и легочных заболеваниях. Веточки багульника, растертые в порошок, применяли для лечения ран. Смола (нюта), скапливавшаяся в виде пузырьков под корой пихты, использовалась для лечения глазных заболеваний.

Смолу лиственницы (иси нюктани) применяли для лечения открытых ран. Ее накладывали тонким слоем на рану и забинтовывали. Самым простым и примитивным средством лечения ран у орочей являлась моча (чия).

Багульник (сэнки) и ветки пихты (асикта гавани) исцеляли от головной боли. Для этого ветки багульника или пихты подогревали на огне и накладывали на голову.

Тальниковые стружки (сыкта куваптуля) использовали при желудочных заболеваниях. Подогретые стружки накладывали на живот или суставы и забинтовывали. При обмороживании лечили сосновой смолой (болодэ нюксани), которую собирали со стен внутри жилища, а ожоги — морской капустой (каню), которую предварительно вымачивали в пресной воде и накладывали на рану.

Медвежью желчь (мапа сиктани) применяли для лечения глаз и желудочных заболеваний. Высушенную шкуру ежа (сангани) использовали для лечения от болей в животе. С этой целью кусок шкуры накладывали на живот и обертывали тальниковым лыком. Результат примерно такой же, как от китайского метода иглотерапии. Личинки короеда также использовали для лечебных целей. У червя отрезали голову или хвостовую часть и выдавливали из туловища содержимое. Выдавленную жидкость смешивали с сырым мелко нарубленным мясом. Эту массу давали больной женщине, у которой после родов пропадало молоко.

Народная медицина орочей переняла некоторые методы лечения от соседних народов. Например, лечение простуды (хана), головной боли осуществляли при помощи щипков. Утоление зубной боли производили при помощи уколов десны или прижогов голени ноги.

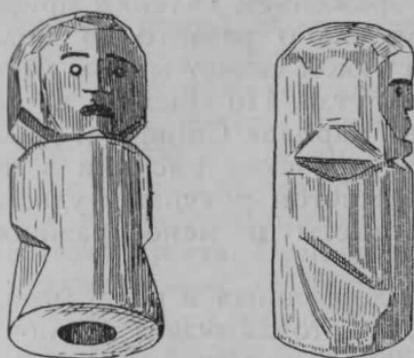
Все перечисленные методы и средства лечения, к которым прибегали орочи в прошлом, были известны и удэгейцам.

Народное творчество у орочей проявлялось главным образом в устной народной поэзии и изобразительном искусстве.

По своему характеру ороцкий орнамент примыкает к комплексу амурского орнаментального искусства, которое, по мнению А. П. Окладникова, уходит своими корнями к неолитическому времени⁴⁷.

⁴⁷ А. П. Окладников. Древние амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья. «Советская этнография», 1959, № 2, стр. 44—46.

Деревянная скульптура
«токчо»

Скульптура из металла, изображающая духа от болезни сердца, и деревянная фигурка медведя в виде игрушки, подвешивается над детской колыбелью

По своей композиции любой ороцкий рисунок подразделялся на ряд составных элементов, каждый из них имел свое обозначение, например завиток «тибди хосиктани» (когти рыси), фигурка «босокто» (почка), спираль «дзавка» (улитка) и т. д.

Наиболее распространенными способами орнаментации были вышивка цветными нитками (гладью), аппликация, тиснение, резьба и раскраска по бересте. Техника, приемы и способы орнаментации орочей аналогичны подобным приемам у соседних с ними народов (удэгейцев, нанайцев и ульчей)⁴⁸.

Геометрический орнамент в виде ромбиков и квадратов у орочей был менее распространен. Рисунки, выполненные в этом стиле, украшали женские сумки, рукавицы.

⁴⁸ С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. «Труды Института этнографии Академии наук СССР», новая серия, т. XXII, 1954.

Искусство рисунка с изображением явлений природы, животных и людей было слабо развито. В большинстве случаев рисунки на такой сюжет можно было встретить на шаманских атрибутах. По мнению исследователя в области искусства народов Сибири и Дальнего Востока С. В. Иванова, ороческие рисунки в художественном отношении во многом уступают удэгейским: они проще, менее цветисты и менее разнообразны⁴⁹.

Более примитивной была деревянная и реже металлическая скульптура орочей, изготавливавшаяся исключительно для культовых и религиозных целей и в редких случаях использовавшаяся как детская игрушка. Выделыванием деревянной и металлической скульптуры занимались только мужчины. Они же художественно украшали ритуальную посуду, предназначенную для вскармливания медведя и для сервировки праздничного стола.

Музыкальная культура орочей была слабо развита. Для увеселения пользовались губными, ударными и смычковыми инструментами примитивного устройства. К губным инструментам относились металлический варган (мэна), деревянный варган (кункаи); к ударным — музыкальное бревно (удядинки), к смычковым — инструмент, напоминающий скрипку (дудуманку), с одной струной и цилиндрическим резонатором. Аналогичные музыкальные инструменты были известны соседним с орочами народам.

Устное поэтическое творчество орочей являлось как бы средством передачи духовных ценностей народа из поколения в поколение. В фольклоре представлены такие жанры, как мифы, сказки, легенды, предания и песни.

Наиболее популярным среди ороческого населения был миф о демиурге — вселенной Хадау и о его супруге Омоко.

Сказки — наиболее распространенный жанр в фольклоре орочей. Главные герои — простые люди, обладающие смелостью. Основной мотив сказок (ниманку) —

⁴⁹ С. В. Иванов. Указ. соч., стр. 383—384.

добро и справедливость, побеждающие зло и неправду. Наиболее обширную группу составляли сказки о животных, главными героями которых были медведь, лиса, волк, заяц, белка, колонок. Издавна орочи мечтали о счастье, об изобилии материальных благ. Они складывали сказки о тех счастливицах, которым удалось найти волшебные предметы, помогающие их владельцу зажиточно жить. Приведем в кратком изложении одну из таких сказок. «Пошел однажды ороч охотиться за соболями. Неудачной была охота. Стемнело. Развел огонь, поел юколы и заночевал в лесу. Проснулся среди ночи и видит: поодаль яркий свет. Подошел поближе посмотреть. Видит, человек сидит в хорошей одежде, которая блестит, как огонь. Достал ороч нож, схватил за полу и отрезал кусок халата. Все сразу исчезло. Спрятал охотник кусок за пазуху и побежал домой. Прибежал, зашел в амбар и положил свою находку в берестяную сумку. Настал день. Ороч зашел в амбар. Что такое? В углу лежали связки юколы, мяса. После этого у охотника все пошло по-иному. Всегда ему сопутствовала удача на охоте, и скоро он зажил хорошей и счастливой жизнью»⁵⁰.

Не менее интересны предания (тельму) орочей, в которых повествуется о межродовых войнах, происхождении родов, о взаимосвязи с соседними народами, о первых встречах с русскими и т. д. «Два ороча из рода Бэсэ на оморочках (момми) ушли в море охотиться на нерп. В море их застал туман, и они заблудились. Плы- вут день, ночь, второй день. Когда туман рассеялся, увидели берег, а на берегу людей, одетых в одежду из крапивной ткани. Причалили к берегу, незнакомые люди вытащили лодку на берег. Орочи испугались и не хотели выходить из лодки. Вышли. Куи (незнакомые люди — айны) пригласили их в гости. Стали их угощать рисовой кашей. Рис кушали палочками (саппу). Когда поели, куи предложили орочам жениться на их девушках. Женились, остались жить с айнами. Прошло много времени. Однажды они ушли в море снова. Разыгралась

⁵⁰ Записано со слов С. Т. Сеочёнка из с. Копии Советского района, август, 1960. Один из вариантов этой сказки записан В. П. Маргаритовым (см.: В. П. Маргаритов. Указ. соч., стр. 36).

буря. Их прибило к берегу в устье р. Гроссевичи. На берегу разбили лагерь. В гости пришли люди из рода Сулайндзига. Приехавшие рассказали им о своей истории. Затем веселились и обратно уехали на Сахалин. Сулайндзига и Бэсэ стали сэнги»⁵¹.

В другой легенде, записанной со слов А. И. Сеочёно, рассказывается о переселении с Сахалина на материк семи братьев. «Жило восемь братьев. Семеро младших братьев поссорились со старшим. Решили бросить его и ушли за море. Попали на материк. Старший из них остался на Амуре и дал начало нанайскому хала (роду) Джаксор, другой поселился недалеко от залива Де-Кастри, в местечке Эхэму. Акунка женили его на женщине из своего рода и стали доха. Третий и четвертый поселились на острове С (Ч) иочё. Старший брат женился, а младший ушел и поселился в бухте Биса. Он взял в жены дочь старшего брата. Так они стали сэнги. Остальные три брата расселились на юг от р. Нельма. Один из них был включен в состав рода Пуджя, второй — в состав рода Каза, а третий поселился на Кхуцине и дал начало удэгейскому роду Куинка».

В легендах орочей рассказывается о военных столкновениях соседних народов. Например, в легенде, записанной от Суяну Хутунка, повествуется о столкновениях удэгейцев с нанайцами. «Гогдыка (гольды) зимой на нартах по Анюю ездили на Коппи. Как-то раз возвращавшихся с Коппи нанайских купцов подстерегли люди из рода Кялундзюга и всех их перебили. Спаслась только передовая собака (вожак). Она прибежала домой и выбросила изо рта волосы. Увидев это, люди подумали, что с их сородичами случилась беда. Объявили войну (тянгитэ) людям из рода Кялундзюга. Ночью напали на удэгейское стойбище и перебили всех жителей. Убежал только шаман Угдына. Утром гольды увидели, что они перебили невиновных людей из рода Камдзига. Вернулись домой. Угдына стал мстить гольдам. Много убил он гольдов. Тогда гольды решили убить Угдына. Выследили его около костра, одетым в шкуру кабарги. Выстрелили, подошли и видят: вместо шамана кабарга убитая лежит. Второй раз они настигли его на берегу

⁵¹ Записано со слов Суяну Хутунка летом 1959 г. в с. Орочи.

реки. Опять выстрелили. Упал Угдына в воду. Видят гольды: плывет по реке береста, а в ней стрела торчит. Так и не убили Угдына. Поняли, что это сильный шаман. Отказались мстить. Угдына взял в жены двух женщин из рода Кялундзюга. Одна из них родила ему семь дочерей, а вторая — семь сыновей. Семья Угдына перекочевала в верховья реки Коппи. По ключу Булинха рос могучий тополь в семь обхватов толщиной, Угдына срубил его и вырубил из него лодку. На ней он спустился к устью Коппи. Здесь жили люди из рода Вагла. Угдына обменял своих дочерей на жен для своих сыновей и перекочевал с ними на Самаргу».

Сюжет некоторых преданий построен на явно мифическом материале. Вот одно из таких преданий. «Семь поколений назад над стойбищем Датта появилась гигантская птица Кори. На какое бы дерево ни садилась птица — все они ломались. Только одно дерево, стоящее у жилища Хачи Улянка, выдержало эту птицу. Хачи выстрелил в нее из лука и убил Кори. Добыча была разделена между всеми жителями стойбища поровну, а гортань птицы (хэмбу) досталась Хачи Улянка, который после этого стал Джянга».

Среди орочей, как и других соседних с ними народов, до сих пор сохранилась легенда о книге «дангса». «Много лет назад орочи были вынуждены перекочевать с юга от границ Гаули в бухту Хади. Плыли на лодках. В пути разыгралась буря. Лодку, в которой находилась книга, захлестнуло волной. Когда пристали к берегу, стали сушить книгу. Листки книги разложили на берегу, но вот подул ветер и унес их в море. Так орочи лишились книги «дангса», а вместе с ней и своей письменности».

В легендах орочей повествуется о первых встречах с русскими, о появлении в водах Императорской Гавани фрегата «Паллада».

Песни (ика) орочей по своему содержанию различные. В них рассказывается о красоте окружающей природы, о лирических настроениях души человека. Известны песни, в которых восхваляются положительные качества человека и обличаются чванство, зазнайство, лень.

Интересно содержание песни о пожилom человеке (аяни ика):

«Золотой водой окроплен,
серебряной водой омыт,
ина-на-на, а ина-на-на, хорошо.
Я тоже молодой был,
Таким бы быть хорошо,
а теперь я стар.
Такому хорошему жить хорошо,
где бы ни был, была о тебе идет.
Так жить хорошо,
всем людям завидно, пример берут с тебя,
Ай, на-на, хорошо!»

Тематика устного народного творчества орочей перекликается с фольклором соседних народов и в первую очередь с удэгейским.

ЧАСТЬ II

ОРОЧИ
В ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО У ОРОЧЕЙ

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОРОЧСКИХ СТОЙБИЦАХ

В есть о победе Великой Октябрьской социалистической революции могучей волной докатилась до далеких дальневосточных рубежей России. Уже 25 декабря 1917 г. III Краевой Дальневосточный съезд Советов провозгласил установление Советской власти на всей территории Дальнего Востока. Начавшееся мирное строительство на советском Дальнем Востоке было приостановлено гражданской войной.

Во время хозяйничания белогвардейских банд в районе Советской Гавани орочи претерпели много лишений. Особенно бесчинствовали каратели из белогвардейского отряда капитана Трубникова. Спасаясь от грабежа и насилия, орочи покидали стойбища своих предков и уходили в верховья рек Тумнина, Коппи, Ботчи и далее в глубь таежных просторов горного хребта Сихотэ-Алинь. Лишившись рыбалок, не имея возможности реализовать добытую пушнину, народ голодал. Среди орочей разразилась эпидемия оспы. Все это привело к тому, что положение орочей, и без того трудное, катастрофически ухудшилось в годы гражданской войны.

Разгром белогвардейцев и интервентов и восстановление Советской власти создали необходимые условия для подъема экономики и культуры орочского народа.

В августе 1923 г. в Хабаровске было проведено объединенное совещание секретарей губкомов РКП(б) и председателей губернских исполнительных комитетов Дальневосточной обл. Была принята резолюция, в которой подчеркивалась «необходимость принятия срочных мер, имеющих целью остановить наблюдающийся процесс вымирания туземцев Дальнего Востока и создание условий, благоприятствующих использованию их в деле эксплуатации и охраны неисчерпаемых богатств Севера»¹.

Сразу же после этого совещания было проведено межведомственное совещание по туземным делам, на котором был рассмотрен ряд вопросов (бытовой уклад туземцев, проблема обследования туземных районов, урегулирование прав землепользования, организация туземных органов управления, организация медицинских и ветеринарных пунктов, организация школ и интернатов, снабжение туземцев продуктами первой необходимости, организация в туземных районах кооперативов).

Вопрос о советизации коренного населения был также тщательно рассмотрен на совещании. В принятой резолюции отмечалось: «Низкая ступень культуры, на которой стоят туземцы, архаическое их состояние в отношении административного устройства, делающие их легкой добычей разного рода авантюристов, наконец, своеобразный уклад жизни туземцев выявляют необходимость создания среди туземцев административных органов управления, отличных от органов управления, существующих для прочих граждан РСФСР»².

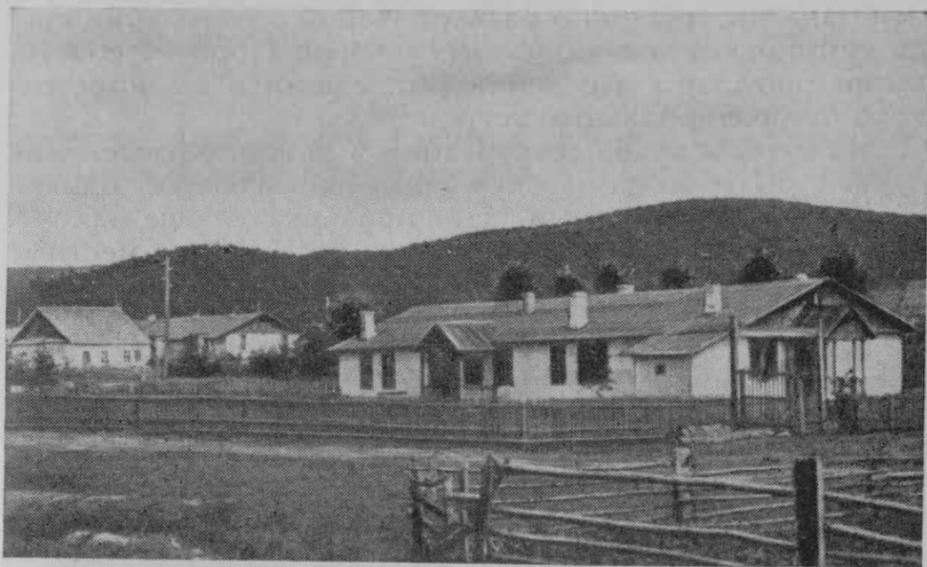
Путь к возрождению и будущей счастливой жизни был немыслим без установления в их стойбищах Советской власти.

В июле 1924 г. в стойбище Уська было проведено общее собрание орочей Тумнинского бассейна. На нем были избраны три делегата-ходока: они должны были обратиться к Советской власти за разъяснениями. Вот что рассказал нам один из делегатов Михаил Намунка.

«На следующий день после собрания делегаты с устным наказом орочей на имя Советской власти от-

¹ «Дальневосточный путь», 11.IX 1923 г.

² Там же, 17.VIII 1923 г.

Вид селения Уська-Русская

правились в Хабаровск. Продвигаясь на бату по Тумнину и Хуту, ходоки останавливались в стойбищах и информировали жителей о своем походе в Хабаровск. Орочи горячо поддерживали наказ низовых орочей и просили делегатов представлять всех орочей. В конце июля ходоки поднялись к истокам р. Мули. Дальше двигаться на лодке было невозможно. Оставив лодку, они по ключу Удоми преодолели перевал и вышли к истокам р. Хунгари, а отсюда на р. Анюй. В верховьях Анюя пришлось задержаться на несколько дней, пока не вырубил лодку. Спустившись по Анюю в Амур, орочи добрались до Троицкого, а оттуда пароходом до Хабаровска.

В Хабаровске делегаты получили по всем вопросам необходимые разъяснения. Им был растолкован смысл и важность основ советского строительства, соответствующие указания были сделаны и на местах. Ходокам были выданы деньги на обратный путь. Домой возвращались через Владивосток, а оттуда пароходом до Советской Гавани.

Знаменскому, Алексеевскому и Коппинскому сельсоветам, входившим в состав Советского района, была

передана инструкция о развертывании советизации среди тумнинских и прибрежных орочей. Процесс советизации ороческого населения был связан с административно-территориальным устройством.

На первом этапе советизации в районах расселения орочей были созданы смешанные сельсоветы, однако к работе в них туземный актив привлекался еще мало»³.

С целью вовлечения коренного населения в местные советы на основе национально-территориального принципа создавались туземные советы.

Весной 1927 г. во всех ороческих стойбищах были проведены общие собрания, на которых заслушивались доклады «Об отношении Советской власти к малым народам», «О комитете Севера», «О грамотности», «О культурных формах жизни» и т. д. По докладам были приняты резолюции. Например, на общем собрании орочей стойбища Монгохто от 29 марта 1927 г. была принята следующая резолюция: «Общее собрание выражает благодарность Советской власти за заботливое внимание в отношении народностей Севера и просит: открыть школу для орочей на р. Тумнин, причем обязательно закрытого типа, так как разбросанность всех орочей по рекам не дает возможности детям ежедневно посещать школу из-за больших расстояний; предоставить возможность всем орочам пользоваться медицинской помощью, выбрав наиболее удобную форму для нашего обслуживания, т. е. приняв во внимание нашу разбросанность и особенности нашей жизни; отвести всему обществу орочей участки земли для огородов и назначить на первые годы инструктора по огородничеству; просить об открытии продажи охотничьих принадлежностей в местном кооперативе; принимая во внимание нашу неграмотность, незнание законов и вообще неумение ориентироваться в общественной жизни, назначить в наше общество грамотного русского работника для руководства нашим обществом в качестве секретаря; выделить все ороческое общество в самостоятельную единицу (сельсовет)»⁴

На общих собраниях в Хуту-дата и Уська была единодушно поддержана резолюция монгохтинских оро-

³ ПАХК КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 726, л. 108.

⁴ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 211, л. 5.

чей⁵ о создании по Тумнину советов: Монгохтинского, Уськинского и Коппинского.

14 июня 1927 г. Далькрайисполком принял постановление об образовании туземных районов. Туземные райисполкомы (РИК) подчинялись в своей деятельности местным (русским) райисполкомам, на территории которых они находились. Вновь созданный Тумнинский туземный РИК входил в Советский райисполком⁶.

Орочи, проживавшие на территории Николаевского округа, вошли в состав Болоньского гольдо-орочского, Ульчского и Амуру-гилякского туземных районов. В начале 1928 г. в Тумнинском районе насчитывалось 465 орочей⁷. Центром стало стойбище Чапсары, а с 1929 г. — стойбище Уська. Первым председателем туземного РИКа был Сергей Семанчук, его сменила Ольга Федоровна Пунадинка.

В дальнейшем решение национального вопроса на Дальнем Востоке пошло по пути создания туземных районов, непосредственно подчиненных окружным исполнительным комитетам.

4 февраля 1931 г. ВЦИК принял постановление о выделении отдельных туземных районов в самостоятельные административно-территориальные единицы и переводе их в непосредственное подчинение Далькрайисполкому. К этим районам были отнесены: Гольдско-Самагирский, Ульчско-Негидальский, Нижне-Амурский, Орочский, Сихотэ-Алиньский, Верхне-Буреинский, Верхне-Селемджинский, Зейско-Учурский и Желтулако-Тимитовский»⁸.

В дальнейшем для устранения недостатков в национальном районировании президиум Далькрайисполкома 19 мая 1932 г. принял постановление, на основании которого было проведено новое районирование, созданы компактные национальные районы. На национальные райисполкомы возлагалось руководство и проведение в жизнь всех хозяйственно-политических кампаний⁹. Орочский район из-за малочисленности коренно-

⁵ Там же, д. 226, л. 60.

⁶ ПАХК КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 726, л. 109.

⁷ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 804, л. 8.

⁸ Там же, д. 828, л. 116.

⁹ Там же, л. 145.

го населения был объединен с Советским и переименован в Советско-Орочский¹⁰. В связи с коллективизацией и переходом орочей на оседлость были ликвидированы Монгохтинский, Коппинский туземные советы, а в 1959 г. — Кунский сельсовет. Орочи переселились в новый благоустроенный поселок Омми.

КООПЕРАТИВНО-КОЛХОЗНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО У ОРОЧЕЙ

Важнейшей предпосылкой колхозного строительства в северных и отдаленных районах Дальнего Востока явилось развитие советской государственности, кооперативной торговли и кооперирования населения. Кооперирование коренного населения непосредственно началось с 1924 г. На первых порах оно проводилось Дальцентросоюзом.

Значительное усиление этой работы связано с организацией комитета Севера при ВЦИК. В циркулярном письме, адресованном местным комитетам Севера, подчеркивалось: «Задачи кооперирования туземного населения Севера являются в настоящее время основными, ударными задачами как центрального, так и местных комитетов Севера. В условиях Севера кооперация — не только путь к улучшению экономического благосостояния туземца, но и средство подъема политического и культурно-просветительного уровня туземных племен и для усвоения ими более совершенных методов хозяйства¹¹.

Темпы кооперирования у орочей были более замедленными, чем у других народностей Амурского бассейна. До 1927 г. в селениях Датте, Коппи и Хуту-дате функционировало несколько торгово-затотовительных организаций — фактории Госторга, разъездной торг Союзпушнина. Частная торговля к этому времени была ликвидирована.

Для организации производственного кооперирования орочского населения была создана интегральная кооперация. В ее функции входила не только торговля, но и производственное кооперирование населения, ко-

¹⁰ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 828, л. 145.

¹¹ Там же.

горое должно было послужить подготовительной базой для колхозного строительства.

1 октября 1927 г. в стойбище Монгохто состоялось общее собрание, на котором присутствовало 57 человек. В работе собрания принял участие уполномоченный по туземным делам Хабаровского Округного исполнительного комитета, выступивший с докладом. По докладу была принята резолюция: «Организовать в каждом селении по сельскохозяйственной артели. Для облегчения посадки огородов предоставить через кооператив по одному плугу на артель. Учитывая, что у нас нет земли, просить Окрисполком провести землеустройство»¹². Было также принято решение об организации на время лососевой путины рыболовецких артелей по шесть человек в каждой (снабдив их необходимыми промысловыми орудиями и продуктами)¹³ и зверобойной бригады.

Много усилий было приложено для того, чтобы привить бывшим полукочевникам элементарные навыки ведения сельского хозяйства.

Под руководством сотрудников Датгинского Интегралсоюза орочи быстро усвоили основы земледелия. В 1930 г. были созданы две земледельческие артели¹⁴; одна на о. Чапсар, другая — в Джугдже.

Дальес оказал материальную помощь артелям, передав им безвозмездно лошадей и необходимые сельскохозяйственные орудия. В 1931 г. обе артели объединились в одну. Запахали 6 га земли и посеяли овес, ячмень, картофель, лук, капусту. На следующий год с целью расширения посевных площадей были проведены землеустроительные работы. За ороческой артелью были закреплены пахотные земли, рыболовные и охотничьи промысловые угодья.

Следующей ступенью в области кооперирования ороцкого населения являлась организация производственных объединений смешанного типа.

13 апреля 1933 г. на своем заседании бюро Советско-Ороцкого РК ВКП(б) одобрило создание первой комбинированной рыболовецко-сельскохозяйственной артели «Ороч». На правление Датгинского Интеграл-

¹² ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 211, л. 56.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, д. 804, л. 12.

союза была возложена обязанность оказывать практическую помощь ороческой артели в организации труда по вылову и обработке рыбы, приобретении для колхоза сетеснастей, плавсредств, соли, семян, сельскохозяйственного оборудования, засольной базы, а также вовлекать в сельскохозяйственное производство ороческое население.

Колхоз «Ороч» добился высоких производственных показателей, перевыполнив план добычи рыбы. Сразу в артель с большой охотой стали вступать новые люди. Если в 1933 г. в состав артели входило 14 семей, то в 1934 г. — 23. В первый год существования колхоз не имел собственных орудий лова и сельскохозяйственного инвентаря, а уже в 1934 г. артель располагала двумя неводами, кунгасом, шестью лошадьми, различными земледельческими орудиями, двумя боронами, тремя плугами и т. д. Было построено несколько жилых домов, овощехранилище, склад для сельскохозяйственного инвентаря. В целом неделимый фонд артели к концу 1934 г. оценивался более чем в 10 тыс. руб.

В колхозе стало развиваться сельскохозяйственное производство. Пахотные угодья артели возросли с 7 га до 17. Большую помощь в переводе орочей на оседлость оказали русские.

Всем вступившим в колхоз были предоставлены новые срубные дома, из них большинство бесплатно, в качестве шефского дара со стороны Интегралсоюза, Дальлеса и других соседних организаций.

Интегралсоюз, ведавший заготовками пушнины, своевременно заключал с охотниками договор. Его сотрудники проводили с ними практические беседы о том, как лучше обработать шкурку и сдать ее первым сортом, учили, как обращаться с новым оружием и т. д.

Все колхозники-охотники вовлекались в социалистическое соревнование. Каждый из них брал на себя определенные обязательства по заготовке пушнины. Для бесперебойного обслуживания охотников в тайге действовали передвижные красные юрты, в которых можно было ознакомиться с передовым методом лучших охотников, приобрести необходимое снаряжение и продовольствие. Одновременно эти юрты являлись культурными опорными пунктами на период промыслового сезона.

Быстрый рост колхозного хозяйства создавал благоприятные условия для вовлечения в артель орочей-единоличников. В 1936 г. почти 90% всего ороческого населения, расселенного по бассейну р. Тумнин и побережью Японского моря, состояло в колхозе «Ороч». С переходом на оседлость сложилось несколько селений: орочи, расселенные южнее Советской Гавани, сконцентрировались в с. Коппи, а жители Тумнинского бассейна — в селениях Уська, Джугджа, Монгохто, Имбо, частично в Кото и Хуту. Кооперированием хунгарийских орочей занимался Хунгарийский Интегралсоюз.

17 августа 1936 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление о ликвидации Интегралсоюза. В этой связи руководство и контроль за хозяйственной деятельностью артели «Ороч», по решению Далькрайисполкома, было возложено на Крайрыбколхозсоюз Приморской обл., а заготовка пушнины — на районное отделение Союзпушнины. Агенты отделения регулярно выезжали на отдаленные промысловые участки, снабжая охотников непосредственно на местах снаряжением и продовольствием. Наряду с агентами Союзпушнины правление артели выделяло группу активистов, которые направлялись в тайгу для проверки обязательств, взятых на себя охотниками колхоза.

Коллективизация орочей Советского района была завершена к концу 1940 г. К этому времени в состав артели входило 137 хозяйств с населением 450 человек, из них орочей — 320¹⁵.

Развитие общественного производства обеспечило рост материального благосостояния членов колхоза. В 1940 г. валовой доход артели составил около 50 тыс. руб., а неделимые фонды колхоза возросли по сравнению с 1934 г. более чем в 10 раз.

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Сразу же после установления Советской власти Коммунистическая партия и Советское правительство стали уделять большое внимание приобщению малых народов к социалистической культуре. Советская

¹⁵ Кроме орочей, членами колхоза были русские, украинцы, ульчи и др.

власть открыла всем народам широкий доступ к источникам просвещения и культуры.

Партийные и советские органы в борьбе за ликвидацию культурной отсталости среди малых народов Крайнего Севера и Дальнего Востока руководствовались решениями X и XII съездов РКП(б) по национальному строительству. В принятой на XII съезде партии резолюции по национальному вопросу подчеркивалось, что преодолеть культурное неравенство между народами Страны Советов «можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния»¹⁶⁻¹⁷.

V Важной вехой в истории культурного строительства малых народов Дальнего Востока явилось Межведомственное совещание по туземным делам. Оно было созвано 3 августа 1923 г. На совещании была принята резолюция об организации медицинских пунктов, школ и интернатов в районе расселения коренных жителей Дальнего Востока. В решении указывалось: «Предоставить право туземцам пользоваться бесплатным амбулаторным, больничным и санаторным лечением во всех больницах и санаториях поселков, ближайших к району их кочевий и переселений... Обучение в школах для туземцев установить бесплатное. Снабдить школы всеми учебными пособиями»¹⁸.

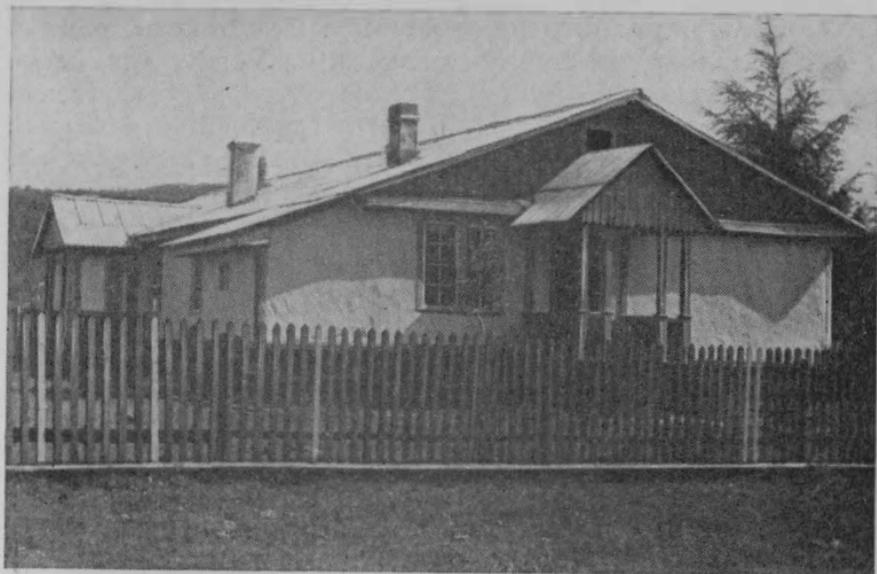
Культурный уровень орочей к моменту установления Советской власти был крайне низким. Почти все население было неграмотным.

Зимой 1924 г. по распоряжению Дальревкома в район расселения орочей был направлен первый врачебный отряд для оказания медицинской помощи коренному населению, а осенью 1925 г. в с. Алексеевка открылась первая школа-интернат. Сначала в школе обучалось всего около 20 человек, количество учащихся было непостоянным.

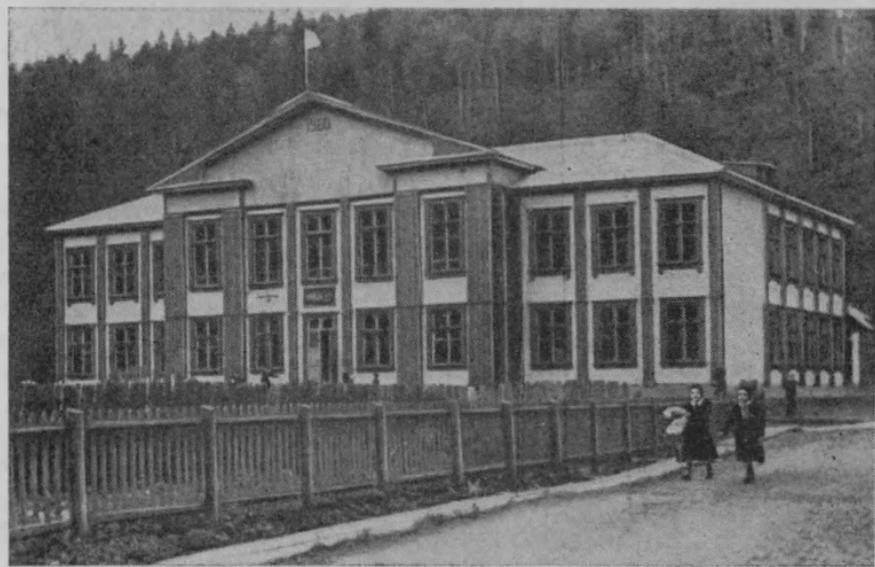
Одни родители не возражали, чтобы их дети учились, а другие, попав под влияние антисоветских элементов, запрещали своим детям посещать школу.

¹⁶⁻¹⁷ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, изд. 7. М., 1953, стр. 714.

¹⁸ «Дальневосточный путь», 17.VIII 1923 г.

Здание детского сада в с. Уська-Русская

Восьмилетняя школа-интернат в с. Усть-Орочи

Отдел народного образования Советского района перевел школу из с. Алексеевка в с. Уську, где были созданы несколько лучшие условия для учебы. Директором школы был опытный педагог Барашенко, который вместе с начальником врачебного отряда Никифоровской наладил воспитательную работу. Для внеклассной работы на средства школы и врачебного отряда была закуплена детская литература с красочными иллюстрациями по фауне, флоре, средствам передвижения и строительству в нашей стране. Кроме того, приобретались детские журналы, листы с переводными картинками, книжки с рисунками для раскрашивания, листы для картонажных работ и для изготовления панорам. Особой популярностью среди ребят пользовалось лото из цветов, географических названий и названий животных. Прочитанные книги, журналы, собранные и склеенные панорамы, альбомы с переводными картинками учитель отдавал детям, чтобы они дома могли показать и рассказать о них своим родственникам¹⁹.

При школе было организовано бесплатное питание. Родителей, приезжающих навестить своих детей, также угощали обедами. Пищу готовили ученики старшей группы, под руководством учителя.

Обучение велось на русском языке. Дети заучивали названия предметов школьной обстановки, ученических принадлежностей, явлений природы и т. п. Объяснение нового слова учитель связывал с каким-либо предметом или событием, используя жесты, мимику, рисунки и родной язык орочей.

Первый год работы школы на новом месте благотворно повлиял на результаты обучения. К концу года ребята научились читать и писать на русском языке, считать до 100, усвоили четыре арифметических действия. Благодаря помощи сотрудников врачебного отряда учащимся были привиты санитарно-гигиенические навыки — умываться, мыть руки, подстричь ногти, поддерживать чистоту жилого помещения, одежды, снимать на ночь верхнее платье, чинить одежду, изготавливать модели охотничьих орудий, средств передвижения и т. д. Учащиеся принимали активное участие в общественной

¹⁹ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 804, л. 27.

На уроке

работе: дежурили по школе, выпускали стенную газету, устраивали спортивные состязания.

Кроме учебно-воспитательной работы, школа вела ежедневную разъяснительную работу среди населения по укреплению туземного совета, организации первичных производственных артелей, она являлась центром, вокруг которого концентрировалось и оседало полукочевое население таежных районов.

К началу 1934/35 учебного года были построены две новые школы. Одна в Уське, а другая в Ульме (для обучения детей коппинских орочей)²⁰.

В начале 1935 г. в уськинскую школу были направлены два новых преподавателя — Николай Павлович Сидоров и Валентина Федоровна Чепулина. С их приходом учебно-воспитательная работа в школе намного улучшилась. Число учеников в школе возросло до 36 человек.

В начале 1937/38 учебного года все дети школьного возраста были охвачены всеобучем. В уськинской шко-

²⁰ Архив г. Советская Гавань, ф. 25, д. 65, л. 8.

ле число учащихся возросло до 54 человек: в первом классе — 21, во втором — 15, в третьем — 10 и в четвертом — 8. В ульминской школе обучалось 23 человека и в кунской начальной школе — 19.

В 1938/39 учебном году уськинская начальная школа была преобразована в семилетнюю. Под руководством учителей учащиеся обрабатывали пришкольный участок. Привлечение детей к общественно полезному труду способствовало привитию учащимся навыков сельскохозяйственного производства. В конце учебного года состоялся слет отличников и ударников учащихся уськинской школы.

В 1940 г. один из лучших учеников школы Кирилл Батум был направлен в составе ученической делегации Дальнего Востока на экскурсию в Москву.

В 1941 г. состоялся первый выпуск учащихся уськинской семилетней школы. С отличием школу закончили Кирилл Батум, Ким Пунадинка, Федор Пудзя, Александр Бисянка, Тоня Намунка и др., всего 11 человек.

Уськинская школа оказывала посильную помощь колхозу. Во время путины учащиеся помогали колхозникам-рыбакам, а в зимние каникулы уходили на охотничий промысел.

В период выборных кампаний школьники вели агитационную работу среди взрослого населения, проводили вечера художественной самодеятельности. В каникулярное время учащиеся старших классов под руководством Н. П. Сидорова отправлялись в туристические походы. По пути, в ороческих селениях, они проводили беседы на политические темы, давали концерты художественной самодеятельности.

Введение всеобщего начального обучения среди детей школьного возраста еще не решало проблему ликвидации неграмотности среди малых народов Дальнего Востока. Более 90% всего взрослого населения, из числа коренных жителей Дальнего Востока, было неграмотным. У орочей процент неграмотности был значительно выше.

Борьба за ликвидацию неграмотности среди взрослого населения широким фронтом развернулась с 1927 г. В ней участвовали сотрудники врачебных отрядов, интегральной кооперации и школы. На первых порах обучение взрослых было осложнено рядом обстоя-

тельств: отсутствовала разработанная методика обучения взрослого населения, не было создано постоянных ликбезов, часть орочей еще вела кочевой образ жизни и т. д.

В 1930 г. среди орочей стали создаваться стационарные пункты по ликвидации неграмотности. Один из них был создан при Доме туземца в с. Алексеевка. С перемещением центра оседлости орочей в с. Уську пункт по ликвидации неграмотности был открыт при врачебной амбулатории и школе. С 1933 г. в работе по ликвидации неграмотности приняли участие представители ороческой молодежи, предварительно подготовленные на курсах. В 1936 г. бригада по ликвидации неграмотности состояла из девяти человек. Каждый из них проводил как индивидуальное, так и групповое обучение неграмотных. Кампанией по ликвидации неграмотности среди ороческого населения руководил Николай Павлович Сидоров. К концу 1940 г. неграмотность среди орочей, за исключением людей престарелого возраста, была ликвидирована.

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли большое внимание подготовке национальных кадров из числа малых народностей. Была создана широкая сеть высших и средних учебных заведений, в которых обучались лучшие представители из числа малых народов. Уже в 1928 г. орочи обучались в Хабаровском педагогическом техникуме и на рабфаке северного отделения Ленинградского университета²¹. В 1939 г. Николаевский-на-Амуре техникум народов Севера закончила Дарья Филипповна Акунка. Она была направлена на работу в родное селение Уську. Некоторые орочи, вернувшиеся с учебы, работали на административных должностях.]

Неоценимую роль в повышении культурного уровня коренных жителей Дальнего Востока сыграли медицинские работники. Благодаря их кропотливому труду удалось изжить многие вредные обычаи и традиции, приобщить отсталые народы к передовой культуре. Первая медико-санитарная помощь народам Дальне-

²¹ «Два года работы Далькрайисполкома за 1926—1927 гг.». Материалы к отчету 3-му Краевому съезду Советов. Хабаровск, 1929, стр. 54.

Надежда Лукьяновна Ауканка — заведующая учебной частью уськинской школы-интерната

го Востока была оказана врачебно-обследовательскими отрядами, организованными по линии Российского общества Красного креста (РОКК) и Народного комиссариата здравоохранения. В задачу этих отрядов входило: обследование туземного населения, лечебная помощь больным, проведение профилактических мероприятий, оспопрививание, санитарное просвещение²². Зимой 1924 г. по распоряжению Дальревкома один из таких отрядов был направлен в район расселения орочей. Штат отряда состоял из врача и санитаря. В 1926 г. на смену ему прибыла врачебно-санитарная группа под руководством доктора Макеенко. Медицинские сотрудники этой группы приняли непосредственное участие в организации первых туземных советов у орочей. Доктор Макеенко выступал на общих собраниях стойбищ Монгохто, Уська, Хуту-дата с докладами и беседами: «Об отношении Советской власти к коренному населе-

²² ГАХК, ф. 537, оп. 1, д. 28, л. 24.

Л. Намунка — детский врач уськинской школы-интерната

нию», «О задачах врачебного отряда», «О культуре быта»²³. Особенно запомнилась орочам деятельность врачебного отряда № 19 под руководством доктора Никифоровской. В мае 1929 г. отряд прибыл в Хабаровск. На заседании оздоровительной комиссии Далькрайздрава руководитель отряда сделала информацию о предлагаемой работе. Было решено направить их по маршруту Самарга — Единка — Тумнин — Хади — Май — Уй — Сюркум. Во Владивостоке они закупили медикаменты, мебель, белье, 25 пудов мыла.

База отряда была создана первоначально в с. Алексеевка, затем на общем собрании орочей решено было перевести ее в с. Уську, где были сооружены амбулатория со стационаром на две койки, баня и амбар для хранения хозяйственных принадлежностей.

²³ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 211, л. 5, 5 об., 6, 6 об.

За три года своей деятельности отряд провел большую следовательскую, организационную, профилактическую, санитарно-просветительную и лечебную работу. Отряд организовывал прием амбулаторных больных и оказывал медицинскую помощь на дому. Во время путины врач еженедельно выезжал на рыбалки на два-три дня. Зимой сотрудники отряда один — два раза в месяц совершали объезд стойбищ, добираясь вплоть до самого отдаленного — Мули-дата. Всего отрядом было проведено 6129 амбулаторных приемов и 1211 посещений на дому; сделано перевязок — 1659, выдано лекарств по рецептам, не считая аптек, 3286.

В своей деятельности сотрудники отряда уделяли много внимания проведению профилактических мероприятий. Врач Никифоровская писала об этом: «Мало где так рельефно обрисовывается недостаточность и бессмысленность узко лечебной работы, как по отношению орочей. Здесь на первый план должны выступить общественно-профилактические мероприятия, которые давали бы возможность всей массе орочей встать в новые условия быта, способствующего развитию их материального и духовного благосостояния»²⁴. Сотрудники отряда разъясняли вредность полукочевого образа жизни. В своих докладах и беседах они неустанно пропагандировали необходимость организации у орочей производственных артелей, развития земледелия и перехода на оседлость. Отряд закупал и бесплатно раздавал орочам сортовые семена овощных культур. Сотрудники отряда проводили беседы о вреде опиекурения. Опираясь на актив орочей, персонал врачебного отряда уничтожал также посеы мака, предназначенные для производства опиума.

Немало усилий отряд приложил и в борьбе с алкоголизмом. Чрезмерное потребление спиртных напитков привили орочам купцы, скупщики пушнины и другие лиходеи, которые любыми средствами стремились закабалить доверчивых охотников. Местные органы власти приняли решительные меры, запретив ввоз спиртных напитков. В 1930 г. на заседании Орочского РИКа было принято решение о запрещении торговли спиртными напитками по всему бассейну Тумнина²⁵.

²⁴ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 804, л. 25.

²⁵ Там же, л. 26.

Большую работу врачебный отряд проделал в борьбе с инфекционными заболеваниями. Было произведено поголовное оспопрививание. Во время вспышек эпидемий дифтерии и кори немедленно объявляли карантин. Проводился целый ряд других мероприятий (одежда населения подвергалась обработке в дегазационных камерах, дезинфицировались места общественного пользования, проводились беседы на медицинские темы).

По инициативе отряда была создана санитарная комиссия, члены которой следили за чистотой жилых помещений, дворов, улиц, за тем, чтобы накопившийся мусор своевременно сжигали, а не выбрасывали, как раньше, в реку. Вместе с активом медицинский персонал отряда организовал курсы бытовых нужд, где женщин обучали приемам стирки белья и пользования мылом, выпечке хлеба, консервированию овощей (квашение капусты, засолка огурцов). Среди населения было распределено бесплатно 25 пудов мыла²⁶.

Работники отряда разъясняли населению вредность обычая изоляции женщин на период родов. При амбулатории была оборудована специальная родильная палатка. Она пользовалась большой популярностью среди орочских женщин. Сюда приезжали даже из отдаленных стойбищ: Мули, Кура, Ботчи и других мест. Всем матерям, рожавшим в больничных условиях, выдавали комплекты детского белья. Во время пребывания в родильном помещении с женщинами проводили беседы о том, как ухаживать за новорожденным, как правильно его купать, как делать присыпки, прикармливать и т. д.

Врач отряда регулярно производил медицинский осмотр школьников, вел постоянные наблюдения за состоянием их здоровья, за чистотой и порядком в интернате. Учителя помогали шить белье для школьников, оборудовали при школе аптечку. Индивидуальными аптечками бесплатно обеспечивались все семьи орочей.

Сотрудники отряда умело организовывали санитарную и культурную работу среди коренного населения; создавались кружки по оказанию первой медицинской помощи. Осенью 1931 г. была радиофицирована амбулатория; по радио часто передавались беседы врача.

²⁶ Там же, л. 26, стр. 27.

Население с благодарностью вспоминает плодотворную деятельность этого врачебного отряда.

Благодаря кропотливому труду медицинских работников среди ороцкого населения были ликвидированы эпидемические заболевания: оспа, чума, корь, налажена охрана младенчества и материнства.

Деятельности врачей оказывалось упорное сопротивление со стороны шаманов. Это подтверждается рядом фактов, один из которых мы сообщаем. У одной беременной женщины случился самопроизвольный аборт. Муж ее очень ждал ребенка. Бедная женщина, боясь гнева мужа и пересудов со стороны односельчан, решила обратиться за помощью к шаманке, чтобы та посоветовала ей, как объяснить о случившемся мужу. Шаманка, не долго думая, посоветовала женщине свалить вину на шамана Найзу Кялундзюга, который якобы выкрал у нее из чрева ребенка. Личность шамана Кялундзюга была непопулярной среди орочей. Ходили слухи, что он питается душами малолетних детей и даже не гнушается полакомиться и их плотью. При этом шаманка упорно внушала женщинам-орочкам, что врачи бессильны в борьбе с кознями злых шаманов. Поддавшись на эту провокацию, некоторые роженицы отказались от услуг больницы. Прошло более полугода, женщина снова забеременела. Чувствуя, что с ней может повториться тот же случай, она обратилась за помощью к акушерке. На приеме врача она рассказала об обмане шаманки. Больную положили в больницу, ребенка спасли.

К началу 40-х годов XX в. среди орочей были полностью ликвидированы трахома и венерические заболевания.

Советизация, коллективизация, развитие просвещения и здравоохранения явились той базой, на основе которой произошли радикальные перемены в быту и идеологии ороцкого населения. Из курных и холодных шалашей бывшие полукочевники переселились в благоустроенные срубные дома. Надо заметить, что и до установления Советской власти некоторые семьи жили в срубных домах, однако они, по рассказам орочей, были не лучше корьевых шалашей: маленькие площади, с небольшим окном, в крыше сделано дымовое отверстие. Орочи с большой охотой переселялись

в новые дома. Под руководством русских они быстро освоили технику строительства срубных домов, кладку кирпичных печей, столярное дело. Старинные корьевые жилища приспособлялись под кладовые для хранения хозяйственных принадлежностей.

В перестройке быта бывших полукочевников важную роль сыграло русское население, проживавшее в одних селах совместно с орочами. По примеру русских, орочи стали носить и стирать нательное белье, поддерживать чистоту жилого помещения и т. д. Жители орочских селений соревновались в создании лучших санитарных условий в быту. Орочи научились готовить новые блюда: щи, котлеты, пельмени и др. Благодаря хорошо налаженной системе государственной и кооперативной торговли каждый мог приобрести для своей семьи все необходимое из продовольствия и промышленных товаров.

Орочи, лишенные в прошлом каких-либо прав и свобод, с установлением Советской власти были сразу же привлечены к активному участию в управлении государством.

Великая Октябрьская социалистическая революция уравнивала в правах женщин с мужчинами. Эмансипация женщины сделала ее свободной при решении вопросов брака, семьи и социального положения. Однако юридическое оформление этих прав еще не означало фактического осуществления равноправия женщин с мужчинами. Чтобы добиться истинного равноправия, необходимо было вовлечь женщин в сферу общественного производства. С этой целью были созданы специализированные кустарные мастерские по производству одежды и обуви, в которых работали только женщины.

Неоценимую помощь в приобщении орочек к общественному труду оказали русские женщины. По их инициативе некоторые орочки работали в интернате, врачебном участке, туземном совете, интегральном кооперативе и других учреждениях.

Эмансипация женщины привела к коренной ломке традиционной системы брачных отношений. Еще в первые годы существования Советской власти у орочей процветало многоженство. Зажиточные орочи имели по две-три жены. Широко был распространен обычай покупки в жены малолетних девочек. Врач Никифоровская

в своем отчете о работе среди орочей писала об этом: «Мужья бьют жен и иногда избивают жестоко. При наличии двух жен ссоры и драки между ними обыденное явление. Старшая жена делала жизнь младшей невыносимой. Если же в жены попадает маленькая девочка, дело обстоит еще хуже: и есть ей не дают, и на мороз выгоняют, и избивают нещадно»²⁷.

В борьбе с многоженством приняли участие врачи, учителя, работники интегральной кооперации. Посещая стойбища, они забирали проданных в жены малолетних девочек и направляли их на учебу в интернат. Проданным за калым взрослым женщинам объявляли право самим решать свою судьбу о супружестве с мужем. Раскрепощение женщины в быту дало ей возможность принять активное участие в общественно-политической жизни. Наиболее передовые избирались на руководящие должности. Так, например, Ольга Федоровна Акунка была избрана председателем уськинского туземного совета, Евдокия Акунка назначена заведующей первыми детскими яслями в с. Уська.

Развитие социалистической культуры нанесло серьезный удар по религиозным пережиткам.

Борьбу с шаманством и другими религиозными пережитками возглавили работники просвещения, здравоохранения, советских и кооперативных учреждений, функционирующих в районе расселения орочей. Чтение докладов, проведение бесед, демонстрация картин и диапозитивов на естественнонаучные темы — все это расширяло кругозор орочского населения, вырабатывало у них материалистическое представление об окружающей природе.

В середине 30-х годов у орочей были созданы партийная и комсомольская организации. Коммунисты постоянно направляют хозяйственную деятельность колхоза, осуществляют руководство всей политико-массовой и идеологической работой среди населения. С каждым годом все более возрастает политическая активность орочского народа. Особенно ярко это проявлялось во время выборов в Верховный и местные Советы депутатов трудящихся. На избирательном участке, организованном при школе, силами учащихся регулярно

²⁷ ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 804, л. 16.

проводились вечера художественной самодеятельности. Величественные горизонты открывались перед ороцким народом. Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз прервало осуществление плана мирного строительства.

ОРОЧИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В суровые годы Великой Отечественной войны орочи вместе со всеми народами Советского Союза, под руководством Коммунистической партии и Советского правительства встали на защиту священных рубежей Родины.

Большинство ороцкой молодежи ушло добровольно на фронт. Выпускники уськинской семилетней школы перед уходом на фронт написали коллективное письмо на имя их учителя Николая Павловича Сидорова: «Дорогой Николай Павлович! С нулевого класса вы учили нас, орочей, любить свою родину — великий Советский Союз... С самых детских лет гордимся нашей отчизной, беспредельно любим ее. Мы хорошо понимаем, что только в нашей стране, под ясным солнцем Советской Конституции, мы, орочи, люди далекой тайги, получили счастье и стали равноправными гражданами Советского Союза... Все мы должны стать грудью на защиту Родины — это наш священный долг»²⁸.

30 сынов ороцкого народа храбро сражались в едином строю с представителями других национальностей и вписали в летопись героических боев немало славных страниц. Незабываем великий подвиг Кирилла Батума, о котором Илья Эренбург писал:

«Вы — подлинный рыцарь!

Дорогой товарищ Кирилл Батум! Я хочу Вас поблагодарить от всей души. Вы сделали большое дело. Вы освободили землю от 38 человеконенавистников. Сын небольшого, но отважного народа, далеко от украинских степей, Вы били пушного зверя. Вы были мирным гражданином мирной страны... Теперь, когда фашистские дикари напали на наши города и села, Вы бьете фашистов. Вы были охотником. Вы стали судьей... Вы

²⁸ *Архив уськинской 8-летней школы Советского района Хабаровского края.*

бьете фашиста не потому, что Вы хороший охотник. Вы бьете фашиста потому, что Вы друг детей, защитник жизни и покровитель слабых, потому что Вы, дорогой Кирилл Батум, подлинный рыцарь! Вас благодарят все женщины, все матери России, и с гордостью я, русский писатель, жму Вашу благородную руку»²⁹.

На полях сражений пали смертью храбрых 14 ороцских сынов, в том числе Николай и Павел Акунка, Кирилл Батум, Трофим Батум, Иван Адян, Степан и Василий Ауканка, Алексей Еминка, Иван Бисянка, Копинка (Сеудинка) Федор, Егор Пудзя, Владимир Сеочёнок, Степан Уланка.

В годы Великой Отечественной войны члены артели «Ороч» проявили высокое сознание общенародных интересов и приложили максимум усилий для выполнения производственных заданий. С первых дней войны между бригадами и отдельными звеньями артели развернулось социалистическое соревнование. Рыболовецкая бригада Петра Канду ежегодно (за путину) выполняла по два плана. Добыча рыбы производилась круглый год. Осеннюю путину 1941 г. колхоз выполнил на 140%. План добычи пушнины также регулярно перевыполнялся. Увеличилась площадь пахотных угодий артели. Колхоз полностью обеспечивал себя овощами и картофелем.

Вместо ушедших на фронт мужчин на их место встали женщины, подростки, старики. На 1 января 1943 г. в колхозе насчитывалось трудоспособных — 161 человек, из них женщин — 91³⁰.

Колхозники артели «Ороч», регулярно перевыполняя производственный план, выходили в море на промысел и в воскресные дни. Деньги за сданную продукцию передавали в фонд государства. За годы войны в фонд обороны страны было внесено около 500 тыс. руб. Члены артели единодушно решили собирать средства на строительство боевой эскадрильи «Советская Гавань». 20 января 1943 г. на общем собрании жителей с. Уськи сразу же было внесено на строительство 70 тыс. руб.³¹

²⁹ Архив уськинской 8-летней школы Советского района Хабаровского края.

³⁰ Архив г. Советская Гавань, ф. 25, д. 78, л. 75—76.

³¹ Там же, ф. 33, д. 26, л. 22.

Кроме денежной помощи, колхозники посылали меховую одежду для фронта.

В трудные годы войны, когда решалась судьба Родины, когда все силы страны были мобилизованы на разгром врага, Коммунистическая партия и Советское правительство не ослабили своего внимания по отношению к малым народам. По-прежнему все дети из числа народностей Севера и Дальнего Востока, обучающиеся в школах-интернатах, средних и высших учебных заведениях страны, находились на полном государственном обеспечении. Городской комитет партии Советской Гавани ежегодно направлял в район расселения орочей комиссии с целью проверки культурно-бытового положения этого народа и оказания помощи ему.

На заботу партии и правительства орочи отвечали еще более широким размахом трудового энтузиазма. Большую помощь оказали они в строительстве железнодорожной магистрали, которую прокладывали от Комсомольска до Советской Гавани. Трасса проходила через труднопроходимый горный хребет Сихотэ-Алинь, дремучие заросли Приамурской тайги, в ряде мест она пересекла стремительные горные реки Хунгари и Тумнин. Отлично разбираясь в топографии местности, орочи оказывали неоценимую услугу изыскательской экспедиции, чтобы проложить стальную трассу кратчайшим путем. Когда строительство железной дороги приблизилось к селениям орочей, то все их население вышло на помощь. 25 июля 1945 г. по новой трассе, протяженностью в 445 км, прошел первый поезд.

После окончания Великой Отечественной войны с далекого запада возвращались солдаты-орочи домой. Многие из них были награждены орденами и медалями. Однако не все ушедшие на фронт вернулись в родные таежные края. На центральной площади с. Уська, рядом со школой, был сооружен памятник погибшим героям.

В послевоенные годы экономическое и культурное развитие орочского народа пошло еще более быстрыми темпами. В селениях появились свои национальные кадры учителей, врачей, культпросветработников. В 1955 г. из числа орочей было подготовлено восемь специалистов средней и высшей квалификации. Число учащихся к этому времени возросло в уськинской школе до 142 человек.

Широко развернулось жилищное строительство в орочских селениях. На строительство жилых домов лишь в одном селении Джугджа государство израсходовало около 500 тыс. руб.

Было проведено комплексное обследование состояния здоровья всего орочского населения, больные направлены на средства государства в санатории и дома отдыха.

Таким образом, значительно повысился материальный и культурный уровень орочей.

СОВРЕМЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ОРОЧЕЙ

Мероприятия ЦК КПСС и Советского правительства, осуществленные за последние пять — семь лет, привели к дальнейшему подъему экономики и культуры ороцкого народа. Еще более широкие перспективы роста хозяйства и культуры открылись перед орочами в свете исторических решений XXI и XXII съездов Коммунистической партии Советского Союза.

Ленинская национальная политика, проводимая Коммунистической партией Советского Союза и Советским правительством, обеспечивает широкие возможности для всестороннего развития экономики и культуры всех народов СССР.

ЭКОНОМИКА ОРОЧЕЙ В НАШИ ДНИ

В начале 50-х годов большинство орочей состояло в колхозе «Ороч». Однако за последние годы (1956 — 1960) из колхоза выбыло 35 семей.

Главной причиной, повлиявшей на сокращение численности населения колхоза, является развитие промышленности в районе расселения орочей. Значительная часть орочей перешла на работу в леспромхозы, рыбокомбинаты, геологические партии и т. д.

В колхозе по-прежнему существует и развивается исторически сложившийся комплекс охотничье-рыболо-

веицкого хозяйства как наиболее соответствующий местным природным и экономическим условиям.

Наиболее высокодоходной отраслью хозяйства артели остается рыболовство. Хозяйственный цикл в рыболовстве распадается на три сезона: весенне-летний, осенний и зимний. Как только пригреет весеннее солнце, начинается подготовка к лососевой путине. Заблаговременно просушивают и чинят рыболовные снасти, комплектуются рыболовецкие звенья. Ежегодно, начиная с 1957 г., в колхозе организуется пять-шесть звеньев. В звено входят восемь-девять человек, за ними закреплены рыболовные участки.

Основным видом промысла рыбы является прибрежный лов с помощью ставных и закидных неводов. За последние годы ставные невода стали постепенно вытеснять закидные. Это объясняется тем, что лов береговыми закидными неводами производится в момент отлива, и невод с уловом, как правило, обсыхает. При этом снижается качество рыбы, тогда как в ставных неводах рыба лучше сохраняется, и можно производить лов непрерывно. Ставные невода менее трудоемки по сравнению с закидными и не требуют больших физических усилий. Такими неводами успешно ловят рыбу во время прибоя, тогда как закидные — притонять нельзя. Работа с закидным неводом ведется на заранее подготовленных речных плесах, размеры его 100 × 6 м.

Лов наваги производится морскими вентерями или ловушками, которые устанавливаются в прибрежной морской зоне, подо льдом на глубине 15—20 м.

Самым горячим временем у рыбаков колхоза считаются весенне-летняя и осенняя путины. Зимой во время подледного лова работает одно звено. С помощью вентерей они добывают корюшку и навагу.

До 1960 г. колхоз не располагал собственными орудиями лова, а получал их на моторно-рыболовной станции или на рыбзаводе, за что отчислял им 20% лимитной стоимости каждого центнера добытой рыбы. В 1960 г. были приобретены три ставных и три закидных невода, несколько лодок и три кунгаса для транспортировки рыбы. Всего закуплено орудий рыболовства на 20,6 тыс. руб. Средний заработок рыбаков-колхозников с 1956 г. неуклонно возрастает.

Одной из отраслей хозяйства артели «Ороч» является сельское хозяйство — полеводство и животноводство.

В сельском хозяйстве ежегодно работает от 40 до 50 человек. Они составляют два звена (полеводческое и животноводческое).

Посевные угодья артели расположены в двух местах — Джугдже и Уське-Русской. На своих полях колхоз выращивает картофель и овощи, из зерновых — кукурузу, реже — овес. В колхозе имеются молочно-товарная и свиноводческая фермы.

Сушественное значение в хозяйстве артели имеет охота. На период охотничьего промысла колхозники-охотники уходят в тайгу. Из пушного зверя добывают соболя, выдру, колонка, белку, а из мясного — кабана, лося, оленя. Отстрел соболя, выдры, лося, изюбря и некоторых других видов пушных и мясных зверей производится по лицензиям. Правление артели заключает с заготовительной организацией договор на отстрел определенного количества зверя, выдает охотникам лицензии. Оружие охотник получает от заготовительной организации. Охотничий промысловый сезон у орочей начинается не ранее конца октября — начала ноября.

Из традиционных орудий охоты по-прежнему применяются ловушки, давящего типа «дои» и «капали». Некоторые охотники используют самострел, устанавливаемый на выдру. При этом охотник соблюдает максимум предосторожности, делая предупредительные знаки в окрестностях установленного самострела.

Крупного зверя бьют из нарезного или крупнокалиберного дробового ружья.

Второстепенную роль в экономике колхоза «Ороч» играют такие работы, как заготовка дров для сельских учреждений и перевозка грузов для Даттинского рыбкоопа и других организаций.

Рост экономики артели способствует повышению материального благосостояния всех колхозников.

Обобщая материал по экономическому положению орочей, можно сделать вывод: общественное хозяйство является основой материального благосостояния орочей. Личное хозяйство членов артели играет в бюджете семьи лишь подсобную роль. Следует также учесть, что нетрудоспособные колхозники ежемесячно получают пособие и, кроме того, они получают ряд льгот.

СЕЛЕНИЯ, ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ ОРОЧЕЙ

Несколько лет тому назад большая часть орочей проживала в селениях Уська, Джугджя, Коппи, Кун, Таломо. Сейчас произошло некоторое изменение в их расселении. Жители из Куна и Таломо переселились в Омми — новый поселок современного типа, где проживают также нанайцы и несколько семей удэгейцев; джугджянци переселились в Уську-Русскую. Сюда же переехало много орочей из Уськи-Орочской. Осталось только несколько семей, которые по долгу своей службы связаны с работой в леспромхозе, на железной дороге и других предприятиях и учреждениях, расположенных на территории данного селения.

Переселение в Уську-Русскую было обусловлено: во-первых, наличием в окрестностях села 20 га пахотных земель, во-вторых, близостью рыбалки, в-третьих, облегчением завоза продовольствия.

Селение Уська-Русская расположено в 6 км от железнодорожной станции «Орочи». Оно не имело четкого плана застройки, а потому дома и хозяйственные помещения в нем размещены беспорядочно. В последние годы идет реконструкция селения. Согласно проекту все улицы будут озеленены, предусмотрено проложить тротуары. Селение электрифицировано и радиофицировано. Каждая семья имеет отдельную однокомнатную или двухкомнатную квартиру.

Несколько по-иному выглядит селение Коппи. Оно находится в 10—12 километрах от большого с. Иннокентьевское и в 80 км от районного центра Советская Гавань. Жилые дома здесь расположены по береговой линии.

На прибрежных дюнах, недалеко от селения, возвышается памятник героям-партизанам гражданской войны на Дальнем Востоке.

Коппи — село контрастов. В нем живут старики-орочи, ревностные хранители древних обычаев и традиций, сюда же на летние каникулы съезжается молодежь, обучающаяся в различных учебных заведениях Советского Союза. С берега моря на горизонте видны могучие океанские лайнеры,

Недалеко от села, на левом берегу реки, находится старое кладбище. К нему ведет узкая тропинка, по обеим сторонам которой на ветках кустарника или сучьях деревьев висят пучки свеженаструганных стружек, полосы цветной материи. На кладбище наряду со старыми захоронениями имеются новые могилы. На них ничего не положено из личных вещей покойника, только стоит скромный памятник.

В окрестном лесу, на сучьях пихты или ельника, висят аккуратно завернутые в стружку или прикрытые хвоей медвежьи черепа. Вместе с тем можно обнаружить выброшенные, по-видимому за ненадобностью, изображения злых духов «пуданку». А вот, например, описание усадьбы Алима Бисянка площадью в 300 кв. м. Здесь расположены: жилой дом, коптильный корьевой шалаш, амбар, вешала, летняя кухня, огород, полевица.

Остановимся на планировке и устройстве жилого дома. Он построен в 1940 г. Площадь жилого помещения равна 37,5 кв. м, высота стен от пола до потолка 2,6 м. Дом срублен по форме и по типу русских изб. Крыша двускатная, крытая тесом. При входе в избу сделана досчатая пристройка — сени (утулу) — место для хранения различных хозяйственных принадлежностей и охотничьего снаряжения; зимой здесь хранится мясо и другие скоропортящиеся продукты. Окна расположены с трех сторон. Для утепления пазы бревен проконопачиваются мхом, а снаружи обмазываются глиной. В доме одна общая комната разделена досчатой перегородкой на две неравные части: меньшая — под кухню, а большая — под столовую и спальню. Обе половины изнутри оштукатурены и побелены известью. Пол деревянный, крашенный. Перегородка выкрашена масляной краской салатного цвета. Слева от входа плита, сложенная из кирпича. Задняя стенка обогревателя выведена в большую комнату. В левом углу от входа стоит кухонный стол, рядом с ним — другой столик небольшого размера, предназначенный для обработки рыбы и в первую очередь для приготовления талы. К стенке под столом прикреплена посудная полка в два яруса. На правой стороне от входа находится вешалка для одежды (несколько гладко очищенных сучков прибиты гвоздями к стене), на перегородке висит отрывной ка-

лендарь и целая серия различных семейных фотографий и т. д. Над плитой подвешены две тонкие жерди. На одной из них висит несколько мешочков, в них медвежья желчь, набор различных лекарственных трав и корешков, листовой табак; рядом висит связка соболиных черепов и препарированная медвежья лапа. Вторая жердь предназначена для просушки одежды и обуви в зимнее время. Налево от входа в комнату, вдоль обогревателя, стоит топчан, застланный оленьими шкурами и прикрытый сверху байковым одеялом. Здесь днем отдыхает хозяин. В левом углу над топчаном висит небольшая полка, на которой хранится берестовая коробка с табаком и спичками. Посредине комнаты — чугунная плита, труба от которой введена в дымоход обогревателя. За плитой налево стоит металлическая кровать и два самодельных сундука, в них хранятся белье, одежда, обувь. Матрац набит травой, сверху покрыт простыней. Летом на ночь укрываются байковым одеялом, а зимой — стеганым, верх шит из множества разноцветных кусочков материи. Перед кроватью разостлана рысья шкура. На противоположной стене, в простенке между окнами, стоит четырехугольный стол, накрытый скатертью, на нем швейная машина. На стене радиопродуктор. Несколько правее от стола — туалетный столик, а рядом с ним кровать дочери, направо от входа в комнату — платяной шкаф. Над кроватью хозяина висят в рамках две почетные грамоты. Одна вручена ему лесничеством, а другая — от районной заготовительной конторы за перевыполнение плана добычи пушнины. Вся мебель, за исключением кроватей и трех стульев, изготовлена лично самим Бисянка.

В летнее время старики спят или отдыхают не на кровати, а на шкурах, разостланных на полу и прикрытых сверху простыней или байковым одеялом.

В доме без перегородок имеется не более двух окон; печь, как правило, установлена чугунная. Такие жилища характерны для малосемейных или же для одиночек.

Старинные жилые постройки — «кава» сейчас потеряли свое традиционное назначение и теперь приспособлены под летнюю кухню или коптильню.

В быту орочей по-прежнему широко используются старинные хозяйственные постройки. Это объясняется

тем, что свайные сооружения более практичны, чем наземные постройки. Из-за сырости и наличия различного рода грызунов амбары свайного типа являются наиболее рациональными.

С развитием сельского хозяйства и животноводства в артели появились новые виды хозяйственных сооружений — конюшни, свинарники, коровники, овощехранилища, силосные ямы, ремонтные мастерские, навесы для хранения сельскохозяйственного инвентаря.

Во время пугины на рыбалках вырастают небольшие палаточные городки. Современные палатки более практичны, чем корьевой шалаш.

Большая часть всего жилого фонда и хозяйственных построек в колхозе сооружена непосредственно руками самих орочей. Сейчас здесь создана своя строительная бригада, на которую возложена вся работа по реконструкции нового поселка.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

В настоящее время колхоз «Ороч» располагает разнообразными средствами передвижения: катером с двигателем «ЗИС-5» мощностью в 90 л. с., двумя моторными лодками, несколькими кунгасами-баржами, автомашиной и несколькими конными подводами.

Речной транспорт является основным средством транспортировки пассажиров и грузов. На колхозном катере регулярно вывозят сельскохозяйственную продукцию в близлежащие поселки по Тумнину. Капитаном катера является ороч Ким Семенович Пунадинка, имеющий аттестат судового механика 3-го разряда. Колхозные моторные лодки и катер часто арендуют другие организации Советского района для перевозки грузов.

Наряду с современными видами транспорта у орочей еще применяются старинные лодки-долбенки типа «ульмагда» и оморочки. Эти лодки наиболее приспособлены к условиям горных рек и особенно при передвижении в их верховьях, где из-за наличия перекатов и заломов невозможно использовать моторные лодки. Долбле-

ные лодки по-прежнему используются во время охоты. На них очень удобно выследить лося или изюбря, проходящих на речные протоки. Сейчас используют старинные лодки только коппинские орочи, у тумнинских они встречаются реже. Производство долбленок ныне почти прекращено, а молодежь вообще не владеет техникой изготовления этих средств передвижения. Со временем изготовление и использование таких лодок будет забыто орочами, как была забыта в свое время морская досчатая лодка (аккена).

Отдельные орочи пытаются модернизировать традиционные средства передвижения по воде. Для этого на обычную долбленную лодку устанавливают подвесной мотор. Такая лодка обладает большой маневренностью и проходимостью через перекалы и заломы. Однако в управлении ею требуется ловкость и осторожность, широкого распространения она все же не получила.

В зимнее время основными средствами передвижения являются гужевой транспорт, автомашины, а для перевозки тяжелых грузов — трактор с санным прицепом. У орочей, проживающих вдоль линии железной дороги, традиционные нарты с собачьей упряжкой утратили свое значение. Правда, у коппинских и хунгарийских орочей они еще сохранились. На них ездят в соседнее село, вывозят из тайги туши убитых зверей, но и здесь они становятся редкостью.

Камусные лыжи используются почти всеми орочами и в первую очередь — охотниками. Совершенно вышли из употребления лыжи-голицы в связи с тем, что сейчас строго запрещена охота по насту.

Для прогулок молодежь использует покупные спортивные лыжи. Правда, они малоудобны для передвижения по тайге из-за рыхлости снега и наличия крутых подъемов и спусков. Для дальних переездов орочи пользуются железнодорожным, морским и воздушным транспортом. Так, сообщение между Советской Гаванью и с. Коппи осуществляется на комфортабельном морском катере или же самолетом и вертолетом. Использование подобных видов транспорта позволило значительно сократить затраты времени на переезды.

СОВРЕМЕННАЯ ОДЕЖДА

Изменения в одежде прежде всего коснулись материала, из которого ее теперь изготавливают. Сейчас для пошива одежды широко используются фабричные ткани.

Современная одежда орочей подразделяется на повседневную и праздничную. Повседневная мало чем отличается от рабочего костюма. Исключение составляет промысловая спецодежда, выдаваемая на период рыболовецкой путины. В комплект спецодежды входят штормовка, широкополая шляпа, резиновые сапоги с высокими голенищами и рукавицы. Охотничий костюм состоит из ватника или меховой куртки, штанов с наколенниками, шапки-ушанки, рукавиц и ровдужных унтов. На сенокосные работы мужчины надевают рубашки, простые брюки, кирзовые сапоги. Кое-кто только вместо сапог обувает ровдужные унты. Во время кошения рубашку снимают и работают в майке или нижней рубашке. Голову повязывают белым платком. Женщина, придя домой, спешит переменить рабочую одежду на домашнюю.

По праздникам и торжественным дням парни надевают новый костюм и полуботинки. Девушки тоже стараются не отстать от моды. Их праздничные платья нарядны, как и у русских девушек, проживающих в этом районе. Будничную одежду в основном шьют сами женщины.

Нужно отметить, что до сих пор в быту у орочей сохранились традиционные ноговицы, рукавицы, распашная меховая куртка, обувь из ровдуги и рыбьей кожи. Это объясняется тем, что эти вещи более практичны по сравнению с покупными фабричными изделиями.

Главным убором у мужчин служит летом кепка, а зимой — шапка, у женщин — ситцевый платок и шаль. Под влиянием русских прическа орочей претерпела коренные изменения. Парни подстригаются под «польку», «полубокс», а старики — под машинку. Девушки делают перманент или короткую стрижку, и только у женщин пожилого возраста — косы.

У русских орочи научились шить тапочки из ровдуги, украшая их незамысловатым орнаментом. Раскрой про-

изводится по специальным шаблонам различных размеров. Потребителями такой обуви являются также и русские — жители окрестных сел и поселков. Свежесть и оригинальность, изящество вышивки, своеобразие в подборе красок являются свидетельством необычайно развитого художественного вкуса и подлинного мастерства, которым обладают народные умельцы.

Оригинальные вещи мастеров Е. В. Акунка, М. Ф. Еминка находятся в Музее революции в Москве.

ПИЩА И УТВАРЬ

В настоящее время покупные продукты (хлеб, крупы, растительные и животные жиры, колбасы и мясные консервы, сахар, кондитерские изделия и другие товары) являются основными продуктами питания. В каждом селении имеется своя пекарня. Закупку круп, жиров, сахара каждая семья делает два раза в месяц, в дни зарплаты.

На зиму орочи заготавливают картофель и овощи, выращиваемые на приусадебных участках и на колхозных полях.

Из традиционных продуктов по-прежнему заготавливают рыбу (соленую, копченую, вяленую), в меньшем количестве — мясо и ягоды (голубику, клюкву, морошку).

Готовят пищу женщины. В зимнее время — в квартире, а летом — на улице, в летней кухне. В доме любой хозяйки имеются эмалированные кастрюли, ложки, чайники, ведра, корыта для стирки белья, баки для хранения воды и многое другое. Но по-прежнему употребляют орочи солонки и туески из бересты. Берестяную посуду используют во время сбора ягод, а также на охотничьем промысле. Кухонные ножи орочи изготавливают сами, реже покупают.

В современных условиях режим питания соблюдается орочами довольно регулярно. В период некоторых работ (сенокос и рыбалка) налажено общественное питание.

Дома члены семьи едят обычно за кухонным столом. Пищу подает хозяйка семьи каждому в отдельной тарелке или эмалированной чашке. В первую очередь хозяйка обслуживает главу семьи и детей, затем престарелых.

Хозяйка в большинстве случаев ест отдельно, в последнюю очередь.

Из традиционных блюд по-прежнему едят талу из свежей рыбы и мяса или строганину. Лакомством считается костный мозг в сыром виде, сырая печень сохатого, изюбря или медведя. Очень любят орочи сырые головы кеты и горбуши. Вообще сыроедение распространено у них широко, и прежде всего у той категории людей, которые по характеру своей работы оторваны от домашнего очага. К ним относятся охотники, рыбаки. Например, рыбаки на путине в большом количестве потребляют рыбу в сыром или жареном виде, а охотники на промысле едят сырое мясо, особенно печень и костный мозг. Женщины и дети в летнее время употребляют в пищу молодые побеги тальника, стебли белокопытника (чуни), корни дикой лилии, а осенью — голубику, клюкву и другие дикорастущие ягоды. Препятствием мясной и рыбный рацион орочей существенно дополняется в наши дни покупными продуктами, в результате чего пища стала разнообразной и высококалорийной.

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У ОРОЧЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современная семья у орочей по своей структуре представляет моногамную малую семью. Проведенное обследование показало, что большинство ороческих семей по своему составу колеблется от одного до девяти человек. Нами зафиксировано: 18 семей, состоящих из двух человек, 12 — из трех, 20 — из четырех, 15 — из пяти, 14 — из шести, 13 — из семи, одна — из восьми, одна — из девяти человек и 12 одиночек. 73 семьи состоят из представителей двух поколений, т. е. родителей и их детей, и 33 семьи — из трех поколений.

До настоящего времени у орочей широко распространен обычай брать к себе в семью престарелых одиночек, которые порою даже не связаны с ними какими-либо узами родства. Победа колхозного строя создала прочную основу для развития в семье отношений, построенных на равноправии, взаимопомощи и взаимоуважении супругов.

Новые семейные отношения формируются и развиваются в результате активного участия членов семьи в общественной жизни села и своего колхоза, под влиянием растущих связей с городом, под воздействием общественно-политической пропаганды: через газеты, радио, кино и т. д.

Экономическая независимость женщины, благодаря ее активному участию в колхозном производстве, обеспечила ей полное равноправие. Порою голос хозяйки при обсуждении семейных и хозяйственных вопросов бывает решающим. Работая наравне с мужчинами, женщины нередко выступают в роли руководителей на отдельных хозяйственных участках. Например, Елизавета Ефимовна Акунка, имеющая троих детей, возглавляет колхозную полеводческую бригаду, Татьяна Алексеевна Ауканка воспитывает четырех детей и работает заведующей животноводческой фермой. Ороцские женщины принимают активное участие в общественной жизни колхоза, посещают собрания и выступают на них. Среди них есть и депутаты местных советов.

Ярким примером служит биография Т. А. Акунка. Она родилась в 1924 г. в селе Уська-Ороцкая. До установления Советской власти их семья кочевала. В 1929 г. на охоте погиб ее отец. Жить стало трудно, и поэтому с организацией колхоза семья сразу же вступила в артель. Т. А. Акунка пошла в школу. В 1941 г. она закончила семилетку, но война помешала учиться ей дальше. В связи с мобилизацией мужчин их места в колхозе заняли женщины. В их числе была Т. А. Акунка. Первое время она работала на рыбалке, а затем ее как хорошего организатора направляют на работу в сельский совет на должность секретаря, а затем и председателя. На этом посту она проработала до 1953 г. В 1954 г. колхоз направил ее на курсы счетных работников, по окончании которых она исполняла обязанности то колхозного бухгалтера, то счетовода, то кассира. Сейчас она работает колхозным кассиром. Несмотря на занятость по работе, имея большую семью (она мать пятерых детей), Т. А. Акунка принимает активное участие в общественной жизни колхоза и своего села. Ее старшая дочь — студентка 2-го курса Хабаровского медицинского института, сын — учащийся строительной школы в Советской Гавани, а остальные трое детей учатся в школе. Односельчане

Т. А. Акунка уже шесть раз подряд оказывали ей доверие избранием в местный Совет депутатов трудящихся.

В наши дни коренным образом изменилась система брачных взаимоотношений. Навсегда исчезло такое позорное явление, как купля невесты, многоженство, обычай левирата, заключение ранних браков. Средний брачный возраст для мужчин ныне колеблется от 23 до 26 лет и для девушек от 18 до 21 года. В брак вступают по взаимному согласию и симпатии. Старинные церемонии и обряды не соблюдаются. Как правило, браки регистрируются в загсе.

Значительное количество браков заключено между орочами, с одной стороны, и тунгусами, нанайцами, ульчами и русскими — с другой. Браки с русскими получили распространение у орочей после установления Советской власти. Из 134 семей чисто орочских насчитывалось 77 и смешанных 57. Детей от смешанных браков насчитывалось 67 человек¹.

Навсегда покончено с унижительным обычаем изоляции женщины на период родов. Младенца кормят грудью до двух лет, подкармливать начинают с 5—6 месяцев. Пищевой рацион ребенка состоит из молочных блюд, бульонов и жидкой каши. Особенно разнообразна пища детей, находящихся в яслях и детских садах. В этих учреждениях детская кухня находится под постоянным надзором врача.

Еще до рождения ребенка родители покупают колыбель. Некоторые орочи, владеющие столярным мастерством, сами изготавливают ее в виде простой зыбки-качалки или в виде простенькой деревянной кровати, установленной на закругленных полозьях.

Наиболее широко используются в семейном быту ночные детские колыбели (дуи), изготовленные из бересты. Это, вероятно, обусловлено тем, что они просты по своей конструкции и их легко можно переносить вместе с ребенком. Мать может спокойно класть такую колыбель рядом с собой в постель без риска во сне при-

¹ Эти данные нами получены в результате личных подсчетов, произведенных на основе материалов сельских советов и устных опросов. При этом возможны некоторые неточности в ту или другую сторону, но не более чем на десяток. Точных документальных данных нам получить не удалось из-за распыленности орочского населения по различным районам Дальнего Востока.

давить ребенка. Некоторые родители используют до сих пор для своих младенцев старинное средство — гигроскопические гнилушки, которые, по мнению местных врачей, являются весьма гигиеничным средством от детской потницы. Мать тщательно следит за чистотой детского белья, регулярно купает ребенка в специальной ванночке. При первых симптомах заболевания немедленно обращается к врачу.

Дети в ороческой семье окружены постоянной заботой и вниманием.

Сейчас большую роль в воспитании подрастающего поколения играют детские сады и ясли.

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современный уровень культуры орочей значительно выше, чем был 15—20 лет тому назад, и коренным образом отличен от дореволюционной эпохи. Эти достижения особенно ярко проявились в развитии просвещения, медицинского обслуживания, культурно-просветительной работы, в области подготовки национальных кадров, в возросшем идейно-политическом уровне ороческого населения.

С каждым годом увеличивается число ороческой молодежи, обучающейся в общеобразовательных и специальных школах, в техникумах и высших учебных заведениях Дальнего Востока. Только в уськинской восьмилетней школе в 1961 г. число учащихся достигало 105 человек. Двухэтажное деревянное здание школы расположено у подножия невысокой сопки, покрытой смешанным лесом. Рядом со школой хорошо оборудованный спортивный городок, за ним опытное поле. Школа имеет центральное отопление, оборудованные кабинеты физики и химии, географии, истории, биологии. При школе создан постоянно действующий музей, в котором собраны замечательные образцы берестяных изделий орочей, предметов культа, зарисовки учеников и т. д. Под руководством учителя биологии ребята организовали живой уголок.

Коллектив учащихся школы по национальному составу является смешанным. Занятия проходят в одну смену. Наибольшее количество ороческих детей обуча-

ется в первых четырех классах. Преподавание ведется на русском языке, подготовительный класс отсутствует.

Из беседы с учителями и учениками выяснилось, что любимые предметы ребят — биология, зоология, география.

В школе хорошо налажена работа комсомольской и пионерской организаций. Учащиеся старших классов в качестве пионервожатых работают с малышами начальных классов. Во всех классах имеются стенные газеты, фотомонтажи, их выпускают сами ребята.

На своем приусадебном участке они выращивают различные сорта ягод: малину, смородину, культивируют актинидию, заботливо ухаживают за посевами овощных культур: капустой, помидорами, огурцами. Не всегда, правда, удается добиться желаемых результатов, случается, что поздние — весенние заморозки побивают всю рассаду.

Гордость орочских школьников — кролиководческая ферма и голубятня. Около 220 штук кроликов содержится в вольерах. Корм заготавливают сами ребята. Они также мечтают создать у себя небольшую звероводческую ферму по разведению норок.

В летнее время школьники старших классов работают в колхозе: на сенокосе, прополке, уборке картофеля.

Почти половина всего преподавательского состава школы состоит из учителей-орочей. Например, Дарья Филипповна Намунка работает в школе более 20 лет. В юные годы она была направлена на учебу в Хабаровский педагогический техникум народов Севера и окончила его. В ее памяти еще отчетливо сохранились картины прошлой жизни, о чем она рассказывает своим учащимся.

Заведующей учебной частью уськинской школы работает Надежда Лукьяновна Ауканка. Она успешно совмещает большую преподавательскую и административную работу с учебой на заочном отделении Хабаровского педагогического института.

Русский язык и литературу преподает Надежда Ноёвна Бисянка. Она сама занимается поэзией. Ею написаны прекрасные стихи, замечательная баллада о погибшем герое Кирилле Батуме.

За здоровьем школьников следит опытный врач Лидия Иннокентьевна Намунка, которая после окончания

Хабаровского медицинского института вернулась в свое родное село.

Директором школы является Николай Павлович Сидоров. Будучи молодым, он, со своей супругой Валентиной Федоровной, уехал по направлению комсомола в далекое таежное стойбище орочей, где провел более 30 лет жизни.

Героический труд замечательных людей не остался незамеченным. Николаю Павловичу Сидорову присвоено звание заслуженного учителя РСФСР, он награжден двумя орденами В. И. Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и несколькими медалями. Валентина Федоровна — орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За трудовую доблесть».

Все учащиеся из числа орочей живут в интернате. Государство обеспечивает их полностью бесплатным питанием, одеждой и учебными пособиями.

В интернате введено самообслуживание. Ребята помогают чистить картофель, подносят воду, моют посуду, накрывают столы. Вся работа осуществляется под руководством воспитателя. Ученики следят за чистотой в комнатах, убирают места общественного пользования. Подносят дрова для отопления жилых помещений.

Окончив школу, ороцкая молодежь продолжает учиться в профессиональных училищах, некоторые поступают в техникумы и высшие учебные заведения Дальнего Востока и Ленинграда. В 1960 г. в Хабаровском медицинском институте из числа орочей обучалось три человека, в Николаевском-на-Амуре медицинском техникуме — четыре, Биробиджанской культурно-просветительной школе — три человека. За последнее пятилетие высшее образование получило девять человек. Сейчас они работают в различных районах Дальнего Востока: врачами в поселке Тишкино и Селихино Советского района Хабаровского края трудятся выпускники Хабаровского медицинского института Г. Акунка и В. Акунка, на Камчатке дирижером оркестра районного дома культуры — Т. В. Акунка.

Свидетельством возросшей культуры является широкий размах культурно-массовой работы среди орочей. До переселения орочей в Уську-Русскую культурно-массовая работа была сосредоточена при Джугджинском клубе. Клуб — центральное место отдыха ороцких кол-

хозяинов. Сюда приходят поиграть в шахматы, домино, шашки, почитать журналы или просто побеседовать.

Три раза в неделю здесь демонстрируются кинофильмы, которые, как правило, проходят при переполненном зале. При клубе работают кружки художественной самодеятельности под руководством выпускника Биробиджанской культпросветшколы Б. Ёминка. По его инициативе был создан клубный совет, куда вошли лучшие активисты и общественники села.

Всей работой клуба руководит совет, обходясь без штатной единицы. Все — внутренняя уборка помещения, заготовка дров на зиму, оформление помещения, наблюдение за порядком — проводится силами сельской общности. В этом деле большая заслуга коммунистов и комсомольцев, которые сумели сплотить вокруг клубного актива широкий коллектив.

После переезда в Уську-Русскую общность села быстро отремонтировала отведенное под клуб здание. Зал был хорошо украшен. В клубе и правлении артели красочно оформлены годовая и перспективный планы колхоза.

Большую работу ведет сельская библиотека. Ее книжный фонд насчитывает около 10 тыс. книг. Здесь можно получить литературу по сельскому хозяйству и рыболовству, по животноводству и механизации. Библиотека хорошо укомплектована политической литературой. Большим спросом среди населения пользуется художественная литература. Любят орочи произведения русских и советских писателей. Почти все население, за исключением неграмотных престарелых стариков, пользуется услугами сельской библиотеки.

На период путины библиотека организует передвижные библиотечки, которые закреплены за бригадами.

Огромное влияние на быт и культуру орочей оказывает медицинское обслуживание. Широкое развитие народного здравоохранения позволило успешно завершить борьбу с трахомой, корью и другими болезнями. Туберкулез стал редким заболеванием, а заболевшие подвергаются своевременному лечению в больницах и санаториях.

Советское государство отпускает на нужды медицинской помощи малым народам Дальнего Востока с каждым годом все больше и больше средств. Об этом

убедительно свидетельствует рост бюджета, выделяемый для уськинской участковой больницы. В 1957 г. на содержание этой больницы было отпущено 10 тыс. руб., а в 1960 г. расходы по этой здравнице составили более 20 тыс. руб.

Уськинская участковая больница № 6 за последние годы пополнилась специалистами высокой квалификации, оборудованы новые кабинеты, увеличилось число коек.

Из года в год улучшается система профилактических мероприятий. При больнице имеется передвижная дезинфекционная камера, регулярно проводится дегельминтизация населения. Раз в год проводится всеобщий рентгеновский осмотр населения. Среди коренного населения Дальнего Востока, в том числе и среди орочей, проводятся предохранительные прививки против различных болезней.

Повседневная забота Коммунистической партии и Советского правительства об охране здоровья народностей Крайнего Севера по повышению их материально-культурного уровня, помощь многодетным матерям и матерям-одиночкам привели к резкому сокращению детской смертности.

В селении Уська-Русская построено новое здание яслей и детского сада на 50 человек, при школе работает медицинский пункт.

Кроме квалифицированной медицинской помощи, которую получают орочи в своей больнице, для них на средства государства и колхоза приобретаются также путевки в лучшие здравницы страны.

Коллектив орочской участковой больницы сумел хорошо организовать дело санитарной пропаганды. Медицинский персонал во главе с главным врачом С. П. Шароком организует лекции, проводит беседы с населением. Верными помощниками медицинского персонала больницы являются санитарные активисты из среды орочского населения. Опираясь на санитарный актив, врачи борются за чистоту территории села.

Несмотря на огромные достижения в экономике и культуре, у орочей бытуют еще некоторые старые обычаи и традиции.

До сих пор сохранились пережитки родовой экзотами. Частично сохранилось поклонение духам. В ос-

новном это присуще людям преклонного возраста. У них еще живо воспоминание о празднике (уни); в прошлом, 40 лет назад, камлание по случаю этого праздника служило шаманам в качестве ширмы для грабежа своих соплеменников. Обходя во время камлания жилища орочей, они забирали у доверчивых охотников все самое ценное: шкурки соболей и выдры, одежду, материю, халаты, камусы и прочее. Награбленное у своих сородичей добро, по заявлению хитрых шаманов, якобы шло на умиротворение злых духов, которые в противном случае чинили бы орочам всяческие препятствия и козни в их повседневной жизни. Совсем по-иному живут орочи в настоящее время. Новые советские праздники украшают их жизнь. Молодежь орочья свободна от уродливых явлений прошлого.

Вечером, когда село залито огнями электрического света, из клуба слышна музыка — там веселится молодежь, не знающая голода и нищеты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе мы рассмотрели хозяйство, культуру и быт орочей — одной из небольших народностей советского Дальнего Востока.

Вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции в общественной жизни орочей сохранялись патриархально-родовые пережитки: деление на патрилинейные роды, родовая экзогамия, рудименты обычного права, обычай гостеприимства и т. д. Однако рост имущественного и социального неравенства, а также общее обеднение орочей в результате грабежа со стороны частных торговцев и развитие товарно-денежных отношений привели к распаду родовой организации, базировавшейся на кровном родстве, и возникновению общности на хозяйственной и территориальной основе. Огромные изменения произошли в жизни этого народа за годы Советской власти.

Октябрьская социалистическая революция поставила проблему некапиталистического пути развития отсталых народностей в порядок революционной практики. Как учил В. И. Ленин, «...с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

Опыт социалистического строительства у орочей еще раз показал правильность ленинских предначертаний

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 219.

о возможности некапиталистического развития отсталых народов.

Создание местных органов управления, основанных на национально-территориальном принципе, сыграло важную роль в возрождении ороцкого народа, в приближении органов Советской власти к труженикам тайги. В 1927 г. был создан национальный туземный РИК и три туземных совета, в деятельности которых активное участие приняли представители орочей.

Созданная в 1928 г. интегральная (смешанная) кооперация организовала среди орочей кооперативы и товарищества по добыче и сбыту пушнины, продукции рыболовства, способствовала развитию сельскохозяйственного производства и животноводства. В 1933 г. орочи совершили переход от простейших форм производственной кооперации к рыболовецкой артели «Ороч». Проведение коллективизации благотворно сказалось на изменении образа жизни ороцкого народа: бывшие полукочевники стали переходить на оседлость. В начале 40-х годов этот процесс был практически завершен.

Одновременно с организацией советов, оказанием экономической помощи была начата работа по развертыванию культурного строительства среди ороцкого населения: открыта школа-интернат, для налаживания медицинской помощи в район расселения орочей направлены врачебно-санитарные отряды Российского общества Красного Креста (РОКК).

Решающую роль в подъеме экономики и культуры ороцкого народа сыграли краевая и местные партийные организации, а также помощь со стороны русского населения и в первую очередь специалистов в лице врачей, учителей, кооперативно-торговых работников.

В годы Великой Отечественной войны орочи активно помогали фронту. Многие из них участвовали в боях против гитлеровских фашистов и японских империалистов. Геройский подвиг совершил сын ороцкого народа Кирилл Батум, которого И. Эренбург образно назвал «воином-рыцарем, освобождающим русскую землю от фашистской погани».

Сейчас основная масса ороцкого населения занята в общественном производстве.

За годы Советской власти неузнаваемо изменилась духовная жизнь орочей. Почти полностью ликвидирова-

на неграмотность. Появилась национальная интеллигенция — учителя, врачи, культурно-просветительные работники и т. д.

Марксистско-ленинская национальная политика обеспечила быстрый экономический и культурный подъем в прошлом отсталых малых народов. На опыте бывших окраин России доказана полная возможность для стран Востока в течение жизни одного поколения покончить с отсталостью, нищетой, болезнями, невежеством и подняться до уровня экономически передовых стран. В семье равноправных социалистических республик бывшие окраины дореволюционной России, которым грозило вымирание от недоедания и болезней, превратились в процветающие края, где жизненный уровень возрос, как и во всем Советском Союзе.

Коммунистическая партия и Советское правительство, строго следуя марксистско-ленинскому курсу в области национальных отношений, доказала всему человечеству, что нет народов не способных к подъему и осужденных на вымирание, есть лишь народы, задержанные в своем развитии неблагоприятными социально-экономическими и политическими условиями и исчезающие вследствие угнетения империалистическими государствами. Подтверждением этому служит современное положение отсталых народов в странах капитала. Приведем несколько примеров. К началу заселения Австралии белыми там насчитывалось 250 тыс. коренных жителей, в настоящее время их осталось не более 40 тыс. Особенно в тяжелом положении оказались индейцы — коренные обитатели Американского континента.

В знаменитой 2-й Гаванской декларации разоблачена сущность американского империализма, который под прикрытием мнимого и лживого «союза ради прогресса» опутал большинство латиноамериканских стран обещаниями о предоставлении населяющим их народам бескорыстной помощи. «Разве этот „Союз ради прогресса“, — говорится в Гаванской декларации, — не является только средством ускорения закабаления туземных племен, угнетаемых на протяжении веков, расстреливаемых ради захвата их земель!.. Ведь есть племена, которые ходят нагишом, есть другие племена, о которых предполагается, что они занимаются людоедством, есть племена, которые при первом же контакте с цивилизацией

вымирают, как насекомые, есть племена, которых лишают земли, то есть сгоняют с их земель и заставляют их удаляться в леса или горы, или самую глубь степей и джунглей, куда не доходит никакое, даже малейшее проявление культуры, куда не доходят ни свет, ни хлеб, куда вообще ничего не доходит»².

В Бразилии за период с 1900 по 1950 г. вымерло 100 племен. Племя «каинганг» в 1912 г. насчитывало 1200 человек, а в настоящее время только 800 человек. В племени «мундуруку» в 1925 г. насчитывалось 20 тыс. человек, а в 1950 г. — 1200. В племени кайяпо в 1902 г. было 2500 человек, а в 1950 г. — 10³.

Страшным бичом для коренных жителей Америки являются свирепствовавшие среди них эпидемические заболевания. Весьма типична в этом отношении трагическая судьба племени урубубу — одно из индейских племен Северо-Восточной Бразилии. В 1950 г. всего несколько лет после того, как они были открыты, урубубу заразились корью. В течение нескольких дней из 750 человек умерло 160. Клод Леви-Страус — видный буржуазный этнограф, со слов очевидца, так описал этот трагический случай: «Первую деревню мы нашли покинутой. Все жители ушли из нее, так как были убеждены, что таким образом избавятся от болезни, которая, по их представлениям, была духом, нападающим на селения. Жителей этой деревни мы нашли в лесу. Почти все они стали жертвами болезни. Истощенные, дрожащие в лихорадке, лежали они под проливным дождем. Кишечные и легочные заболевания настолько ослабили их, что они не в силах были добывать себе пищу. У них не было даже воды, и они умирали не только от болезни, но и от голода и жажды. Дети ползали по земле, пытаясь сохранить огонь под дождем в надежде согреться; мужчины, сгорая от жара, не могли шелохнуться; потерявшие сознание женщины отталкивали тянувшихся к груди беспомощных младенцев»⁴.

40—50 лет тому назад аналогичные картины можно было наблюдать у орочей. Еще свежи в памяти воспоминания о трагической участи коппинских орочей в

² 2-я Гаванская Декларация. «Правда», 6.II 1962 г.

³ Клод Леви-Страус. Пути развития этнографии. «Курьер», ноябрь, 1961, стр. 15.

⁴ Клод Леви-Страус. Указ. соч., стр. 15.

1909 г. Таковы контрасты жизни небольших народов в нашей стране и за рубежом.

В свете решений XXII съезда КПСС открываются более величественные перспективы в области экономического и культурного подъема всех народов нашей страны. Задачи в области национальных отношений строго определены в величайшем документе современности — Программе КПСС: «...продолжать всестороннее развитие экономики и культуры всех советских наций и народностей, обеспечивая их все более тесное братское сотрудничество и взаимопомощь, сплочение и сближение во всех областях жизни и достигая всемерного укрепления Союза ССР...»⁵.

Воодушевленный историческими решениями XXII съезд КПСС, этот маленький народ вносит свою лепту в общее дело создания коммунистического общества.

⁵ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1962, стр. 114.

ЛИТЕРАТУРА

I. Произведения классиков марксизма-ленинизма

- Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич. Третий набросок. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21.
- Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21.
- Ленин В. И. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам. 26 июля (II конгресс Коммунистического Интернационала). Сочинения, т. 31.

II. Документы

а) Не опубликованные

- Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР), ф. 3977, оп. 1, д. 97, 804, 211, 587, 828, 992.
- Партийный архив Хабаровского крайкома КПСС (ПАХК КПСС), ф. 2, оп. 1, д. 726; ф. 2, оп. 4, д. 614; ф. 2, оп. 5, д. 80.
- Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф. 19, оп. 1, д. 46; ф. 137, оп. 4, д. 353; ф. 537, оп. 1, д. 28, 60; ф. 683, оп. 1, д. 139.
- Архив Музея антропологии и этнографии АН СССР (Архив МАЭ), ф. 12, оп. 1, д. 35—36; оп. 4, д. 51—52; оп. 5, д. 6, 8—9.
- Архив г. Советская Гавань, ф. 25, д. 65, 78; ф. 33, д. 1, 26.
- Архив Приморского отделения ВГО, ф. В. К. Арсеньева. Юбилейная экспедиция в честь присоединения Приамурского края к России. Путевые дневники № 1, 2, 3.
- Архив ДВ филиала СО АН СССР, ф. Е. А. Емельянова.
- Архив Устькинского сельского совета Советского района Хабаровского края.
- Архив артели «Ороч».
- Архив устькинской школы № 9 Советского района Хабаровского края.

б) Опубликованные

- «Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет», т. I, 1960.
- «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. VII (дальневосточный край, Якутская АССР), М., 1928.
- «Два года работы Далькрайисполкома за 1926—1927 гг.». Материалы к отчету 3-му краевому съезду Советов. Хабаровск, 1929.
- «Документы по истории гражданской войны в СССР». М., 1941.
- «Известия Далькрайисполкома», № 4 (8), 20.II 1927.
- Резолюции X и XII съездов РКП(б) по национальному вопросу. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК, ч. I, изд. 7. М., 1953.
- «Кооперация Дальневосточного края». Хабаровск, 1926.
- Отчет Дальревкома и Дальэкозо за 1923—1924 гг. Хабаровск, 1925.
- Патканов С. К. Статистические дачные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. (На основании данных специальной разработки материалов переписи 1897), т. III, СПб., 1912.
- Резолюции IX расширенного Пленума Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. М., 1932.
- Соляровский В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Материалы по изучению Приамурского края, вып. XXVI. Хабаровск, 1916.
- «Итоги Всесоюзной переписи 1959 г.».
- Сообщения Центрального статистического управления при Совете Министров СССР («Советская Россия», 4.II 1960 г.).

III. Монографии, статьи, очерки

- Аврорин В. А., Козьминский И. И. Представления орочей о вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на «карте». «Сб. МАЭ АН СССР», т. XI, 1949.
- F. Albert. Die waldmenschen Udege. «Darmstadt», 1956, s. 43.
- Антропова В. В. Лыжи у народов Сибири. «Сб. МАЭ АН СССР», вып. 14, М.—Л., 1953.
- Арсеньев В. К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. Владивосток, 1911.
- Арсеньев В. К. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957.
- Большев Л. А. Об исследованиях берега Японского моря и Татарского пролива, «Известия РГО», т. XII, вып. 3, 1876.
- Бошняк Н. К. Экспедиции в Приамурском крае. (Экспедиция в залив Де-Кастри; опись Татарского берега и открытие Императорской гавани). «Морской сборник», № 3. СПб., 1859.
- Васильев Б. А. Старинные способы охоты у Приморских орочей. «Советская этнография», т. III, 1949.
- Васильев Б. А. Медвежий праздник. (Опыт этнографического анализа обряда и мифологии). М., 1946.
- Герстфельд. О прибрежных жителях Амура. «Вестник РГО», ч. XX. СПб., 1857.
- Долгих Б. О. и Левин М. Г. Территориальные связи у народов северной Сибири. (Родовое общество). Этнографические

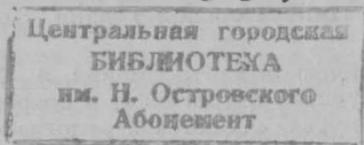
- материалы и исследования. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. 14, 1951.
- Золотарев А. М. Амурские орочи. «Советский север», 1934, № 6.
- Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.
- Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. «Труды института этнографии АН СССР», новая серия, т. 22, 1954.
- Иващенко О. Пути подъема хозяйства и культуры народностей севера. «Правда», 11. II 1960.
- Ларькин В. Г. Современное экономическое положение удэгейских артелей и перспективы их дальнейшего развития. Сб. статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.
- Ларькин В. Г. Удэгейцы. Владивосток, 1959.
- Ларькин В. Г. Поездка к иманским и хунгарийским удэгейцам. «Советская этнография», 1959, № 1.
- Ларькин В. Г. Хозяйство и средства передвижения удэгейцев до установления Советской власти. «Труды ДВ филиала СО АН СССР», серия историческая, т. 1. Саранск, 1959.
- Левин М. Г. О происхождении упряжного собаководства. «Советская этнография», 1946, № 4.
- Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенезиса народов Дальнего Востока. «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XXXVI, 1958.
- Леонтович С. Краткий русско-орочонский словарь. Записки Об-ва изучения Амурского края, т. V, вып. II. Владивосток, 1896.
- Леонтович С. Природа и население бассейна р. Тумнин Приморской области. «Землеведение», т. IV, № 3—4, 1897.
- Лукс К. Туземные районы Дальнего Востока и проведение северо-западной границы Дальневосточной области. Сб. «Материалы по районированию Дальнего Востока». Чита, 1924.
- Лукс К. Туземное административное и кооперативное районирование низовьев Амура. Сб. «Туземное хозяйство низовьев Амура в 1927—1928 гг.». (По материалам обследования 1928 г.). Хабаровск — Благовещенск, 1929.
- Ляхоцкий П. Миссионерская поездка к орочонам. «Православный благовестник», № 1, 2, 6. Казань, 1897.
- Максимов С. На востоке. Поездка на Амур (1860—1861 гг.). Дорожные заметки и воспоминания, СПб., 1864.
- Максимович К. И. Приамурский край. Приложение ко 2-му тому записок Академии наук. СПб., 1862.
- Маргаритов В. П. Об орочах Императорской Гавани. Владивосток. СПб., 1888.
- Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. Л., 1929.
- Окладников А. П. Древние Амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приамурья. «Советская этнография», 1959, № 1.
- Покровский А. Н. Антропологический тип орочей. «Труды 3-го Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов, 1927 г.». Л., 1928.
- Прыткова Н. Ф. Типы верхней одежды. КСИЭ АН СССР, вып. 15, 1952.
- Протодьяконов А. П. Краткий русско-орочонский словарь. Казань, 1888.

- Расцветаев К. М. Тунгусы Мямяльского рода. «Труды СОПС АН СССР», вып. 13, серия якутская. Л., 1933.
- Рончевский А. Д. Измерение 17 черепов орочей и несколько заметок об этой народности. Медицинские прибавления к «Морскому сборнику», август, 1888.
- «Народы мира». Народы Сибири. М.— Л., 1956.
- Смоляк А. В. Материальная культура ульчей и некоторые вопросы их этногенеза. «Советская этнография», 1957, № 1.
- Шнейдер Е. Р. Искусство народностей Сибири. Сб. «Искусство народностей Сибири». Л., 1930.
- Шренк Л. Об инородцах Амурского края, т. 1, 1883; т. 2, 1899; т. 3, 1903.
- Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.
- Цинциус В. И. Очерки морфологии орочского языка. «Ученые записки ЛГУ», № 98, серия востоковедческих наук, вып. 1. Л., 1949.
- Эдельштейн Я. Северный и средний Сихотэ-Алинь. «Известия РГО», т. 41, вып. 2. СПб., 1905.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВГО — Всесоюзное географическое общество.
- ГАХК — Государственный архив Хабаровского края.
- КСИЭ — Краткие сообщения института этнографии АН СССР.
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР.
- ПАХК — Партийный архив Хабаровского крайкома КПСС.
- РГО — Русское географическое общество.
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства.

164907

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Часть I	
Орочи с середины XIX в. до установления советской власти	
Глава I. <i>Исторический очерк</i>	9
Из истории этнографического изучения орочей	9
Общие сведения об орочах	14
Глава II. <i>Хозяйство и материальная культура орочей</i>	24
Охота	24
Рыболовство	32
Домашнее производство	36
Средства передвижения	38
Селения, жилища и хозяйственные постройки	44
Пища и утварь	53
Народная одежда	57
Глава III. <i>Общественная и духовная жизнь орочей</i>	66
Правовое и культурно-экономическое положение орочей до установления Советской власти	66
Разложение родовой организации и ее пережитки в об- щественной жизни орочей	73
Семья и семейный быт	83
Брачные отношения и номенклатура родства	88
Религиозные верования и обряды	93
Култ медведя	97
Шаманство орочей	100
Похоронные обряды	105
Положительные знания и народное творчество	108
Часть II	
Орочи в годы советской власти	
Глава I. <i>Социалистическое строительство у орочей</i>	121
Установление Советской власти в орочских стойбищах	121
Кооперативно-колхозное строительство у орочей	126
Культурное строительство	129
Орочи в годы Великой Отечественной войны	143
Глава II. <i>Современное хозяйство и материальная культура орочей</i>	147
Экономика орочей в наши дни	147
Селения, жилые и хозяйственные постройки орочей	150
Пути сообщения и средства передвижения	153
Современная одежда	155
Пища и утварь	156
Семейно-брачные отношения у орочей на современном этапе	157
Развитие культуры на современном этапе	160
Заключение	166
Литература	171

Виктор Григорьевич
ЛАРЬКИН

О Р О Ч И

*Утверждено к печати
Дальневосточным филиалом
Сибирского отделения
Академии наук СССР*

Редактор
Д. М. КОГАН

Редактор издательства
Г. В. МОИСЕЕНКО

Технические редакторы
Е. В. МАКУНИ и Т. В. ПОЛЯКОВА

Сдано в набор 5/IX 1964 г.
Подписано к печати 17/X 1964 г. Формат 84 × 108^{1/32}
Печ. л. 5,5 = 9,02 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 8,6
Тираж 1200 Т. 15906 Изд. № 2342 Тип. зак. № 1160
Темплан 1964 г. № 108. Цена 52 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

52 коп.